

✓

221

мир Дружинин

К И Ш Е Р

с

И Н О К О "

г д а т • 1 9 5 3

Владимир Дружинин

1954

ГБ УЗСОР

3071

ШКИПЕР С „ОРИНОКО“

V
221

Ленинградское
газетно-журнальное и книжное издательство

1955

1

Откладывать больше не к чему. Всё равно ведь, — как ни раскидывай умом, как ни высчитывай, другого выхода нет. А раз нет, то незачем и тянуть с этим делом.

Он, бедняга, не знает, что́ ему предстоит. Вот он стоит у причала и охорашивается на солнышке, — наш «Ориноко». Он ждет своего хозяина, а не знает, что хозяин давно уже решил отдать его в чужие руки. Еще в прошлом месяце был у меня разговор с Бибером. Я спросил его, не возьмет ли он «Ориноко» в свою мастерскую. Но Бибер заломил такую цену за ремонт, что мне только одно и остается, — продать бот. Биберу, верно, это и нужно было.

— Могу вам предложить другое, — сказал он, подвигая мне ящик с табаком. — Я куплю вашу посудину.

— Горький у вас табак, — ответил я. — Мой слаще, господин Бибер.

— Подумайте, господин Ларсен, — сказал он.

— Хорошо, я подумаю, — обещал я.

А думать, собственно, нечего. К кому пойдешь, кроме Бибера. Я бы, не мешкая долго, отвел бот, если бы не бабушка Марта. Запало ей в голову, что вот-вот вернется Аксель.

— Посмотри на его карточку, — говорит она. — Он смотрит, как живой. Никогда он так не смотрел. Кажется мне почему-то, что он скоро будет дома.

И сегодня она уговаривала меня подождать. Но откладывать дольше я не могу.

— Идем, — сказал я ей. — Простись с ним, если хочешь.

И мы выходим. Солнце перевалило через хребет и залило всю бухту, но тепла от него нет. Студеная нынче весна, недобрая, — точь-в-точь, как в первый год оккупации, когда немцы забрали Акселя. С тех пор не видим мы настоящего тепла. Солнце как будто подменили. Апрель на исходе, а оно всё не может обогреть нас.

На камнях, на мостках, переброшенных от одного гранитного желвака к другому, лежит ночная изморозь. Она тает медленно. Холодное солнце не скоро сгонит ее всю.

Бабушка Марта переступает следом за мной по качающимся, хлюпающим лодкам и крепко держится за мой плащ. Я поднимаюсь на бот и даю ей руку.

— Это что? — спрашивает она, разогнувшись и подобрав с палубы стебелек морской травы. — Так вы с Эриком ухаживаете за кораблем? Не прибрали напоследок!

И как она разглядела крохотный стебелек! Дома без очков ни шагу, — а тут разглядела.

— Постыдился бы, Рагнар, — продолжает она отчитывать меня. — Что если господин Бибер сам пожалеет? По кораблю судят и о хозяине. Воображаю, что внизу делается. Нет, не ходи за мной, — отмахнулась она. — Я сама Ноги еще держат.

Она долго не выходила из трюма, и я не торопил ее. Я ведь знаю, зачем она туда полезла: просто, ей хочется побыть одной, проститься с нашим «семейным ковчегом», как называл его Аксель. Я догадываюсь, что видят сейчас старые глаза бабушки Марты. Нет, не сор на полу. Она видит себя молодой. Она видит, как ее муж, дедушка Карл, в своем синем свитере и войлочной шляпе, откинутой на самый затылок, сколачивает стапель, отбирает брусья для шпангоутов и по расположению сучков отличает доброе дерево от злого, приносящего беду. Как соскальзывает на воду новенький бот с надписью на борту — «Ориноко», а мы, ребята Сельдяной бухты, стоим на скалах и кричим от радости. Среди нас и хрупкая, тоненькая Хильда — дочь дедушки Карла и бабушки Марты, ставшая потом моей женой. И я вижу всё это сейчас, — только, конечно, не так ясно, как бабушка Марта. Я был тогда мальчишкой. Меня, помню, удивила надпись на борту. Что значит — «Ориноко»? Никто в Сельдяной бухте не мог толком объяснить. И дедушка не знал. Он прочел это название на большом океанском пароходе и окрестил в честь его свою скорлупку.

Мы, ребята, гурьбой двинулись в соседнюю бухту, к учителю, — выяснять, что же такое «Ориноко».

«Ориноко» служил нам долго. Когда немцы сожгли наш дом в Сельдяной бухте, мы перебрались в него все трое — я, бабушка и Эрик, мой младший сын. Немало жестоких штормов выдержали мы в нем на севере, у Птичьих островов, куда нас угнали немцы — ловить треску и зубатку. На нем мы вернулись после войны в родную бухту, на нем и ушли из нее, побродив по голым скалам, погоревав над пожарищами.

Всему свой конец, как видно. Вот и последний рейс.

— С богом, Рагнар, — говорит бабушка Марта. — Не провожай меня, я одна сойду.

Лицо у нее строгое, как на молитве. Глядя прямо перед собой, она идет к берегу, твердо перешагивая с лодки на лодку. Они трутся бортами, скрипят и всхлипывают.

Теперь бабушка Марта на берегу и будет там до тех пор, пока не потеряет «Ориноко» из виду.

Вот я уже на середине бухты. Ветер тихонько подталкивает старый, залатанный парус, домики на берегу становятся всё меньше, а горы за ними всё выше. Но глаза бабушки Марты, верно, еще не оторвались от паруса.

Ветер слабеет. Такая печальная тишина вокруг, что больно сердцу. Даже чайки сегодня не хотят составить мне компанию, не хотят повеселить меня своими звонкими голосами. Чуют они, — нечем поживиться на пустом судне. Подлетела одна, взмыла кверху над мачтой, блеснула белой грудкой и, не издав ни

звука, словно испугавшись чего-то, кинулась в сторону.

Еще час ходу, и по левому борту раздвигается стена гор, открывается рыбная гавань с причалами, чашей мачт, рыбозаводом и конторой. Над крышей конторы серебряные буквы: «Генри Бибер и сыновья». У него два сына, и оба живы, здоровы.

Настоящее его имя, данное при рождении, — Хенрик, но оно ему, видно, не понравилось, и он выбрал себе другое, не наше — Генри. Мы все — и рыбаки, сдающие ему улов, и рабочие, матросы на судах Бибера, — так и зовем его меж собой: Генри.

Вскоре «Ориноко» пришвартован к набсрезной, а я сижу в кабинете у Генри.

— Да, да, — говорит Генри, подвигая мне свой резной ящичек с табаком, — о мореходных качествах вашей посуды можете мне не рассказывать, господин Ларсен. Я знаю. Если бы не это, сильно сомневаюсь, что я смог бы купить «Ориноко», при всем желании пойти вам навстречу. Вы знаете, я недавно приобрел лесопилку, и мне не до новых покупок. Суда из вашей Сельдяной бухты вообще славятся, я знаю. Конечно, было бы жалко, если бы такой шедевр пошел на слом.

— Это точно, господин Бибер, — отвечаю я, польщенный похвалой, — у нас умели строить. Дедушка Карл работал без чертежей и нынешним дал бы два очка вперед.

Господин Бибер очень любезен со мной сегодня. Вот если бы он был так любезен, чтобы скостить хоть немного долг при расчете за «Ориноко».

Секретарша отстукала на машинке столбик цифр и, держа бумажку в вытянутых розовых пальчиках, протанцевала ко мне по паркету. Нет, ни одного эре не скинул Генри.

— Что ж, избавиться от долга это тоже кое-что значит, — сказал он. — Я особенно легко себя чувствую, когда мне удастся сбросить с плеч долг. Не знаю, как вы, господин Ларсен, а я лично полагаю так.

Спорить бесполезно. Всё равно ведь больше не к кому пойти, кроме как к нему. Но всё-таки, — не всё будет, как ему угодно.

— Одного вы не учли, господин Бибер. Я сам доставил вам бот.

— Велико ли расстояние, господин Ларсен!

— И мне казалось, что небольшое, — говорю я как можно бесхитростней. — Две трубки — так мне всегда представлялось. А сегодня пять успел выкурить, пока добрался до вас. Три кроны надо положить за доставку.

— Довольно и двух, господин Ларсен.

Каков! Торгуется из-за кроны! Цепко держится Генри за свои деньги. Ну да и я могу постоять за себя. Нет, три кроны и ни эре меньше.

— Виола, — позвал Генри и вздохнул. — Приплюсуйте три кроны. Поверьте, господин Ларсен, в моем хозяйстве не меньше трудностей, чем в вашем. Большое хозяйство — большая и тяжесть. Маленькое — и забот меньше.

— У меня теперь никакого нет, — сказал я.

Генри уже поглядывает на часы, вертится в своем плетеном креслице, поскрипывает ко-

жаной курткой, заправленной в брюки, и всем своим видом показывает, как ему дорого время и до чего много у него забот. Теперь я должен встать и поблагодарить господина Бибера, как того требует вежливость, сказать спасибо за то, что он изволил купить бот и накинул три кроны за доставку; за то, что он избавил меня от хозяйства. И еще за то, что обещает дать мне место в своей флотилии. Значит, мне грех обижаться. Многим живется хуже. Немало хороших шкиперов, а того больше лоцманов и матросов ищут работы.

Язык мой поворачивается туго, но я выдавливаю слова благодарности господину Бибери.

Вот и всё. Шкипер Ларсен уже не хозяин на своем судне. Сегодня же слух об этом выкатится за ворота рыбной гавани, — а там долго ли ему обежать полдюжины улиц городка. Слух поднимется сперва по улице Лютера в гору, остановится возле кинотеатра «Одеон», возле кирпичи, пристанет по пути к почтальону Пелле, который рад разнести, кроме писем, еще свежую сплетню. Слух шмыгнет затем в харчевню «Веселый Лосось». Словом, к вечеру все охотники почесать языки будут гадать, — как могло случиться, что шкипер Ларсен продал свой знаменитый «Ориноко», избородивший всё море от края до края? Неужели шкипер Ларсен так обеднел, что не мог наскрести сотню-другую крон на ремонт. И бог весть, что еще будут болтать пустомели. Так нет же, не очень-то они разойдутся. Прижму я им языки. Я сам найду дорогу к «Веселому Лососю».

Давно я не был в «Веселом Лососе». Иногда я, проходя мимо, видел через приоткрытую дверь старуху Энгберг, которая поджидала гостей, положив жирные локти на буфетную стойку. Но я не мог переступить порога ее заведения. Говорят, она выдала гестаповцам моего Акселя. Правда, никто не знал ничего определенно. Здесь и соврут, так не возьмут и эре. Такой уж здесь народ. Однако я не мог войти к старой, прости меня бог, ведьме, пока она была жива.

Старуха Энгберг умерла дня три назад. За стойкой теперь ее племянница. Черное теткинское платье, надетое в знак траура и наспех подогнанное, висит на худеньких плечиках девчонки, как на вешалке.

Так вот какое оно, — самое шикарное заведение в городе! Бумажные занавески, бумажные линялые розы над буфетом. Не очень-то богато! Мы с Эриком заняли столик в углу, я подозвал девчонку и спросил, как ее зовут.

— Христина, к вашим услугам, — пропищала она и сделала неловкий книксен, словно споткнулась.

— Послушай, Христина, не слыхала ты — никто не поминал тут имя шкипера Ларсена?

— Нет, никто.

— Значит, никто не рассказывал, как Генри Бибер выпросил у Ларсена «Ориноко»? — спросил я нарочно громко, чтобы слышали другие посетители.

— Нет. Ой, это вы — шкипер Ларсен?

— Ну да. А что?

— Вы будете у нас свидетелем.

— Каким свидетелем? — удивился я.

— Вы не знаете разве? — тихо сказала она, тербя скатерть. — Послезавтра нас будут вводить в наследство, меня и Стига. Бургомистр вас назначил.

Нет, это новость для меня. Значит, не забывает меня доктор Арвид Скобе, земляк из Сельдяной бухты. Не отшибло у него память от того, что стал главой города. Это хорошо! Вспомнил, стало быть, что есть шкипер Ларсен, когда потребовалось назначить свидетелей из числа уважаемых граждан города для передачи наследства старухи Энгберг.

— Должно быть, Пелле, почтальон, не принес еще письма, — сказал я девушке. — Вы со Стигом подготовьте всё, понятно? Список всех пожитков.

— Скорее бы! — вздохнула Христина. — Стиг сегодня пришел, полез в конторку и взял пять крон из выручки. Так нахально поступает!..

— Боцман Стиг деньги любит. Не терпится ему заполучить наследство.

— Я тоже наследница, — улыбнулась Христина и показала мелкие, ровные, остренькие зубки. И нос у нее острый, и плечики. Вся она остренькая.

— Много ли тебе нужно, пичужка! — засмеялся я. — Пиво у тебя хорошее?

— Солодовое только, — ответила она, посмотрела на Эрика и повторила: — Солодовое. Вам сейчас? Ах, вы друзей ждете? Пожалуйста. Ячменного пива вы теперь и в столице не найдете, — прибавила она тихо, словно

доверяла нам тайну, известную ей одной. И опять стрельнула глазами в Эрика.

Ишь, хворостина, еще пялится на моего Эрика. Ладно, что он еще не понимает. Выглядит он заправским женихом, — а ведь ему еще восемнадцати нет. Нечего ей глазеть на него. Богатая невеста! Нет, не надо нам добра старухи Энгберг.

Впрочем, Эрик и внимания не обращает на Христину. Он смотрит на дверь, откуда должны появиться мои гости, и ёрзает ногами под столом, — жмут новые башмаки.

Идут, идут наконец! Сапоги начищены, волосы приглажены. Вот какой народ у нас в Сельдяной бухте, молодец к молодцу, не чета городским. Верзила Микель — приемщик рыбы. Брат его Юхан — чуть пониже — вышагивает вслед за Микелем. А вот рыжеватый, плечистый, в сером пиджаке, — Нильс Эберггард, по прозвищу Летучий шкипер — бывший партизан, ускользавший из-под самого носа у немцев и нападавший на них там, где они меньше всего ждали этого.

Все — мои земляки, кроме одного, — лысого безбородого Эрко, родом с севера, круглого бобыля.

— Остренькая, — кликнул я Христину, завидев их. — Тащи пиво. Убери бумажные цветы. Ему, — я указал на Эрика, — тоже большую кружку.

И покраснел же Эрик! Даже руки у него сделались красные, — так показалось мне, когда он здоровался с гостями.

— Ну, рассказывай, — молвил Летучий шкипер, садясь. — Тебя Бибер, слышать, с почетом

принимал сегодня. В кабинете? Да? Ты, верно, гостинцами завалил своих.

— Эрик, выставь-ка ноги из-под стола, — велел я. — Похвастай обновкой.

— Только и всего? — спросил Летучий шкипер. — Ловко! Обменял корабль на башмаки.

Все засмеялись. Но я решил доказать им, что и я умею постоять за себя, и сказал:

— Я тоже прижал Бибера!

— Интересно, — молвил Летучий шкипер. — Тише, мальчики, послушаем, как Рагнар прижал Бибера.

Я тут же выложил им, как мне удалось вытрясти три кроны за доставку «Ориноко». Шкипер, вместо того, чтобы оценить мою находчивость, покачал рыжей головой, и лицо его с огненными крапинками на белом лбу стало вдруг очень серьезным.

— Как же ты считаешь, кто кого больше прижал — ты его или он тебя?

Хромой Эрккес фыркнул и засмеялся. Но когда Эркко рассмеется первый, ему редко кто вторит, потому что смех у него невеселый. Эркко обыкновенно сразу же закашляется и начнет тяжело, с присвистом, дышать. И на этот раз смеялся он один. Отдышался и проговорил:

— Кричит заяц: я, мол, лису поймал. Ему зайчиха: тащи ее сюда! А он: нельзя, не пускает!

— Не пускает, — грустно повторили братья Микель и Юхан.

Что это они, никак вздумали жалеть меня? Не люблю я этого.

— Ничего, ребята, мореход Ларсен не

пропадет, — сказал я громко, чтобы слышали все в зальце.

Но никто не поддержал меня, а Микель пошевелил губами и произнес:

— Скоро совсем негде будет ловить.

— Что значит, негде? — удивился я. — Что ты говоришь, Микель?

Микель опять пошевелил толстыми, потрепавшимися губами, собираясь ответить, но Нильс опередил его:

— Генри отдает остров Торн.

— Торн? Да вы шутите, ребята! Не может быть!

По их лицам, однако, видно было, что они не шутят. Остров Торн? Тогда либо я ничего не понимаю в промысле, либо Генри... Много ли у него таких угодий, как остров Торн, изрезанный заливчиками, удобными для нереста, окруженный банками, где рыба кормится водорослями! Нет, Генри плохой хозяин, если хочет расстаться с островом.

— Торн отойдет авиационной компании, — сказал Нильс. — Один представитель от нее приезжал, осмотрел место. Генри ждет другого, поважнее, чтобы ударить по рукам.

— Дурак будет Генри, если продаст, — сказал я. — Затеял тоже! На кой нам чорт нужна тут авиация! К нам и так письма дойдут, — было бы кому писать.

— Тут другое, — молвил Нильс.

— Что же другое?

— Войной пахнет, вот что, — вставил Эрко, дернувшись вперед. — Или ты не знаешь, что творится, Рагнар? В газетах давно пишут...

— Мало ли что пишут в газетах, ребята, —

ответил я. — Про Олле писали, — в каком это году было, не помнишь, Микель? — будто он вытащил из лосося жемчужину. А он пуговицу нашел. Вот такую, — я обхватил пальцем медную пуговицу с якорем на своей куртке и показал им. — Вот чего стоят ваши газеты.

— Кто-кто, а Генри не стал бы горевать, начнись опять война, — сказал Нильс и выколоти́л трубку. — Напротив.

Нет, глупости! Я и слова не хочу слышать, — война. Разве второй Гитлер где-нибудь объявился? Три года прошло, как отвоевали, и что же — опять? Кто же, спрашивается, полез воевать? Хоть я и не читаю газет, хоть память у меня и не приспособлена для политики, — политика вытряхивается из головы, как мелкая плотва сквозь сеть, — а всё-таки скажу, что неоткуда быть войне, и никто меня не переубедит. Я начал обдумывать, как бы похлеще ответить Нильсу, но в это время, слышу, Христина подъехала к моему Эрику:

— Я вас не видела.

— Мы не ходили сюда. А я вас тоже нигде не видел.

— Я нигде не бываю.

— Почему же вы нигде не бываете?

— Я всё на кухне. Меня тетя дома держала.

— А ну вас, — вмешался я. — Хватит жужжать над ухом. Справляй свое дело, девочка.

Так я и не ответил Нильсу.

Эрко, волнуемый какими-то своими мыслями, говорил, щелкая кривым ногтем по кружке:

— Богач так рассуждает: коли у тебя нет

денег, значит, проживешь недолго. А коли недолго проживешь, то зачем тебе и деньги.

— Да ну вас к чорту, ребята, — взмолился я. — Глядеть на вас тошно. Моряки мы или нет? Пей, Эркко, пей, шкипер, — я два раза поднял свою кружку. — И вы тоже, Микель, Юхан, поживей. Как говаривали прежде, — твое здоровье, мое здоровье, здоровье всех красивых девушек! Опорожним посуду и сыграем. Нас шестеро как раз. Ну, ребята! Ей-богу, не может же быть всё время плохо. Будет же, дьявол побери, когда-нибудь хорошо, а?

— Он прав, мальчики, — поддержал Летучий шкипер. — Давайте сыграем.

— Я капитан на этой стороне, — объявил я, вынув из кармана двадцать эре.

— У нас главным будет Нильс, — сказали братья Микель и Юхан и пересели на другую сторону стола.

И вот мы сидим друг против друга, — две команды. Я подбрасываю монетку; она падает гербом вниз. Нильс начинает. Я передаю ему монету и команду:

— Раз!

Летучий шкипер не спеша посапывает трубкой, выталкивает маленькими облачками дым, лицо его спокойно, большой белый лоб не морщится, зато руки под столом беспокойные, быстрые.

— Два! — отсчитываю я.

Нильс уже вложил кому-то монету в ладонь. Он нарочно медлит немного, забавляясь нашим нетерпением, затем раздаётся резкий удар, — руки Летучего шкипера лежат на столе и вслед за ними выбрасываются на стол

руки игроков его команды. У кого под ладонью монета? Ручища Микеля лежит на скатерти словно чугунная плита. Небось, Микель расплющил монету, — так хватил по столу. Но почему мне сдается, что он прячет монету? Не оттого ли, что он не поднимает на меня глаз, взглядом боится выдать свою тайну? Я же знаю тебя, Микель, мой дорогой, — парень ты открытый, прямой, ничего ты не умеешь скрыть. Но и Юхан внушает мне подозрения: рука его очень крепко прилепилась к скатерти, мизинец оттопырился и вздрагивает, стоит мне прикоснуться к нему трубкой. Похоже — держит он монету, держит со страхом, боится выдать себя неосторожным движением. Мужик он не очень-то смелого десятка, — это верно. А шкипер — тот озорничает, делает вид, что монета у него, заглядывает себе под ладонь, подмигивает мне. Развеселился точь-в-точь, как Эрик, — даром, что на пятнадцать лет старше. Ну, меня не так-то легко сбить с толку. Я толкаю в бок подпрыгивающего на стуле Эрика:

— У кого она, как по-твоему?

— У вас, дядя Нильс, — говорит Эрик, не спуская глаз с Летучего шкипера.

Я не спешу. Мне хочется подразнить их.

— Ты, Нильс, можешь убрать руки; всё равно у тебя нет. А ты, Юхан? У тебя ведь тоже нет. Ты до тогоходишь в игру, что тебе и впрямь чудится монетка под ладонью. Снимай, снимай свои лапы. Давай мои двадцать эре, Микель!

— Из-под какой руки? — спрашивает Микель, не поднимая глаз.

— Из-под правой.

— Молодец, Рагнар! — крикнул Летучий шкипер.

Он повторил это, когда мы, сыграв несколько конов, вышли на улицу.

— Хорошо, если бы ты во всем так докапывался до правды, — прибавил он. — Не только в игре.

Что он хочет этим сказать? Я чувствую, он опять сворачивает на политику. Так пусть он не беспокоится за меня. Рагнар Ларсен хоть и не может похвастать ученостью, но кое-какая смекалка у него есть. В людях он мало-мальски разбирается. И уж во всяком случае он может постоять за себя.

— Много ты повидал, мореход Ларсен, да мало понял, — молвил Нильс тихо. — Ну ладно, прощай. Поработаешь с нами — поймешь кое-что.

3

Утром, выйдя из дому, я столкнулся с Пелле, почтальоном, и ухватил его за рукав куртки.

— Стой, Пелле, ты так и не скажешь мне ничего?

— А что вы хотите знать, господин Ларсен? Ах, да — я и забыл! Есть новость для вас. Корова отелилась у фру Агаты.

— Вот видишь! Это очень важно для меня, Пелле. Значит, скоро можно будет опять брать молоко. Всѣ-таки на одно эре дешевле, чем у лавочника. А в газете о чем пишут? — спросил я, сообразив, что предстоит встретиться с образованными людьми.

— В столице автобус свалился с моста.

К нам идет помощь из Америки. Пароходы с грузом. Дальше печать очень мелкая. А я, — он нагнул ко мне свою седую голову, — по секрету вам доверяю, адреса на конвертах уже с трудом разбираю. Вот в автобусе четырнадцать человек погибло. Это крупно напечатано.

Отпустив Пелле, я сообщил ему, что иду делить наследство старой Энгберг. Пусть знает, что шкипер Ларсен — не последний человек в городе.

В «Веселом Лососе» я застал чиновника из ратуши — горбуна с важным и строгим лицом, второго свидетеля — старого бухгалтера с лесопилки — и наследников.

Христина сидела, подобрав под стул ноги в потрепанных туфлях, то и дело натягивала на колени подол черного платья, поправляла обожженные щипцами желтые кудряшки, и явно не знала, о чем говорить с комиссией.

Стиг — красный, в крахмальном воротничке, упирившемся острыми концами в шею, потел от волнения и громко расхваливал пунш, которым угощала его при жизни старуха Энгберг.

— Христина знает рецепт, — хвастал он. — Сделай сегодня же, Христина, слышишь! Вам, господа, понравится. Просто чудо!

Улучив момент, когда Стиг переводил дух, чтобы снова заладить насчет пунша, я сказал:

— Слыхали? К нам пароходы идут из Америки.

Пусть знают, что шкипер Ларсен имеет представление о событиях.

— Помощь Европе, — кивнул чиновник. — В соответствии с планом Маршалла.

План Маршалла! Слыхал я о нем, да вот

беда — не держатся у меня в памяти такие слова, хоть убей! Чтобы не оскандалиться, я перевел разговор на автобус, упавший в воду.

— Хотите анекдот? — откликнулся чиновник. — Двое едут в поезде. Один говорит: я всем своим состоянием обязан железнодорожному транспорту. Второй спрашивает: у вас, очевидно, железнодорожные акции? — Нет, — отвечает тот, — мой дядя лишился жизни во время крушения и оставил мне свою усадьбу.

Он снисходительно оглядел нас, словно спрашивая, — ну, каков анекдот? — но никто не смеялся. Горбун открыл рот, и мы все вежливо молчали, предоставляя господину чиновнику смеяться первому. А он, должно быть, и не собирался. Он посидел некоторое время с открытым ртом, закрыл его, не проронив ни звука и припал к описи. Он дочитал ее до конца и объявил, что мы будем проверять наличие имущества.

— Тащи-ка нам чернила и перо, голубчик, — бросил он Стигу.

И повозились же мы! Накопилось же хлам: у старой Энгберг! Через несколько минут наши руки стали черными, а в горле саднило от пыли. Она поднималась клубами, когда мы вытряхивали на пол добро из ящичков комода. Чего там только не было! Пряжки, пузырьки из-под лекарств, страусовые перья, груды ломаных ножей и вилок. Но не подумайте, что старая Энгберг была бедна! Нет, она боялась воров и хранила свои ценности в тайниках, а в комод, стоявший на виду, сваливала разное старье. Покончив с комодом, мы занялись шка-

тулками, кошельками, сумочками. От них пахло мышами, на коже зеленела плесень. Старая Энгберг прятала их всюду — за портретом короля, под кроватью, в погребе. В одной коробке были негодные банковые билеты, затрепанная донельзя, с оторванными номерами, и тут же лежали брошки, золотые и серебряные кольца.

Из другого ящика вынули ожерелье из янтарей, очень крупных, и в самом большом камне, величиной с голубиное яйцо, застыл муравей, неведомо как попавший туда. Все подивились на муравья, а бухгалтер с лесопилки сообщил, что такие янтари с запекшимися в них насекомыми встречаются редко и потому дорогие. Я тоже взял ожерелье, чтобы поглядеть поближе, но тут истлевшая нить не выдержала и янтари брызнули на пол. Я извинился за свою неловкость и хотел подобрать, но Стиг первый ринулся за ними. Он поднимал их, ползая на четвереньках, и считал вслух.

Бухгалтер, слишком толстый, чтобы последовать его примеру, с тревогой следил за Стигом и повторял:

— Четыре, пять, шесть.

— Шестнадцать, — сказал Стиг, вставая, — одного нехватает.

— Нет ли щелей в полу? — забеспокоился бухгалтер.

— Наперечет знает тетушкины бусы, — усмехнулся я. — Когда же ты успел?

— Тетя часто надевала, — ответил Стиг, ничуть не смутившись. — Семнадцать камней, я хорошо помню.

И он не ошибся. Христина нашла янтарь под буфетом.

Разобрали и бумаги старой Энгберг. Всё время я ждал, что вот-вот разъяснится что-нибудь из ее прошлого, о котором ходит столько слухов. Но приходо-расходные книги, счета, квитанции ничего не открыли мне. А письма горбун откладывал в сторону.

— Я не имею указания от бургомистра, господа. Личная корреспонденция будет просмотрена особо. Ввиду некоторых... э, ввиду некоторых обстоятельств.

— Правильно, — сказал я. — Вы уж повнимательней, пожалуйста.

— А разве я был невнимателен, господин Ларсен?

— Нет, нет, что вы, — поправился я. — Я ничего подобного не имел в виду. Простите, пожалуйста.

— Разумеется, он не имел в виду, — поспешил вставить Стиг, оглянувшись на меня и покачал головой.

К вечеру проверили всё и поставили свои подписи под актом. Устали страшно. Стиг повел нас мыть руки, а потом усадил за стол, и Христина внесла пунш. Ничего особенного. Порядочная бурда.

— Н-да, — протянул Стиг. — Не совсем удачно. Знаете, ведь кроме всего прочего, нужны еще умелые руки.

Христина жалобно посмотрела на него и покраснела, но Стиг обозлился еще пуще.

— Извольте вести дело с такими людьми, — произнес он, показав на нее пальцем.

Конечно, не следовало бы так стыдить де-

вушку при посторонних. На месте чиновника я бы одернул Стига, вот что бы я сделал. А она, остренькая, не знала, куда ей деться.

— Эх, господа, — вздохнул Стиг, — разве это кафе, вообще! Это позор для города.

Стиг разошелся.

Никогда я не видел его таким самоуверенным. Скажи, какая важная фигура — совладелец кафе! Впрочем, в нашем городишке и Стиг, пожалуй, вылезет в тузы.

Горбун уже не называл Стига свысока «голубчик», — объемистая опись имущества, лежащая теперь в портфеле, должно быть, придала вес боцману Лаурису. Горбун и бухгалтер с лесопилки обращались к нему всё более почтительно, и физиономия Стига лопалась от удовольствия. Он клялся, что город будет иметь настоящее кафе, такое, как в столице. Бывали ли господа в кафе «Континенталь»? Какая там прекрасная мебель из гнутых металлических трубок. Трубки и немного фанеры — вот и всё. Недорого, прочно и современно. Танц-бан из пробки. Пробку добыть труднее, но он попытается.

При этом Стиг меня не достаивал и взглядом, словно я перестал существовать. Он сверлил глазами чиновника, бухгалтера и говорил:

— Ручаюсь вам, господа: через три месяца вы не узнаете этого заведения. Готов спорить! Конечно, не обойтись без ссуды, я надеюсь заинтересовать денежных людей, и если бы вы, — он придвинулся к горбуну, — могли замолвить словечко кому-нибудь из них... При ваших связях... Да, вот я и говорю, господа.

Ведь в нашем городишке мужчинам негде развлечься по-настоящему, не правда ли?

Стиг лукаво подмигнул, рассыпался мелким смешком и стукнул по столу недопитым стаканом.

Пришел твой час, боцман Лаурис! Ну что ж, я не против. Не знаю только, будет ли тебе на пользу наследство старухи Энгберг.

4

Недаром говорит пословица: то, что спрятано в снегу, весной выйдет наружу. Оказывается, старуха в самом деле якшалась с гитлеровцами. Весь город твердит об этом. Правда, я не очень-то верю здешним сплетникам, как бы они ни клялись, что передают сущую правду. Лгун на лгуне — вот что такое город. Не намерен я доверять во всем и газете, которую развернул передо мной почтальон Пелле. Но Пелле носит с собой не только газеты. Он всюду вхож, и человек солидный, разумный, умеет отличить истину от выдумки. И если вам случится заехать в наш городишко и до вас дойдет какой-нибудь слух, — Пелле, почтальон, в девяти случаях из десяти скажет вам, так это или не так.

— Бургомистр прочитал письма покойницы, — сообщил он. — Что он нашел, я в точности не знаю, но выходит, она военная преступница. Тут напечатана беседа с бургомистром. Печать мелкая...

Он начал было разбирать, но я отнял у него газету, — авось справлюсь побыстрее. Да, так и есть — военная преступница. Впрочем, не на-

верное. Печать, действительно, дьявольски мелкая. Арвид Скобе еще не ознакомился со всей пачкой писем и пока высказывает предварительное мнение. Если оно оправдается, тогда он поступит по закону. Собственность старухи — в пользу казны. При прежнем бургомистре этот закон не соблюдался, ну а он — Арвид Скобе — для того и выбран, чтобы отстаивать интересы демократии.

Я читал вслух, а Пелле слушал и сокрушенно вздыхал. Он жалел наследников. Мне так нисколько не жалко было их в ту минуту. Правильно, — закон есть закон. Сразу видно, — наш Арвид Скобе наведет порядок!

— Одно плохо, — сказал я почтальону, — сама-то она померла. Знали бы мы раньше, она бы ответила нам... Может быть, она и выдала моего Аксея, ты понимаешь, Пелле! И жила себе припеваючи, войну пережила, копила деньги. Эх, Пелле, Пелле! Понимаешь ли ты, Пелле!

И я стал рассказывать всё, что знал о судьбе Аксея. Забыл я, что Пелле не раз слышал это от меня.

...Аксель отвез в город рыбу, сдал ее и зашел в «Веселый Лосось» выпить чашку кофе. Ввалился немецкий офицер. Известно, как поступали тогда наши в таких случаях. Поднялся один посетитель, расплатился и вышел. За ним другой. Никто не хотел оставаться под одной крышей с разбойником. И Аксель ушел, конечно. Через день его схватили. И других, которые были с ним в «Веселом Лососе». Тот гитлеровец никого в городе не знал, — он только что прибыл со своей частью. Стало быть, не он

указал гитлеровцам на Акселя. Потому-то и пало подозрение на старую Энгберг. Она-то знала, как Аксель относился к оккупантам, не раз слышала его откровенные речи с приятелями и поддакивала для вида, навалившись животом на стойку. Акселя немцы заперли в концлагерь, а потом увезли с партией заключенных в Германию.

— Я пойду к бургомистру, Пелле, — сказал я. — Давно я собирался навестить его, да не решался тревожить. А он меня звал. «Ты, Ларсен, заглядывай в любое время», — вот что он сказал мне, Пелле. Я задам ему вопрос: верно ли то, что напечатано тут, нет ли подробностей, важных для меня. Арвид не станет скрывать, — будь уверен, Пелле.

После ухода Пелле неожиданно-негаданно явился боцман Лаурис. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы определить: наследство не приносит ему радости! Какое там! Он весь посерел и обмяк, словно старый, замызганный парус в штилевую погоду.

— Не помешал? Ты один дома? — вымолвил он тихо. — Я на пару слов, Рагнар.

Бабушка Марта на кухне чистит картошку. Эрик ушел — его пригласили в кино. И представьте себе, кто пригласил, — Христина! Ведь у богатых наследников денег-то много, не то что у нас — простых рыбаков. Бойкие, чересчур бойкие девушки в городе. Не очень мне это нравится, ну да бог с ними. Пусть молодежь развлекается.

Всё это я сказал Стигу, так как видел, что он молчит и мнет в руках шляпу.

— Дура она, — выпалил он.

— Кто?

— Христина.

— А что случилось?

— Старуха велела ей бросить в плиту... лишние бумаги, а девчонка не послушалась. Забыла, говорит. Чорт бы ее побрал.

— Положи шляпу, — посоветовал я. — Вещь дорогая, всё-таки. Или ты решил швыряться деньгами?

— Не скаль зубы, Рагнар.

Обычно боцман болтает больше, чем нужно. Но вот он сидит уже минут десять, а я всё не возьму в толк, что его привело ко мне.

— Извини меня, Стиг, но я хотел еще сегодня навестить Скобе, нашего бургомистра, — сказал я. — Если я тебе нужен, то выкладывай.

— Правильно, Ларсен, правильно, — встрепенулся он и придвинулся ко мне. От него пахло кухней. — Ты же с ним запросто... Непременно сходи. И не теряй времени.

Кажется, я догадываюсь, зачем ты пришел, Стиг. Хочешь, чтобы я похлопотал за тебя.

— Идем, Рагнар, я провожу тебя, — сказал он и встал. — Я не стану тебя задерживать.

— Отлично, — ответил я, притворяясь, что ровню ничего не подозреваю. — Тебе полезно прогуляться, Стиг. Свежий воздух много значит, вообще.

Я шагал по мосткам, а он семенял рядом, спотыкаясь об острые выступы скалы.

— Конечно, ты мог бы мне помочь, — произнес он, наконец, дотронувшись до моего рукава.

— Я? Право, не вижу...

— Было бы желание.

Наследник старухи Энгберг бежал за мной вприпрыжку, размахивая своей зеленой праздничной шляпой. Вскоре он устал, взобрался на мостки позади меня и, отдышавшись, сказал:

— С твоим мнением он считается, Рагнар. Ты мог бы убедить его, что наследники ведь ни при чем.

Он гудел мне прямо в затылок. А когда мостки кончились, он забежал вперед и заглянул мне в лицо.

— Ты бы мог сказать, Рагнар, что все такого мнения, — ну, шкиперы и матросня. Чем я виноват, посуди сам! А? Почему я должен страдать? Пусть он поймет, что ни к чему этот спектакль.

— Меня никто не уполномочил, Стиг. И потом — какой спектакль? Ничего не понятно.

— Ты и впрямь такой наивный, Рагнар? Не может быть, ты отлично понимаешь. Сядем, Рагнар, — он крепко стиснул мой локоть. — Сядем, прошу тебя.

Мы свернули в сквер, где стояли четыре скамейки, расположенные квадратом, и Стиг усадил меня. Мы были в центре города, против самых окон «Веселого Лосося». До войны здесь гуляющие кормили голубей, мальчишки продавали пакеты с хлебными крошками.

— Войди в мое положение, Рагнар. Я столько ждал... Нет, я не могу, не могу я вернуться на траулер, — простонал он.

«Еще бы, — подумал я. — Ты считал бусы на шее старой Энгберг».

— Опять на эту проклятую работу! Нет, лучше головой в воду, Рагнар. Я думал, конец мучениям, всё в руках, понимаешь? И вдруг

на тебе! — он поднес ко мне кулак. — И главное, почему я должен отвечать? А? Нет, я в столицу поеду, к министру...

— К министру — это дело другое, — сказал я. — Вряд ли я сумею повлиять на Скобе. Закон есть закон. Об этом с ним лучше не спорить.

— Закон? — усмехнулся Стиг. — Закон? Ты ребенок, Рагнар. Скобе ставит спектакль. Что, Бибер не служил немцам? Или его управляющий? Или хозяин лесопилки? Все они ходили на задних лапках. Да, да, Рагнар! И никто их не трогает. Закон! Горбун тоже начал декламировать: закон, торжество демократии, — пока я не сунул ему в зубы полсотни. Обещал помочь. Но если бы и ты со своей стороны...

— Разогнать взяточников, вот что нужно, — перебил я. — Скобе и за них возьмется.

— Посмотрим.

— Ты не знаешь Скобе, боцман. Нашего Скобе из Сельдяной бухты.

— Твой Скобе рассуждает так: что такое Стиг Лаурис? Ерунда! Что я потеряю, если пушу его без гроша? Ничего. Зато шуму сколько! Эффект какой! Чем не социалист Арвид Скобе!

— Глупости ты болтаешь, Стиг, — оборвал его я.

— Рагнар, — сказал он, колотя каблуком твердую, утопанную землю. — В мое положение ты можешь войти или нет? Ты мог бы деликатно... Понимаешь, у прежнего бургомистра был пай в «Веселом Лососе». Ну, понимаешь, и Скобе мог бы стать пайщиком... Конечно, я предоставил бы ему льготы... Да нет, шкипер,

с тобой, видно, не договоришься, — закончил Стиг, потому что я встал.

Он тоже поднялся.

— Нет, боцман, не договоришься, — сказал я и пошел прочь.

Он не стал догонять меня.

5

В Сельдяной бухте дом Скобе стоял шагах в трехстах от моего. Сколько раз мы с Арвидом ходили на лов. Это бывало летом, когда он приезжал на каникулы.

Отец его — доктор Скобе — тоже был ученый человек. Но у него все книги помешались в одном шкафчике. Арвид заполнил книгами весь дом. Они лежали даже на кухне, на полке, где хозяйки обыкновенно выставляют медную посуду. Доктор Скобе накопил деньжонок и не пожалел их, чтобы дать Арvidу образование. Он выучился на адвоката и переехал в город. Когда вторглись немцы, он перебрался в Англию. Он служил в английском флоте. И, говорят, был в сражениях. А после войны вернулся. Конечно, такой человек, как Арвид Скобе, был бы и в столице не последним. Но нет, он не чета тем, которые готовы забыть родную сторону, уезжают и носа не кажут потом. Посмотрели бы вы, какой памятник воздвиг Арвид на могиле отца. Доктора немцы расстреляли за то, что он лечил у себя раненого партизана. Арвид отыскал место, где зарыли доктора, перевез прах в город и похоронил. Все знают могилу доктора Скобе. И бабушка Марта не раз бывала там, и каждый раз плакала,

читая надпись на памятнике, которую составил Арвид.

Вот кто такой Арвид Скобе, глава здешних социалистов. Он не чета правым, которые прежде сидели в ратуше.

Бургомистр живет на улице Лютера. Надо пройти мимо кирки, мимо кинотеатра «Одеон», где намалеваанный на полотне человек в широкой шляпе целится в проходящих из револьвера. Еще два квартала, — и улица упирается в гору. Там поставил себе дом Арвид Скобе. Гора защищает от северного ветра, а это как раз то, что ему нужно. Он ведь большой любитель цветов. Прибежит домой хоть на час, выпьет кофе, — и немедленно возьмется за лопату, выйдет в палисадник и начнет ухаживать за своими клумбами.

Позади дома тоже есть клумбы. Там работают люди нанятые. Ну, а палисадник Арвид уж никому не доверит.

В палисаднике Арвид Скобе работает всегда сам. Каждый собственными глазами видит, — наш бургомистр не белоручка.

Вот зеленая ограда, за ней красный дом с белыми ставнями. Дома или в ратуше, а я разыщу Арвида Скобе.

Как бы Арвид ни был занят, для меня у него, я думаю, найдется несколько минут.

Я не ошибся. Он даже обрадовался мне, ей-богу! Завидев меня, он опустил дернину с маргаритками, вытер руку о траву и протянул через ограду. Я ответил пожатием, но не очень сильным, чтобы локоть Арвида не накололся на острые балясины ограды.

Через минуту я был в палисаднике и подавал

Арвиду нарезанные дернины, а он укладывал их и, не дав мне и слова вымолвить о цели моего прихода, справлялся о моем здоровье, о здоровье бабушки Марты, Эрика.

— И Эрика не забыли! — вырвалось у меня.

— Мой дорогой Ларсен, — улыбнулся он. — Я перестал бы уважать себя, если бы забыл своих односельчан. Давайте-ка вой ту, большую. Мы поместим ее в центре клумбы, как вы находите? — спросил он, принимая от меня дернину. — Примерьте-ка, у вас глазомер лучше. Эх, Ларсен, — он потрепал меня по пояснице тыльной стороной ладони, чтобы не испачкать. — Сельдяная бухта — ведь это наша молодость, не правда ли?

Вот он какой — наш Арвид! Нет, боцман Лаурис, видно, совсем потерял голову из-за наслідства, если мог приравнять нашего Скобе к какому-нибудь белоручке.

— Ты не представляешь, Ларсен, как меня интересует всё, что касается твоего семейства. Кстати, об Эрике. Он ведь получил место? Он у Бибера на засолке, я слышал. Для начала и это не плохо. Тебе подходящее дело труднее найти — по нынешним-то временам. Но ты не унывай, Ларсен, образуется.

Тут бы мне и начать о себе, да и завести речь о бумагах старухи Энгберг. Но Арвид продолжал:

— Я ведь еще что-то слышал про Эрика. Выскочило из головы. Нет, вот что: будто он подружился с этим... ну, как его — с Летучим шкипером. Что — вы не знали? Нет, я, собственно, ничего против не имею. Но, может быть, юноше рано заниматься политикой.

О боже мой, Ларсен, это тяжелый труд — политика.

— Поспорили мы как-то с Летучим шкипером, — сказал я.

— Да? И ты принимаешь участие в дебатах?

Я промолчал и подумал, что теперь мне уж и вовсе не пристало лезть со своими заботами. На внимание Арвида ко мне я должен, как воспитанный человек, ответить тем же.

— Мы-то, в общем, скрипим, но держимся, — начал я, — а вот вы, наверное, свалитесь в постель, если не наденете сейчас же пиджак. Ну-с, надевайте, — прибавил я тоном старшего и снял с ограды темносиний пиджак в полоску.

Арвид, смеясь, отскочил, но я изловчился и набросил ему пиджак на плечи.

Прошел бы сейчас по улице Пелле, почтальон, — завтра к обеду весь город знал бы, что шкипер Ларсен запросто бывает у бургомистра. Но по мосткам тротуара шагали два мальчугана — и больше никого не было видно. Мальчуганы шагали по другой стороне улицы, насвистывали и даже не глядели в нашу сторону.

Закончив клумбу, мы с Арвидом мыли руки, поливая друг друга из кувшина, а потом Арвид повел меня в дом. Два рыжих щенка катались на ковре, Арвид выпихнул их за дверь, позвонил. Вошла экономка. Он велел ей вычистить ковер и сварить кофе.

Я спросил, как поживает супруга — фру Елена.

— К сожалению, отсутствует, так что, боюсь,

ты останешься недоволен угощением. Она уже девятый месяц в Дегерупе, у матери.

— Девятый, — сказал я и подмигнул. — Верно, придет не одна, а с сынком или с дочкой? А?

Он засмеялся.

— Вы, моряки, догадливый народ.

Мы сидим за длинным узким столом и ждем кофе. Разговор оборвался. Арвид барабанит по столу костлявыми пальцами и смотрит на меня. За дверью царапаются и скулят щенки. Как полагается гостю, только что севшему за стол, я помолчу еще чуточку и начну о самом важном для меня.

Пока, чтобы сделать приятное хозяину, обернусь к стене и полюбуюсь на морского офицера Арвида Скобе, снятого на набережной, на фоне корабля, в компании с англичанами. Я уже видел эту фотографию раза два, но было бы неучтиво не обратить на нее внимание снова, тем более, что Арвид увеличил ее, и она теперь вставлена в дорогую раму под стекло и занимает целый простенок.

Тем временем Арвид снял со спинки стула подтяжки и вышел. Слышно было, как он хлестал щенков и заталкивал их куда-то, — должно быть, в следующую комнату.

Он вернется, и я начну.

Долго объяснять, конечно, не будет нужды. Он поймет сразу, — и он не скроет от меня, если выяснилось что-нибудь об Акселе.

— Нет, нет, — услышал я, наконец. — Ничего такого, что прямо касалось бы Аксея. Но вообще, она, может быть, и замешана. Покойная владелица кафе была связана с оккупан-

тами. Она, видимо, рассчитывала на их возвращение, так как держала у себя документы явно обличающего свойства.

Значит, недаром говорили: она выдала Аксея! Знал бы я, когда она была жива...

— Старая ведьма умерла, и теперь с нее взятки гладки, — сказал я, положив на скатерть кулаки. — Что теперь можно сделать? Не вызовешь ее на суд с кладбища.

Я думал вслух, глядя на свои кулаки, совсем черные на скатерти Арвида, и, забывшись, отпустил словечко, неуместное в присутствии бургомистра.

— Извините, что я грубо выразился, — сказал я. — Но что же это, господин Скобе? Покойница Энгберг жила себе припеваючи, копила деньги и при фашистах и после... А мой Аксель...

— Успокойся, Ларсен, — остановил меня Арвид.

— Да, верно, верно, — и я убрал кулаки со стола. — Вы уж извините, господин Скобе. Но я должен знать всё об Акселе. Не должен человек исчезать, как дым. Нельзя этого допустить. И если его нет на свете, я должен знать, почему его нет, господин Скобе.

— Понимаю тебя, Ларсен, — проговорил он, пристально посмотрев на меня. — Судьба Аксея мне тоже не безразлична, можешь быть уверен. У меня лично составилось мнение... Мне не хочется огорчать тебя, но мне кажется, тебе следует приготовиться к самому худшему. Аксель попал к русским.

— Не может быть, господин Скобе, — сказал я.

— На твоём месте, Ларсен, я не стал бы утверждать в такой категорической форме.

— Русские не стали бы его держать, — сказал я. — Он был бы давно дома, господин Скобе. Господи, неужели вы серьёзно думаете?

— Совершенно серьёзно, Ларсен. Я сам боготворил русских, — воскликнул он, вскочил и начал ходить по комнате, размахивая подтяжками. — Но факты есть факты. Давай будем трезвыми людьми. Ты ведь не коммунист, не Летучий шкипер какой-нибудь. Ему партия приказала хвалить Россию, вот он и старается. Если русские такие, как расписывает вам Нильс, то почему же они держат в Сибири невинных людей? Эх, Ларсен, как будто один твой Аксель был на Зандкугеле.

— Нет, конечно, — сказал я и встал. — У вас есть новые факты, господин Скобе?

— Сядь! — бросил он и тоже сел, положив подтяжки на стол. — Факты пока те же, хорошо известные и тебе. Но надо делать выводы, Ларсен. В декабре сорок четвертого года Аксель был жив и находился на Зандкугеле. Я помню, как видишь.

Верно. Я получил тогда весть от Акселя через матроса-немца. Аксель был в двести шестом лагере. Небольшая группа заключённых — в том числе Аксель — помещалась на мысу Зандкугель, близ Штеттина. Там были ещё французы, голландцы, греки. Их там заставляли строить укрепления. Господи, да неужели я ещё не сделал всех выводов? Я перебирал всё это в голове сотни раз. Да какое сотни — тысячи, миллионы раз. Да, в те места

пришли русские четыре месяца спустя. Но, видно, Аксея там уже не было, ему не довелось дожидаться русских, — вот как я думал.

Потом я же писал в столицу, там наводили справки. Мне сообщили, что Аксель и в России не значится. Нигде не значится. Что я мог сделать?

— Да, сейчас его в России, возможно, и нет. Но он мог быть. Мне тяжело говорить, Рагнар, по Сибирь... Нужно быть очень крепким человеком, чтобы выдержать там. Ты одного еще не знаешь, очевидно. В Америке есть организация, специально занятая розысками пропавших без вести. Насчет двести шестого лагеря есть данные. Всех заключенных немцы угнали на запад, всех, кроме группы на Заидкугеле. Она вся попала к русским, Ларсен. Так вот, Ларсен, — ни один из них не вернулся. Сюда должен приехать представитель этой американской организации. Ты встретишься с ним, поговоришь сам.

Вот что сказал мне Арвид Скобе!

Шатаюсь, как больной, шел я от Арвида. Дома я сказал Эрику:

— Я видел Арвида Скобе. Он считает, что тебе еще рано заниматься политикой.

Больше я ничего не сказал.

«Аксель, Аксель, — твердил я про себя, глядя на его карточку, — не ты ли уверял, что у нас одна надежда на русских. Что же это происходит на свете!»

Слышу слова Аксея:

«Русские воюют не только за себя, папа. И за нас тоже. Наши партизаны не могут сами прогнать немцев, но зато мы сковываем

несколько немецких дивизий. Мы помогаем русским, папа».

Аксель сам готовился уйти в горы, в войско сопротивления. Он не успел, попал из-за пустяка в когти гестапо.

Все эти годы я думал: дожил бы Аксель до прихода русских, был бы дома... Значит, не дожил или увезли его фашисты куда-нибудь... Так я размышлял всё это время. А теперь не знаю, что и подумать. Нет, моего ума, видно, нехватит, чтобы понять, что же делается в мире.

Но я, пока что, никому ничего не скажу. Ни фру Агате, никому. Приедет представитель. Может быть, выяснится всё до конца.

6

Уже июнь на дворе, а всё нет настоящего тепла. Скалы холодные, словно вчера с них сошел снег. И хотя теперь светло почти круглые сутки, солнце совсем не такое приветливое, как бывало.

Видно, мы никогда не отогреемся после той студенной весны, когда немцы забрали Акселя. И после той зимы, там, на севере, у Птичьих островов, куда немцы водили нас под конвоем ловить треску, где простудилась и умерла Хильда.

И в комнате нет спасенья от стужи. Дом ведь не такой, как у нас, в Сельдяной бухте. Стены тонкие, печка, против нашей, игрушечная. Ветер без труда пробивается в жиденскую городскую постройку, спозаранку выгоняет тепло из-под одеяла. Правда, жаловаться грешно. Кабы не Арвид Скобе, который помог

своему земляку отыскать квартиру, ютились бы мы где-нибудь в сарае или в землянке.

Бабушка Марта уже давно встала. Она сидит у окна в ватной кофте и вяжет носок. После того, как мы расстались с «Ориноко», она очень осунулась, ослабела, и я начинаю бояться за нее. Завидев меня, выходящего из-за перегородки, бабушка Марта знаком подзывает меня.

— Ты слышишь? — спрашивает она.

— Что?

— Встань здесь, — она указывает мне место рядом с собой. — Слышишь теперь?

— Ничего я не понимаю, бабушка, — говорю я.

— Кончили сейчас, — тихо сказала она. — А как ясно было слышно! Колокол нашей кирки, Рагнар.

Нашей? В Сельдяной бухте? Бедная, бедная бабушка Марта, — ей мерещится бог знает что.

— Немыслимые вещи ты говоришь, — объясняю я ей. — Во-первых, до нашей бухты больше тридцати километров. Какой ветер принесет звон через такую даль? И звонить там некому. Или ты забыла, что от кирки нашей остался один мертвый кирпичный остов, лестницы все сгорели, обрушились. Только птица может подняться на звонницу.

— Я слышала, — упрямо твердит бабушка. — Я всегда узнаю колокол нашей кирки.

Плоха, совсем стала плоха бабушка Марта.

— Что ж, может быть, ты и права, — отвечаю я.

Я бужу Эрика, и мы идем в рыбную гавань.

Это не близко. На набережной нас обгоняет красный почтовый автобус с ящичком для писем на кузове, — тот же самый автобус, который делал остановку у нас в деревне. По праздникам я ездил на нем в город за покупками.

Эрик поднял было руку, но я удержал его. Нет, мы не можем тратиться на билеты, ведь очень может быть, мы и сегодня проходим напрасно. Эрику — тому еще удастся иногда заработать. Управляющий ставит его на засолку или на весы. Для меня вот уже вторую неделю ничего не находится. Не станет же мореход Ларсен таскать мешки с солью! Что люди тогда скажут!

— Папа, Нильс знаешь что говорит? — сказал Эрик. — Он говорит: в следующий раз бургомистру Скобе не поверят. Он ведь обещал всем работу, когда были выборы.

— Нильсу вынь да положи, — ответил я. — Не всё сразу делается.

Потом я напомнил мальчишке, что ему незачем вмешиваться, когда взрослые беседуют между собой.

— Я не вмешивался, — возразил Эрик. — Дядя Нильс нам говорил — мне, Альберту, длинному Хансу.

— Напрасно Нильс отвлекает вас от дела. Меньше болтайте там. Переложите соли в рыбу, вам тогда покажут! Тоже нашлись политики!

Потеряет место Эрик, — как мы тогда будем жить? Подумал он об этом? И я опять начал наставлять его уму-разуму.

Да, и на этот раз не оказалось работы для меня.

— Парень пусть остается на всякий случай, — сказал управляющий.

Про меня — ни звука. Словно я уже не го-жусь ни на что. Словно я способен только про-вожать Эрика до ворот.

— Видно, мне надо ждать, пока починят «Ориноко», — сказал я. — Да и то, как знать, будет ли он плавать. Хозяин продает остров Торн, верно или нет?

— Простите, мне некогда, господин Ларсен, — сказал управляющий. — Ну, а ты ступай в посолочную, Берт.

— Я Эрик, а не Берт, — поправил Эрик.

— Ты потише, — заметил я. — Повезливей.

Хорошо, что хоть его взяли. Спасибо и на том, Генри! Я пробился сквозь толпу, собравшуюся у ворот в ожидании работы, и двинулся в обратный путь.

По тропинке, вытопанной в камнях, я поднялся на холм. Позади меня, на дне впадины, лежала рыбная гавань с белым зданием конторы и серыми крышами цехов, которые выросли вокруг нее, как грибы вокруг березового пня. А впереди — тоже впадина, но пошире, и в ней город. Когда я добрался до самой вершины холма, город открылся мне весь, и первое, что я увидел, был пароход, бросивший якорь в заливе. Событие редкое у нас. Городишко, правда, числится портовым, но посудите сами, — разве здесь порт? Единственный кран торчит на гранитных плитах. А волнорез? Лучше и не спрашивайте. Вместо него — две продолговатые скалы, показывающиеся из воды. Одна — широкая, напоминающая грудь человека, другая поменьше,

с зазубриной вроде рта, с бугорком вроде носа, — ни дать ни взять лицо. Будто каменный великан свалился в воду. «Пьяный Матрос» — так зовутся эти скалы. Они-то и служат здесь волнорезом.

Пароход большой, больше любого из домов на берегу. «Пьяный Матрос» почти весь скрыт за пароходом, видна только часть головы.

Флаг на таком расстоянии нельзя рассмотреть. Но, верно, судно из-за границы. Откуда же? И что на нем?

Пойду мимо — узнаю. Нет, не подумайте, что шкипер Ларсен, как мальчишка, спешит поглазеть на иностранный пароход.

Не оттого быстрее задвигались ноги. Три года назад, как кончилась война, стали говорить в народе, что вот-вот придет транспорт из Германии, привезет наших — угнанных немцами. Правда, с течением времени всё реже рисовалась мне эта картина, — и всё же сердце не на месте.

Через час ходьбы я свернул с главной улицы влево, в узенький переулочек. В конце его зеленела ограда порта и маячил солдат с винтовкой.

Видно, не простое торговое судно прибыло к нам, раз выставили охрану с оружием!

Солдат лениво прохаживался и поглядывал в небо. Он следил за голубями пастора Визелиуса, кружившимися над переулочком. Козырнул мне и сказал:

— Здравствуйте, дядя Рагнар!

Никак Вилли! Ну да, Вилли, сын Гуннара из Фламмея, маленькой деревушки по сосед-

ству с нашей Сельдяной бухтой. С Гуннаром мы ловили лососей у Белых порогов.

— Ого, как ты вырос, Вилли! — сказал я и пощупал его плечи. — Здоровый парень, весь в отца!

— Вы не трогайте меня, дядя Рагнар, — сказал он и отступил на шаг. — Не велено, потому что я на службе, дядя Рагнар, вот в чем суть.

— И форма идет тебе, — сказал я. — Она очень неплохо сидит на тебе. Что за коробка там пристала к нашим камням, Вилли? Откуда ее принесло?

— Из Америки, дядя Рагнар, — сообщил Вилли, оправил френч и сделал еще шаг назад.

— Хватит тебе пятиться! Не бойся ты меня, дурень! Так из Америки, значит?

Тут вспомнил я разговоры насчет американской помощи. Интересно, что это за помощь. Конечно, если там фрукты в банках да хлопковое масло, то радоваться нечему. Банки нашему брату не по карману, масло из хлопка дешевое, да горькое, тощее, — только от бедности его в рот класть. Китовый жир, который мы добывали до войны, — не объяденье, но всё лучше этого. Мне сдается, богом положено из хлопка делать одежду для человека, но отнюдь не еду.

Вилли не сразу сказал, с чем явился американец на этот раз. Завел меня за киоск, чтобы сержант не увидел, потоптался на месте, передвинул прикладом винтовки щепочки на земле и, собравшись с духом, вымолвил:

— Товар секретный, дядя Рагнар.

— Да ну? — удивился я. — Мне-то ты можешь сказать.

Да тебе и самому не терпится выложить секрет, губошлеп ты этакий. Ты побаиваешься, ты с опаской поглядываешь на меня.

— Не беспокойся, не выдам, — прибавил я. — Нечего тебе играть со мной в прятки, Вилли. Не говори — очень мне нужно. Я схожу к доктору Скобе и узнаю у него всё. Для шкипера Ларсена нет секретов здесь, Вилли, имей в виду, телячья ты голова.

— Ладно, дядя Рагнар, вам, пожалуй, можно, — решил он, наконец, приблизился ко мне и задышал мне в щеку. — Бомбы привезли.

Тут я сам отскочил от него. Целый пароходище! Что мы тут будем делать с ними? Не дай боже они взорвутся, тогда и бревна не останется от нашего городишки.

Но Вилли сказал, что здесь они не будут лежать, — их отвезут на аэродром в Роммендаль.

Тоже не легче. Роммендаль рядом.

— Ты сам-то видел их? — спросил я.

— Нет. Но это точно. Нам объявили, когда наряжали сюда.

— Послушай-ка, Вилли...

Я хотел узнать, не объявили ли им еще чего-нибудь. Я хотел, прямо спросить — что там слышно, у военных? Но тут же я подумал: вот и опростоволосится шкипер Ларсен, если заведет речь о политике. Сразу и обнаружится, что он не читает газет. Платит крону в месяц почтальону Пелле за пересказ новостей, а тот разбирает только крупную печать. Желторотый

Вилли — и тот будет смеяться надо мной. Поэтому я спросил парня:

— Послушай, а как кормят вас?

— Больше всё клетками, дядя Рагнар. И к завтраку, и на обед.

— И то неплохо по нынешним временам, — сказал я. — Прибавку, верно, дают.

— Редко.

А впрочем, почему бы не поинтересоваться? Ведь военным сообщают и такое, чего нет в газетах. Вилли помялся, посмотрел по сторонам и ткнул нос в мое ухо:

— В Роммендаль прилетят американские самолеты. Осенью. На маневры.

Что ж, маневры — это еще не война. Значит, ничего особенного не стряслось. Но, конечно, было бы лучше, если бы эти бомбы отвезли куда-нибудь подальше. Неужели нет другого места!

— Это секрет, дядя Рагнар!

— Не беспокойся, Вилли. Прощай. Дядя Рагнар, братец, хранит секреты даже тогда, когда его об этом не просят.

Зачем я сказал это? Сам не знаю.

7

Подумайте, пока я добирался до дому, новость успела обежать весь город. Длинные у нее ноги! Представьте себе, даже бабушка Марта знала, что в порту стоит пароход с бомбами, — ей сказала фру Агата, заносившая молоко. Разумеется, она всполошилась и напугала бабушку Марту. А ей нельзя волноваться.

— Бомбы отсюда увезут, — сказал я ей.

— Все говорят, — опять война будет. С кем же война, Рагнар? Опять немцы?

— Мало ли что болтают, — отмахнулся я. — Как тебе объяснить... Наше правительство, на всякий случай, купило оружие в Америке. А американцы рады всучить свой товар — бомбы или хлопковое масло. Привезли этакий ворох. Да ты не бойся, их сегодня же отправят отсюда.

Успокоившись немного, бабушка Марта сказала, что фру Агата не только принесла молоко, но помогла в стирке и поэтому придет к нам обедать.

— С бельем мне не справиться, — пожаловалась она. — Силенки-то еще есть, а пальцы не те. Ты не ругайся, Рагнар.

Я не против того, чтобы вдова Агата бывала у нас. Мне нравится слушать, как Агата гремит корытом на кухне или рубит щавель так, что дом дрожит. Она обыкновенно подпевает себе во время работы, как, бывало, покойница Хильда. Голос у Агаты чуточку похожий.

Но только голос. Поэтому, когда она выходит из кухни и открывает дверь в комнату, я смотрю куда-нибудь в сторону.

Эрик к обеду не явился, и мы сели без него. Агата внесла миску с супом, поставила и побежала назад за крышкой. Сразу-то не сообразила накрыть!

Нет в ней, как я посмотрю, расторопности и обращения настоящего нет. Села обедать в чужом доме и чуть не первая схватилась за ложку. А еще городская! У нас так заведено: хозяин раз пять хлебнет, а уж потом гость

пригубит ложку. А чего стоит усадить гостя! Ведь если он человек воспитанный, он ни за что не послушает первого приглашения, он убежит на улицу, спрячется где-нибудь за пристройками или на огороде, а хозяева добрых четверть часа кличут его и ищут.

Корзины с рыбой она могла бы таскать, это верно: плечи, как у мужика.

— Куда же Эрик пропал? — спохватилась бабушка.

Фру Агата, очистив тарелку, ни с того ни с сего объявила, что она вчера видела Эрика.

— Он был с девушкой.

— Эрик? — спросил я. — Вы не путаете, милостивая фру Агата? Эрик еще мальчик.

— Я тоже нахожу, что он мальчик, — сказала она и улыбнулась неизвестно чему.

И тут она меня ошарашила, — Эрик стоял вчера вечером у «Веселого Лосося» с Христиной! Еще не легче. Ох, остренькая подъехала-таки к парню!

Фру вставила несколько слов насчет состояния Христины.

— Еще неизвестно, как обернется дело с наследством, — сказал я. — Впрочем, меня не касается. Я не собираюсь женить Эрика.

— Вы правы, — согласилась она. — Всё равно ведь возьмут в солдаты. Время такое...

— Да бросьте вы, — рассердился я. — С ума все походили из-за парохода.

— Мне больше некого провожать на фронт... А всё же страшно, — тихо сказала Агата.

Картошку с рыбой мы доели молча.

— Какая Христина? — вдруг подала голос бабушка. — Дочка Олле? За ручьем? Нет, что

я, — поправила она себя, — та ведь вышла за лесоруба Андерса.

После обеда я сказал Агате, что время уже летнее, не грех скинуть еще одно эре за молоко. Агата, держа в охапке посуду, остановилась в дверях.

— Что ж, ради вас, — молвила она. — Ради вас можно...

Ступайте, ступайте мыть посуду, фру Агата, и спойте что-нибудь. Всё равно что, — например, ту плясовую, под которую я, бывало, кружился вокруг Хильды. Хильда держала в руках шест с шапкой на конце, и парни, кружась, выкидывая перед Хильдой коленца, подпрыгивая, старались сбить шапку. Я сбил ее и получил право весь остаток вечера танцевать с Хильдой. Вы напевали про себя эту плясовую, фру Агата, — спойте ее еще раз и не показывайтесь сюда. Сделайте и это ради меня, раз вы так хорошо ко мне относитесь.

Конечно, я не сказал этого. Я только подумал. Фру Агата не пела, я слышал только грохот посуды.

Из окна видно было, как она шла к себе по дощечкам, перекинутым через каменные желваки. Дощечки прогибались и жалобно скрипели под ее крепким шагом.

Эрик не явился и через час и через два.

— Я дойду до «Веселого Лосося», — сказал я бабушке. — Если мальчишка там, притащу за ухо.

Не пришлось мне, однако, дойти до харчевни. Еще по дороге заметил я, что люди оживлены больше обычного, что на углах, у кирки, возле кинотеатра собрались кучками

женщины и громко судачат. Вскоре я встретил знакомого матроса.

— В порту забастовка! — крикнул он, переводя дух. — Все рыбники там...

Ну и денек сегодня! В самом деле, все с ума посходили, — ничего другого не скажешь. Пока я спешил к порту, мне попались навстречу еще знакомые, и каждый добавлял какую-нибудь подробность. Представьте, что учинилось в порту! Грузчики отказались работать. Мы, мол, согласны что угодно выгружать, но не бомбы. Пусть американцы везут их обратно. Так и сказали директору порта. Тот позвонил Генри Биберу. Порт ведь тоже его предприятие. Так и получилось, что поиски Эрика привели меня в порт, к тому же проклятому пароходу.

Вообразите себе, — и рабочие из рыбной гавани не захотели выгружать. Что сделалось с народом! Когда я прибежал в порт, кран стоял неподвижно и царила полная тишина. Ворота распахнуты, на створке кусок фанеры, и на нем наспех выведено мазутом: «Срочно требуются грузчики».

У ворот внутри прохаживался, похлестывая прутиком по голенищам коротких сапожек, конторщик Борг — прыщавый малый в клетчатых шароварах.

— Эрик здесь? — спросил я его.

— Да. Стойте, Ларсен! Вот что, забирайте его отсюда. Дружеский совет... Не случилось бы беды с юнцом. Вызвали полицию. Парни и сами не работают, и других решили не допускать. А мне велено тут нанимать людей, — он пожал плечами. — Дурацкое положение.

По узкому проулку между складами я вышел к причалам. Прямо передо мной выросла громада океанского парохода, от черного борта его, вздымавшегося к небесам, легла на плиты набережной, на штабеля бревен темная тень. И первый, кого я увидел сидящим на бревне, был Нильс — Летучий шкипер. Он посапывал своей трубочкой как ни в чем не бывало, а с ним сидели братья Микель и Юхан, рассказывали ему что-то и посмеивались, как будто ничего не случилось. Я подошел к Нильсу и сказал ему прямо:

— Ты главный заводила. Я так и знал.

— Присядь, шкипер, — ответил он. — Не расстраивайся.

— Я пришел не для того, чтобы лясы точить с вами, — ответил я. — Я за Эриком. А вы, ребята, если не имели дела с полицией, так будете иметь. Борг сказал...

— Мы слышали, можешь не повторять, что сообщил тебе Борг, — прервал Нильс. — Красиво будет, если Скобе через три недели после выборов позовет на помощь полицейских, а? После болтовни о демократии! После всей фарисейской болтовни! — Нильс свел брови и стукнул каблуком. — Я всё же думаю, он не решится сразу. Сперва сам пожалует к нам.

Брови его разошлись, он смотрел на меня посмеиваясь, и с таким же выражением глядели на меня братья Микель и Юхан.

— Мне некогда спорить, — сказал я. — Где Эрик?

Я думал, он начнет ругаться. Ничуть не бывало. Не торопясь, поднялся, стряхнул пыль с брюк.

— Побудьте тут, — велел он Микелю и Юхану. — Я на третий пикет.

Ясно — командиром у них!

— Эрик сам решит, — повернулся Нильс ко мне. — Я удерживать не стану.

— Покамест я решаю, — ответил я.

На это он ничего не сказал. Меня так и подмывало вымолвить ему пару крутых словечек, но он шагал так невозмутимо, словно на прогулке, и я не вдруг приготовил эти слова. А когда приготовил, было уже поздно, — дорожка среди штабелей вывела нас к крану, стоявшему на ржавых, поросших травой рельсах. Кругом сидели на траве рабочие из рыбной гавани — человек десять, и среди них Эрик.

Эрик, завидев меня, встал. У меня, должно быть, вид был далеко не любезный, потому что еще двое парней вскочили с земли и один взял его под руку.

— Идем домой, — приказал я.

Что же он ответил мне, как бы вы думали? Ведь не послушался! Да, да — вообразите себе! Он, извольте видеть, не может оставить товарищей. Товарищи для него важнее! Он заявил, что должен охранять порт. Как будто он хозяин! Так меня поразило это, что и передать не могу.

— Хорошо, оставайся, — только и мог я сказать. — И можешь вообще не показываться домой.

После этого я повернулся и, не говоря ни слова никому, двинулся прочь. А что я должен был сказать? Пусть живет как знает, если он умнее отца.

Целую ночь я не спал и ждал, что залает

собака инженера Зайделя, живущего наискосок. Дорога от порта к нашему дому как раз мимо него. Ночью эта собачонка непременно тьявкает на прохожих.

Несколько раз она поднимала лай, и я спустился вниз отпирать дверь. Уж коли я всё равно не сплю, так отчего же не выйти. Фру Гортензия, супруга таможенного чиновника, живущая в нижнем этаже, терпеть не может, когда ночью топчутся на ступеньках у парадной. Неделю будет ворчать. Так что лучше сойти и поскорее впустить человека.

Однако ночью прохожие шли мимо. Утром фру Агата принесла вместе с молоком новости: в порту был Скобе, уговаривал рабочих; многие послушались, и пароход разгружается.

После кофе явился Нильс.

Глаза его не смеялись, как обычно, в них были тревожные искорки. Случилось что-нибудь с мальчишкой, — мелькнуло в уме. Я не поздоровался с ним, не кивнул даже — ждал, что он скажет.

— Эрик у меня, — сказал он.

Я и тут не смог ничего произнести. Стало легче дышать, и я сделал большой глоток воздуха.

— Вам надо помириться, — сказал Нильс.

Меня всего передернуло. Сам же виноват и, извольте радоваться, советует мириться. Начни он как-нибудь иначе, я бы, возможно, попросил его сесть и рассказал бы ему самое важное, то, что узнал от Скобе, и заставил бы Нильса задуматься над своими поступками. Я доказал бы ему, что сейчас самое лучшее, что можно сделать, это держаться в стороне от политики, раз

в мире всё перевернулось и нельзя понять, где друг, а где враг.

— Знаешь что, Нильс, — сказал я, стараясь не кричать. — Лучше тебе уйти.

8

Боже мой, что с ним стало! Как он помолодел, мой «Оринок»! Да нет же, он и в ранние свои годы не выглядел таким новеньким и щеголеватым, как теперь. Я даже глазам не поверил сперва, честное слово! Чей это голубой ботик у причала, раскрашенный, как прогулочная яхта, — подумал я. Что-то он незнаком мне. Должно быть, Генри Бибер ошибся, послав меня на второй причал, — принимать корабль, вышедший из ремонта. Никакого «Оринок» я здесь не вижу, — так говорил я себе, пробираясь между бочками с соленой салакой, треской и бутылками с рыбьим жиром. И вдруг... Да неужели это он, мой «Оринок»!

— «Оринок» ваш готов, — сообщил мне сегодня Бибер. — Так как по всей вероятности, никто не сумеет плавать на нем лучше вас, то я и поручу его вам.

На этот раз Генри принял меня не в кабинете, а в маленькой комнатке за кабинетом. Она вся обита коврами, а в углу небольшой столик с медной дужкой, вделанной в крышку. Генри потянул дужку кверху, крышка стола раскрылась, распахнулась двумя половинками, а изнутри поднялись графинчики и стопки из матового стекла. Генри налил мне и себе какой-то зеленоватой диковины, пахнувшей мятными каплями, и мы выпили.

Я ждал, что скажет Генри. Порция с наперсток величиной не затуманила мне мозги, и я мог рассуждать трезво, — неспроста же позвал меня сюда Генри. С ним ухо надо держать востро.

Он налил мне еще, и тут я окончательно решил, что дело нечисто.

— Как семейство ваше? — спросил он.

— Благодарю вас, попрежнему, — ответил я.

— Сынок ваш дома?

— Нет, — ответил я осторожно. — Гостит у знакомых.

— Для юноши в таком нежном возрасте, — проговорил Бибер, вытирая платком губы, — крайне необходимо твердое руководство со стороны отца. Только оно способно уберечь от случайных и опасных знакомств.

Ах, вот он куда гнет. Ну, у меня нет охоты отдавать ему отчет в своих личных делах. И я, не вдаваясь в эту материю, вежливо согласился, что отец, действительно, много значит для ребенка, тем более, что бабушка Марта стала плоха.

Тут Генри зачем-то поинтересовался, сколько лет бабушке Марте. Видимо, он еще не дошел до сути и заходит издалека. Что ж, и я за словом в карман не полезу. Извольте слушать, коли так, господин Бибер. Бабушка Марта, к сожалению, стала заговариваться. Вообразила, что Эрик ночует у невесты, — у дочки Олле, который жил в Сельдяной бухте. Бабушка всё беспокоится, как бы Эрик не поскользнулся и не расшибся, прыгая через ручей, и твердит, что ему надо идти через мостик. От него прямо к амбару тропинка. Это

она помнит — бабушка Марта! Действительно, у Олле за ручьем, на выступе скалы стоял большой старинный амбар с резными столбиками и наружной лесенкой, прямо к чердачку. Внизу, как водится, хранилось зерно, вяленая рыба, сухие лепешки под потолком, надстые на брус. А на чердачке в теплые летние ночи спала дочка Олле — Христина. Не троюродная сестра боцмана Лауриса, а дочка Олле, что вышла за лесоруба Андерса.

Всё это я выкладывал Биберу и, посмеиваясь про себя, видел, как он ёрзает от нетерпения на табуретке. Теперь я довел его, — решил я. Раскроет карты.

И действительно, он прервал меня и сказал, помахивая головой, будто разбрасывая слова по всем углам комнаты:

— У меня есть для вас предложение, господин Ларсен. Оно встретит, как мне представляется, ваше полное одобрение. Не желаете ли взять ваше «Ориноко» в аренду? С вашим искусством вы сможете, не сомневаюсь, выкупить его с течением времени в собственность.

«Ага, вот в чем дело, — подумал я. — Бибер учел свою выгоду. Что ж, предложение, как будто, стоящее, но нет ли какого подвоха».

— Прежде всего я хотел бы осмотреть судно, — ответил я Биберу.

И вот я стою на набережной, у мастерской, а передо мной мой переродившийся «Ориноко». Выходит, мы снова будем вместе, дружище! Снова будешь носить меня!

Но я должен проверить, не обманчива ли твоя новая наружность, не намерен ли Генри надуть меня, сбыть с рук корабль, залатанный

кое-как, на живую нитку, не скрывается ли под слоем краски какой изъян. Прежде чем я не сделаю на нем несколько кругов по заливу, я не отвечу Биберу ни «да», ни «нет».

Вот идет по настилу старый Эрко. Он сгорбился, втянул лысую голову в плечи, что-то шепчет про себя.

— Эй, Эрко, — крикнул я.

Он кивнул мне и не остановился.

— Что с тобой, Эрко, — удержал его я. — Да ты спишь на ходу, парень! Полюбуйся-ка на эту посудину, — сказал я, указывая на «Ориноко». — Узнаешь ее?

Но Эрко, обычно разговорчивый, молча щурил на солнце свои подслеповатые глаза, приоткрыв их, и покачивал головой, словно вид «Ориноко» был ему неприятен. Потоптавшись, звякнув носками пыльных ботинок о банки с тресковым жиром, он двинулся дальше.

— Да что с тобой, Эрко! — крикнул я и взял его за локоть.

— Не кричи так, шкипер, — проговорил он и высвободился. Но я загородил ему путь:

— Очнись же, слушай! Я с делом к тебе. Если ты свободен, помог бы мне... Надо испытать корабль, понимаешь. Я встану на руль, ты к мотору.

— Нет, Ларсен, нет, — он растерянно заморгал и отвернулся. — Некогда мне...

— Врешь ты, Эрко. Ненадолго ведь. Понимаешь, я опасаясь, нет ли какой каверзы. Генри возвращает мне бот. Но надо всё проверить сперва. Ему ведь палец в рот не клади...

— Ты выслужил, Ларсен, — тихо ответил Эрко, не глядя на меня.

— Как выслужил? Кому? Да что ты мелешь, Эррко, с ума ты сошел! — крикнул я, но он быстро пошел прочь, перешагивая через банки. Я сделал шаг, другой, чтобы догнать его, но он уже исчез за углом склада.

Ну и бог с ним. Не стану упрашивать его. Очень он мне нужен!

Я постоял некоторое время и подождал, — не покажется ли этот старый болтун. Конечно, искать его я не намерен. Но если он еще раз пройдет мимо причалов, я ему скажу. Я скажу: дурак ты, Эррко, неужели ты воображаешь, что я собирался увести Эрика ради Генри или кого-нибудь другого? Но Эррко не показался.

В конторе мне дали матроса, и я вывел «Ориноко» из рыбной гавани. Я покружил по заливу, затем вышел в море и взял влево, пока не послышался шум падающей воды и не блеснули «пять сестер» — пять каскадов, свергающихся с высокой, почти отвесной горы. Нет, Генри не подвел меня как будто. В корпусе никакой течи. Вот руль переключается не очень легко. Но это пустяк. Словом, только бы радоваться мне, если бы в ушах не звучали слова Эррко: «ты выслужил, выслужил, выслужил». Ведь вот же, привяжется какая-нибудь ерунда и не отогнать ее!

В конторе я сказал, что подпишу договор на аренду «Ориноко», но сперва пусть мне подгонят штурвал получше и положат на борт еще один слой краски.

Из конторы я пошел в посолочную, где работает Эрик, и отыскал мастера.

— Бибер отдал мне «Ориноко» в аренду, —

сказал я.— Сообразил, что кроме меня некому поручить такой корабль.

— Поздравляю, шкипер, — и толстяк мастер прижал меня к своему животу. — Поздравляю.

— Передай моему Эрику, Бенгт. Только осторожно, — не от меня, понимаешь?

Ясно. Мальчишка обрадуется, со всех ног кинется домой. Еще бы! Плавать на своем судне.

— Мы умнее были в его годы, Бенгт. Занимались своим делом, не лезли в политику.

— Истинно, Рагнар. Нильса уволили, ты слышал? И еще пятнадцать человек. У меня, слава богу, никого.

Толстяк комкал фартук, лоб блестел от пота.

— Ты мокрый, бедняга, — засмеялся я.

— Не заварилось бы снова, — охнул он. — Хожу и срываю, — он протянул мне горсть бумажек. — Сердце болит за них, дураков. Работали бы смирно. Почитай, что твой Эрик расклеил у нас тут...

— Не интересуюсь, — ответил я, отводя его руку. — Я добываю кусок хлеба для семьи, вот и всё. По нынешним временам и это не легкое дело, Бенгт. Вот Нильс не понимает меня, и Эрко тоже. Многие не понимают меня, Бенгт, а дело ведь простое...

Я еще долго распространялся в таком духе, держа Бенгта за пуговицу комбинезона. Освободившись от меня, он пожелал мне счастливого промысла на «Ориноко».

— Я завтра приду за ним, — сказал я. — Штурвал заедает, и краски на борту маловато. Заставил сделать. Бибер не должен забывать, что имеет дело со шкипером Ларсеном. А шки-

пер Ларсен звезд не хватает, правда, но провести себя не даст, — а?

Говорил я с Бенгтом, а обращался к Нильсу, к Эркко, к братьям Микелю и Юхану. И, закончив свою речь, я продолжал ее мысленно, шагая вдоль шеренги бутылей с рыбьим жиром и оглядываясь по сторонам, — не покажется ли опять Эркко.

9

«Ориноко» у нас, и всё было бы хорошо, если бы не эта заваруха.

Видели вы что-нибудь подобное? Ведь не явился мальчишка! Он боится меня, вот в чем дело. Или Бенгт не исполнил моей просьбы? Да нет, не может этого быть, — Бенгт сделает, если обещал. Да и, небось, всему городу уже известно, что шкипер Ларсен привел «Ориноко» обратно. Меня уже не один встречный спрашивал — каков промысел? А какой может быть промысел, если бот стоит у причала. Или прикажете мне брать на борт чужого человека? С какой стати! При взрослом-то сыне! Но вот уже потерял один день по милости Эрика, негодяя мальчишки. А тут еще Агата со своей болтовней. Она видела Эрика и прибежала доложить мне.

— Он изменился, господин Ларсен, — сказала она. — Он смотрит как-то по-другому. Знаете, ведь бывают такие дни, когда мальчишки вдруг становятся мужчинами. Он делается всё больше похож на своего брата.

Я оборвал ее и спросил, где она видела Эрика.

— В сквере у «Веселого Лосося». Они так мило беседовали, — Эрик и Христина.

— Чему вы улыбаетесь, фру Агата? — вскипел я. — Он бегает за девочками, шляется чорт знает где, а отец сидит на берегу, сидит как... как...

Я так и не сумел подобрать подходящего слова, до того обозлился. Между тем Агата, как ни в чем не бывало, продолжала:

— Вы и оглянуться не успеете, как ваш Эрик раздобудет молодую хозяйку для вашего дома. И тогда, — она опустила голову, — я вам буду совсем не нужна.

— Я ему покажу хозяйку! — сказал я. — Я возьму его за шиворот и притащу домой.

Чего же ждать?

Салака, небось, уже пошла. Конечно, больших косяков еще нет, и другой рыбак зря будет мочить сети. Надобно знать банки за маяком Ялмарен, песчаные банки, покрытые водорослями до того густо, что они кажутся зелеными подушками. На тех банках уже, наверное, есть рыба. А шкипер Ларсен всегда выходил первый. На салаку, или на треску, или на камбалу — всегда первый, чорт побери! Люди, верно, в толк не возьмут, почему такой неповоротливый нынче шкипер Ларсен, почему он не спешит выйти в море. А кое-кто, может, уже подсмеивается: одряхлел, мол, Ларсен, не со владал с желторотым юнцом.

А тут опять Агата:

— Она с коготками птичка — Христина. Она поженит Эрика на себе, господин Ларсен.

— Простите меня, фру Агата, — ответил я. —

Удивительно устроена у вас голова. Всё, что происходит на свете, вы сводите к свадьбе.

С этими словами я ушел, велев ей покормить бабушку Марту и самой поест супа, что остался от обеда.

До Нильса путь не близкий. Он живет на самом краю города, за лесопилкой. Дом, где Нильс снимает комнату, торчит на скале, на самом ветру, и туда от мостовой надобно карабкаться по деревянным, зеленым от времени ступенькам, числом не менее полусотни.

Я застал одну Асту — жену Нильса, пеленавшую ребенка. Эрик на собрании, а Нильс трудно сказать где. Ему за вечер надо побывать по крайней мере в трех местах.

— Недаром он «летучий шкипер», господин Ларсен, — прибавила Аста. — Уж такой он есть. Придет поздно.

Каждое слово она растягивает, как будто я глухой. Все так говорят там — на Синих горах. Нильсу, видите ли, не нашлось невесты в Сельдяной бухте, привез с Синих гор. И не удосужился даже приучить ее говорить по-человечески. Вы думаете, фру Аста, очень красиво — раскатывать каждое слово, как тесто для ватрушек. А то, что вы держите у себя лоботряса, сбежавшего из дому, — это тоже в порядке вещей, по-вашему, фру Аста? Вам даже весело, сдается мне.

Так я думал, глядя в смеющиеся глаза Асты. Она радуется безобразию, вместо того чтобы прогнать мальчишку к отцу. Дать хорошего пинка и прогнать.

— Я пришел за Эриком, — сказал я.

Она что-то ответила, но в эту минуту, как назло, заорал ребенок.

— Что вы сказали, фру Аста? — спросил я немного погодя.

— Садитесь, садитесь, шкипер, вот о чем я вас прошу, — она повернулась ко мне, и глаза ее так же беззаботно смеялись. Господи, что за странное существо! Все они на один лад — там, на Синих горах. Как говорится, пока не обожжет, не поймут, что загорелось.

— Отдохните, ведь небось без ног остались, взбираясь на наш небоскреб? Вы давно у нас были? В прошлом году? Мы всё в той же хибарке, как видите. Хотелось бы устроиться по-лучше, да не выходит.

«Никак вы пытаетесь успокоить меня, фру Аста? — подумал я. — Напрасно. Лучше договаривайте, — кто вас просил взять еще квартиранта, коли самим тесно. Ведь никто не просил! Эрик, верно, валяется на полу. Так ему и надо, пусть почувствует, каково в чужих людях».

У одной стены — кровати Нильса и Асты, у окна — письменный стол, у другой стены — два шкафа с книгами и между ними места только-только хватило для детской кроватки. А книжки у Нильса потрепанные, видать, куплены по дешевке, — не то, что у Скобе. У одной корешок отрывается.

— Эрик спит на кухне, — сообщила Аста. — Тише ты, — цыкнула она на хнычущего младенца. — Для Эрика у нас есть складная кровать.

— Очень вам благодарен, — сказал я.

— Ох, как вы злы на нас, шкипер, — вдруг

задорно вымолвила она. — Ведь злы — верно? Молодой человек ваш тоже с характером. Он уверяет, что вы сами отказали ему от дома. Так или нет? Дождитесь его, поладите, может. Или прогуляйтесь, — собрание у них на каменистом холме.

— Дождаться его тут — много чести, фру Аста, — отвечал я, немного смущенный ее прямотой. — До свиданья.

— Дорогу найдете? Тропинка за углом.

Она проводила меня и показала тропинку. Выщербленная каблуками рабочих ботинок, она тянулась темной полоской по скалистому холму вверх, к карьеру, где рвут гранит.

Положим, рвут его редко. В летнее время, да еще вечером, там нет работающих, одни гуляющие. Есть же любители карабкаться на верхотуру специально для того, чтобы поглядеть на город! И добро бы еще на весь город, а то на одну рыбную гавань Бибера. Остальное скрыто за скалами. Конечно, отваживается на этот подъем только молодежь. Говорят, еще прежний владелец лесопилки лазал, чтобы похудеть.

Вот, наконец, карьер, ведущий в сарай с оцинкованной крышей. Ворота настежь, слышен визгливый голос, выкрикивающий что-то. Я остановился у сосны, прилепившейся к косогору. Побуду здесь, пока они галдят, а потом заберу Эрика. Заберу без лишнего скандала.

Впрочем, может быть, его еще нет там. Собрание только что началось, видимо. То и дело сверху, с откоса, черного от шапок можжевельника, сбегают опоздавшие. И конечно, парень

не упускает случая поддержать девицу за талию или облапить и снять с уступа.

Между тем становилось темно. Можжевельные кусты слились в одну темную гущу, и никто не показывался оттуда. Ветер колотил по крыше сарая, лез ко мне за ворот. Ноги у меня застыли, и торчать под сосной стало уже невтерпех. Я приблизился, не торопясь, к воротам и заглянул внутрь. Вот сколько их набралось, бездельников! Полный сарай! Интересно, кто им разрешил пользоваться помещением? Сожгут — кто будет отвечать? Вот один дымит сигареткой! А стены, скамейки, пол — всё деревянное, долго ли до беды. Нет здесь хозяина, вот что плохо.

Арвид Скобе обещал, что каменная гимназия, взорванная немцами, будет восстановлена. Давно пора! Вот этим юнцам, которые приходят сюда тискать девчонок да трепать языком, было бы особенно полезно потрудиться на каменоломне.

Я вошел. Никто не оглянулся в мою сторону, до того всех захватил оратор — белобрысый, курносый мальчонка, которому, верно, нет еще и шестнадцати лет. Над ним, привязанный проволокой к балке, висел фонарь «летучая мышь». Я подтянулся на носках, и тут взгляд мой упал на Эрика. Он сидел согнувшись и подперев голову руками. Лица его я не мог видеть.

Ну, погоди же!

Свет фонаря не достигал моего закоулка. Скамейка последнего ряда, у самой стенки, под огнетушителем, была в темноте. Я сел. Теперь голова оратора исчезла за спиной высо-

кой, плечистой девицы, стоявшей впереди меня, и единственное, что я мог разглядеть отчетливо, был листок на ветке, которую она держала в зубах, — неподвижный светлозеленый листок с прожилками.

Смысл того, о чем разглагольствовал курносый мальчонка, не сразу дошел до меня, — присутствие Эрика в каких-нибудь двадцати шагах не давало мне покоя. Курносый умолк, на смену ему выскочил другой, побасовитсй. Он назвал имя Гейнца Янзе, как будто знакомое мне. Кто же такой Гейнц Янзе? Не тот ли боцман-голландец с траулера «Генриетта»? Басок называет его, почему-то, преступником. Вот так раз! За что юнец обозлился на голландца? Ты, милый мой, лоботрясничал, вот тебе и влетело от боцмана. И поделом! Однако нет, тут другое. Юнец не из команды траулера. Он засольщик, если верить тому, что он говорит. Тогда какое же он имеет право судить моряков? Его ли ума дело? Ага, он был вместе с Нильсом в тот день в порту. Тоже не хотел разгружать пароход. Значит, и этому Нильс свернул мозги!

Я приподнялся. Желтый огонь фонаря отсвечивает на приглаженных волосах коренастого парня в кожаной куртке. Ровесник Эрику.

— Теперь мы знаем, кто такой Янзе, — сказал парень. — Знаем, зачем его держат у нас. Гитлеровский убийца Янзе нужен тут как штрейкбрехер, как соглядатай. Мы потребуем, чтобы его убрали.

— Правильно, правильно! — загалдели все, как будто припомаженный парень всё так

толково объяснил, что ничего непонятного не осталось.

Следующим выступил, вообразите себе, Эрик. Уж его-то я меньше всего ожидал услышать. При первых звуках его голоса я вскочил, — он ли? Не чудится ли мне? Дома иной раз двух слов не выдавит за день. Мне показалось даже, что это вовсе не Эрик, а похожий на него, только немного повыше.

— Товарищ Нильс Эбергард просил передать... — начал Эрик, запнулся, поднял глаза к фонарю и замигал.

Новый горе-оратор!

— Просил передать так: партийная организация имеет все данные о прошлом Янзе.

Ишь, слова-то какие произносит! А с каких пор, хочу я спросить, ты стал вмешиваться в дела взрослых? Всё Нильс намутит! Они словно повторяют за ним урок. Эбергард считает, Эбергард предлагает, — то и дело мелькает в речи Эрика. Надо, дескать, всему городу сообщить про голландца, настроить всех, а затем идти к бургомистру с требованием: уволить голландца, выгнать его из города. Но и этого мало. Добиться, чтобы правительство запретило Янзе пребывать в нашей стране.

Растолкать бы всех, взять мальчишку за ухо и вывести. Но тут я перестал понимать смысл речи Эрика, потому что совсем недалеко от меня кто-то сказал соседу:

— Говорят, он ушел от отца.

— Да. И хорошо сделал.

Это обо мне. Обо мне и Эрике! И вдруг всё словно перевернулось. То, о чем я начал догадываться с той минуты, как услышал здесь

Эрика, обрисовалось отчетливо. Я напрасно стою здесь и жду.

«Ушел» — это слово стеной встало между мной и Эриком. Глупо было думать, что он боится меня и из-за этого не вернулся домой. Хватит считать его ребенком, которого надо заставлять или уговаривать. Нет, он не ребенок, и я не подойду первый к нему. Он ушел, он заодно с Нильсом и другими. И с Эрко. Он хочет жить по-своему. Пусть попробует.

«Что ты притащился, старый дурак, — сказал я себе с досадой. — Сматывай-ка удочки, пока тебя не подняли на смех».

Кажется, никто не заметил, как я попятился, стараясь не шуметь, и шагнул к двери.

10

Я свернул с тропы, чтобы никому не лезть на глаза. Под ногами зашумела каменистая осыпь, кое-где скрепленная колючим кустарником. Впереди, в полумраке, обозначился дом Нильса, обращенный ко мне безглазыми задворками.

Надо бы сказать Асте, — незачем давать мерзавцу складную кровать. Пусть валяется на полу.

Но я, конечно, не зашел. Я взял в сторону от дома Нильса. Вдруг послышались голоса Нильса и Асты. Я остановился. Аста давала мужу поручение — посмотреть мимоходом, не отвязалась ли коза. Ответа его я не разобрал. Затем Аста сказала, что скоро заберет козу в стойло.

Да что я хожу и подслушиваю чужие разговоры! Какое мне дело до них всех!

Я двинулся дальше. Нильс, повидимому забегавший домой перекусить, пошел своей дорогой. Я мог бы окликнуть его. Но к чему? О чем мне толковать с Нильсом?

Фигура Нильса удалялась. Я еще раз подумал, что с Нильсом у меня не может быть общего языка. И в этот момент, словно нарочно, словно издеваясь надо мной, запиликала губная гармошка Нильса. Сам он давно исчез за косогором, а гармошка разливалась, разливалась без удержу.

Проклятая гармошка! Я готов был заткнуть уши, чтобы не слышать ее. Она преследовала меня. Был как раз тот час затишья, какой обычно бывает вечером, когда ветер делает передышку, прежде чем задуть с новой силой.

Я ускорил шаг, расстояние между нами быстро увеличивалось, но от музыки Нильса решительно невозможно было отвязаться. Без работы остался, а играет! И чего он радуется!

Нильс где-то в темноте поднимался в гору по крутой тропе, которую выбили в камне каблуки с гвоздями, и швырял оттуда свою бесшабашную плясовую. Она неслась за мной по деревянному тротуару, кружилась по улице, как бешеная, обегала столбы, цеплялась за палисадники, колола меня и дразнила.

Кажется, до самого дома проводила она меня.

Бабушке Марте я объявил, что Эрик нанялся на траулер — промыслять у Птичьих островов.

— У Птичьих? — она приподнялась на постели, глаза ее блуждали. — Господи, там же немцы.

— Опомнись, какие теперь немцы. Мальчишке полезно... побыть одному. Ему хорошо заплатят.

Успокоившись, она спросила, как я управлюсь без Эрика. Я уверил ее, что это не трудно.

— Возьму на бот Агату, — сказал я. — Она рыбачила с мужем, не впервой ей. Вообще, свет клином не сошелся на Эрике. Плавать со мной всегда охотники найдутся. Одно беспокоит, не вывесили бы завтра «штаны».

Штаны — так зовется в просторечьи сигнал шторма, флажок с двумя язычками, запрещающий выход в море. Я еще некоторое время распространялся об этом, доказывая бабушке Марте и себе, что другой заботы у меня нет.

Ветер опять разошелся. Всю ночь он насккивал на наш дом и молотил по крыше — чортов ветер. А внизу гремела посудой прислуга таможенного чиновника. Удивительное дело, сколько там успевают напачкать посуды за день. Задремал я только под утро, и то ненадолго. Почудилось — кто-то прошел за ширму, где уголок Эрика. Такой у нас дом — весь он набит стуками, шорохом, скрипом, и вся эта путаница шумов собирается к твоему изголовью. Однако когда я поднялся, то первым долгом заглянул за ширму.

Там было пусто. Слепило солнце. Я сел на койку Эрика и положил ладони на одеяло. Набежало облако и затенило комнату, погас переплет окон, отброшенный на стену и койку, но ворсистое сукно хранило тепло.

Нет у тебя больше семьи. — сказал я себе. Мне представилось, что Эрик завтра или

послезавтра заявится и потребует, чтобы я его выделил. Потребуется долю имущества: свои резиновые сапоги, которые он так еще и не удосужился залатать, денег или... ну не знаю, что еще. Я позабыл на минуту, что мы не в Сельдяной бухте и никакого имущества, собственно, нет. Но Эрик, пришедший за своей долей, обрисовался передо мной очень ясно, и злость снова поднималась во мне, а сонливость пропадала. Чорта с два ты проживешь на кухне у Нильса! Умолять будешь меня, в ногах будешь валяться!

Я решил не терять из-за него ни минуты. Пусть висят «штаны» на мачте у порта — я всё равно пойду в море. Я прошмыгну так, что никто не заметит и не успеет помешать.

Если за маяком Ялмарен разбушевались волны, то есть же тихие заливчики у острова Торн. Найду, куда опустить сеть.

Во всяком случае, я не могу сидеть на месте. Пусть там, в порту, вывешивают, что хотят.

Я выпил кружку кофе и снял уже зюйд-вестку с гвоздя, как постучал Пелле, почтальон.

— Заходи, — сказал я, впуская его в комнату. — Только потише, бабушка Марта спит.

Сейчас он спросит, — неужели я всё еще не помирился с Эриком. И я отвечу, что молодым людям полезно бывает пожить самостоятельно. Я давно приготовил такой ответ. Но тут мне пришло в голову — в городе, может быть, стало известно, что я вчера искал Эрика и лазал на карьер. Значит, нужен какой-то другой ответ. Однако Пелле, слава богу, не проявил любопытства.

Он вытащил из сумки газету. Водя пальцем по строчкам, покашливая, Пелле прочел:

— «Двое подростков совершили не лишенное приключений путешествие в чужом автомобиле от южной набережной до северной окраины столицы, где они вошли в резкое соприкосновение со столбом. Радость оптовика Хенриксена, обретшего машину, была омрачена печальным ее видом».

— Чорт с ним, с видом, — сказал я. — Нынче подростки на всё способны. Нет ли поважнее новостей?

— Что вас интересует, господин Ларсен?

— Ты, наверно, в курсе, Пелле. Что за история с Гейнцем Янзе, с голландцем?

— Утверждать затрудняюсь, — ответил Пелле, пощипав щетинку на подбородке. — Коммунисты говорят, он служил у немцев в офицерах, был с ними в Эстонии. Утопил в проруби женщину, которая помогала партизанам. А горбун из ратуши уверяет, что это всё враки.

— И я тоже считаю, — сказал я. — Наш бургомистр не стал бы давать приют в городе нацисту. Наш Скобе не меньше нас с тобой ненавидит коричневую сволочь. А коммунисты на голландца злы, потому что он взялся работать в порту, а они не хотели, вот и всё. Так что всё ясно.

— А давно он здесь?

— Голландец? Понятия не имею.

— С прошлого года, как будто, — сказал Пелле. — Чорт его знает, откуда он взялся.

— Во всяком случае, власти знают — откуда, — заявил я. — Был бы он нацист, не сдобровать бы ему. Скобе строг к таким.

Наконец Пелле попросился. Я вышел вместе с ним. «Штанов» на мачте не было, но бухта хмурилась.

11

Как я и ожидал, Агата согласилась сразу. Она сказала, что всегда рада помочь мне. Это чистая правда. Я видел, как заблестели ее глаза, а концы платка разлетелись в стороны. Она побежала давать наставления дочке.

И непогодь вам нипочем, фру Агата. И хозяйство вы готовы доверить десятилетней дочке, лишь бы помочь мне на промысле. Значит, не так еще стар шкипер Ларсен? Так, что ли, фру Агата? Держу пари, сегодня же кумушки начнут судачить, что шкипер Ларсен неспроста взял вдову Агату на свою посудину.

Так думал я, пока Агата разговаривала с Минной и одевалась. Не очень-то быстро она покончила со сборами. Пришлось поторопить ее.

Ветер благоприятствовал, я решил беречь горючее и поднял парус.

Огромный кошель древесины лежал на поверхности бухты. Извольте обходить.

— Эй, вы, — крикнул я плотовщикам, — какого дьявола раскатали свои палки? Подвезать нечем?

— Ах, господин Ларсен, — улыбнулась Агата. — Бабушка Марта вам задала бы.

— Да, она посулила бы мне гвоздик в язык на том свете. Им там не напасти гвоздей, а?

Выкурив полтрубки, я велел ей убавить парус; мы выходили из бухты, и море задышало нам в лицо.

В тихие дни, в самые тихие штилевые дни, которые, однако, не часты у нас, остров с маяком Ялмарен отсюда бывает виден. И другие острова, цепочкой тянущиеся от него к острову Торн. И даже Торн можно разглядеть вдали, вернее, не самый Торн, а отражение его в воздухе. Остров тогда висит в небе и под ним деревья, вершинами вниз. Но так бывает в очень ясную погоду. Я не помню, когда последний раз видел остров Торн лесом вниз.

Сейчас горизонт в тумане — в грязном, нехорошем тумане. Агата закрепила парус, она раскраснелась от натуги, но улыбка не сошла с ее лица. Нас слегка подбрасывает. «Ориноко» короткими ударами рубит волну. Фру Агата делает вид, что для нее возиться с парусом в качку — самое привычное дело. Хорошо, фру Агата, посмотрим, какой у вас будет вид, когда мы очутимся в открытом море. Вот тогда и выяснится, можно ли вам доверить парус.

Но шторм, верно, натешился где-нибудь в иных краях и добежал к нам уставший и ленивый. Рваные клочья серой мути неслись по небу, но выше обозначился слой белых облачков — плотный и неподвижный.

Ветер слабел, чайки без страха лезли в воду. Мы обогнули маяк Ялмарен и взяли влево.

Впереди чернели, там и сям, камни, опоясанные кушаками пены. Это самое опасное место у нашего побережья. Здесь не зевай, не выпускай штурвала, не сбейся с узкого фарватера.

Каменные башки, высовывающие из-под воды свои угловатые башни, напугают, не допустят

новичка, но я-то с ними в ладу. Между ними и ищи салаку. Конечно, другой проплутает целый день без толку, — рыба сама не поплывет к нему.

Когда мы расставили ловушки, солнце уже отмерило без малого половину своего пути.

Я положил за лучшее двинуться к маяку, отдохнуть, под вечер выбрать, что попадет в ловушки, и поставить их опять — на ночь.

Ялмарен — местечко довольно-таки унылое. Издали оно вырисовывается нагромождением серых и лиловых скал. Ни одного кустика нет на этом клочке суши. Вся зелень — пятна лишая на граните да водоросли, которые плотно оплели обломки скал у воды. На возвышенной западной оконечности островка, над обрывом, торчит маяк, выкрашенный в два цвета, кольцами, и на нем каждые пятнадцать секунд вспыхивает огонь ацетиленового фонаря. По краям островка видны, когда подплывешь поближе, лачуги из плавуна, настроенные рыбаками. Ведь дикий Петер — так прозвали смотрителя маяка — никого не пускает к себе.

Одну из таких хижин я и облюбывал. По привычке, я громко попросил разрешения войти, прежде чем открыл скрипучую дверцу, висевшую на двух полосках жести.

Дверцей хлопал ветер, показывая, что внутри пусто, но уж так повелось у нас, — рыбак или охотник, набредший на заброшенную хибарку, непременно попросит позволения войти. Старики говорят, что иначе томты — маленькие человечки — смертельно обидятся. И они, говорят, найдут способ отомстить — перевер-

нут котелок с варевом, стащат ложку или хлеб. Вообще, много рассказывают всякого.

Поесть я мог бы и не сходя с бота, но фру Агата совсем сплеховала от качки и ее никак нельзя было оставить без берега. Однако она еще пыталась изображать любезную хозяйку.

— Достаточно ли я посолила, господин Ларсен? — спрашивала она. — Вы ведь любите соленое.

Ничего, есть можно.

— В последнее время, — сказал я, обсасывая хребет трески, — часто приходится чересчур солоно.

Но мне вовсе не хотелось говорить об Эрике, и мы доели суп молча.

Я открыл дверцу, чтобы выбросить кость, и увидел дикого Петера. Он шел стирать. Корзину с бельем он держал обеими руками, прижав к животу. Петер курил сигаретку, и мне показалось, что пепел ее падает в корзину. Завидев меня, он остановился, но не поздоровался. Это меня не удивило: дикий Петер ни с кем не здоровается.

Он постоял, сося свою сигаретку, и, наконец, спросил, привезли ли в город кофе.

— Нет, — ответил я, — пьем ячменное пока.

— А мыло привезли?

— Да, это есть, — сказал я. — Никак ты в город собрался?

— Юсси поедет, — промолвил дикий Петер и пошел, не торопясь, дальше.

— Он с войны не бывал в городе, — сказала Агата. — Ужасно! Как сыч в дупле. Без женщины! Боже мой, как только Юсси не сбежит от него.

Не все же бегут от отцов. Вы, фру Агата, чуть пришли в себя и затрещали! Юсси держится даже за такого отца, как дикий Петер. Не спорю, быть с таким под одной кровлей — радость небольшая. Грязища у них, верно, невообразимая.

Я не сказал это Агате, а лишь подумал. И мы продолжали молчать, — ведь история дикого Петера достаточно хорошо известна, чтобы о ней нужно было вспоминать вслух. Во время оккупации наши партизаны послали просьбу Петеру: погасить маяк на одну ночь. Они намеревались зажечь фонарь в другом месте и посадить на банку немецкий транспорт. Петер не сделал этого. Он объяснял после, что был болен и не мог влезть наверх, но все решили, что он побоялся. Не знаю, как оно было, утверждать не берусь. Но с тех пор Петер замкнулся на своем маяке, перестал показываться в городе и сделался диким Петером. И не здоровается ни с кем, так как ему могут не ответить.

— Ну, чем мы займемся теперь, фру Агата? — спросил я. — Как вы полагаете? А не заготовить ли нам камней для грузил... а? Жаль было бы уйти без них, не правда ли?

У нас, на городском берегу, подходящие камешки почитай что все выбраны, а здесь их масса, да и время свободное есть. Не сидеть же сложа руки!

На первый взгляд, что может быть проще — собирать камни для грузил. Но вы дайте мне такой, чтобы он был не слишком тяжел — а то ведь и сеть не вытянешь со дна — и не очень легок. Легкий тоже не годится: сеть сдвинет

течением и тогда ищи ее! И форму камня надо принять в расчет. Посмотрим, как вы сумеете, фру Агата.

Мы носили камни в кучку, и я, приближаясь, к ней, чуть ли не каждый раз замечал неладное. Так и есть, разве городским вдомёк, какое должно быть грузило.

Сперва я просто отшвыривал ногой негодные камни. Они отлетали у меня всё дальше и дальше, потому что я начал терять терпение.

Я отнял у Агаты камень, который она преспокойно несла, чтобы поместить в куче. Правда, он был нельзя сказать, чтобы чрезмерно тяжел и не очень легок, но с одной стороны сколот и заострен.

— Поражаюсь, фру Агата, как вы рыбачили? — говорю я. — Нсужели я привяжу такую штуку? Она прорежет бечевки, испортит мне снасть, фру Агата.

Вот какова помощь от городских! Нет, на них никогда нельзя положиться. Что-нибудь да неладно.

А она, может быть, воображает, что может сравниться с моей Хильдой? С досады я, размахнувшись запустил камень изо всех сил. Раза два он подпрыгнул на воде и впился во встречную волну.

Мы перенесли камни на бот и покинули остров. Вынули ловушки — добыча оказалась небогатая. То ли холодная весна виновата, то ли другая причина, но салака ныне запаздывает.

Дотемна мы снова установили сети и повернули к дому. Ветер упал, легкая зыбь катилась по морю. Мы еще не достигли ворот

в бухту, как впереди вынырнула темная точка. Она быстро увеличивалась и приняла вид моторной лодки. Еще немного, и я узнал ее — лодка Арвида Скобе.

Куда это отправился бургомистр? — подумал я. — Что за прогулки, на ночь глядя!

Но не Скобе сидел за рулем. Лодка пронеслась невдалеке от нас, и я различил человеческую фигуру ростом поменьше Арвида. Кто же? Никак Лаурис, боцман Стиг Лаурис! Да, его брезентовая куртка, приплюснутая, нахлобученная кепка. Как он оказался в лодке бургомистра?

Я проводил ее глазами, пока она не скрылась из виду. Она шла прямо к маяку Ялмарен.

12

О встрече со Стигом я передал Пелле, почтальону, и он сказал, что я не ошибся: Стиг еще третьего дня хвалился, — Арвид Скобе доверил-де ему свою моторку для важных поручений.

Может, Стиг выпросил лодку, чтобы похвалиться перед людьми? Не представляю, какую пользу Скобе извлечет из Стига. А пустить пыль в глаза боцман любит. Пелле тоже не смог придумать, на что может бургомистру понадобится Стиг.

Газеты в сумке Пелле лежали нетронутые, но он не разделался еще с городскими новостями. Он заговорил об Эрике, которого видел на улице вместе с Христиной, но я остановил его. Хватит с меня Эрика и Христины! Не интересуюсь. Пелле смутился, заморгал подсле-

поватыми глазами, потерял нить новостей и осведомился, как идет промысел.

— Салакой нынче не разживешься, — сказал я. — Это разве лето! Каких-нибудь две недели теплых. Попробую передвинуть ловушки поближе к острову Торн, там дно помягче и морская трава гуще. А кстати, Бибер всё еще приторговывает Торн?

— К сожалению, да, — сказал Пелле. — Остров осматривали какие-то господа из Америки.

— И тут американцы, чорт бы их взял. Лезут в каждую щель.

— Они остановились в «Веселом Лососе», во втором этаже, — там Стиг принимает постояльцев. В этом заведении такое творится! Матросня ихняя набивается туда, нарежется, а потом зазывает девиц, — хэй, кам алонг, только и слышишь.

— Зато Стиг, верно, на седьмом небе, — сказал я. — Помощник-то бургомистра.

Неужели Стиг втерся к Скобе? Нет. Думается мне, Арвид нашел бы человека более солидного, если бы встретила необходимость послать нарочного на судне. Мой «Ориноко» хоть и не так быстроходен, как его моторка, но куда надежнее.

— Да, — сказал я, — городишко захудалый, крошечный, шляпой накроешь, а поди ж ты, сколько всяких событий. Голова кругом!

Когда Пелле, наконец, добрался до газет, я увидел у него на носу очки.

— Подарок фру Агаты, — заявил он с торжеством. — Остались от покойного мужа.

— И подошли?

— Очень хорошо. Даже слишком резко всё показывают. Если долго носишь — глаза устают.

— То-то и есть, — сказал я. — Посоветовался бы с врачом сперва.

Но Пелле замотал головой.

— Нет, что вы, я не так богат. Уж как-нибудь обойдусь без врачей. Грабят они нашего брата. Не знаю, как благодарить фру Агату за ее милость. Теперь я любой адрес прочту, самый корявый. Спасибо ей. Это, говорит, тебе, Пелле, ко дню рождения.

Вот как? Я и позабыл. Оказывается, послезавтра Пелле стукнет шестьдесят лет.

— Поздравляю, дорогой, — сказал я. — Возраст пустяковый, в сущности. Ты еще молодой парень, Пелле, коли разобраться по-настоящему. Всего на пять лет старше меня. Не смейся. А знаешь, мне сдается, ты нравишься Агате.

Сам не знаю, зачем я брякнул это. Пелле сконфузился, снял очки и начал протирать их платком. Лицо его порозовело, отчего седые брови стали еще светлее.

Тут пришло мне на ум, что здешние языки Агату, верно, выдали замуж за меня, и я подкинул угляй в топку.

— Не всё же ей одинокой жить. А женщина она разумная, работающая. Домик свой. Хоть неказист, а всё-таки свой. И корова. Корова — это нынче капитал, Пелле. Она дает литров шесть молока, а иной раз и больше, было бы корма вдоволь. Да нет же, Пелле, я вовсе не смеюсь, с чего ты взял!

Теперь если до ушей Пелле дойдет какая-

нибудь глупость про меня и Агату, он сумеет разъяснить истинное положение вещей.

Всё еще красный, Пелле встал и надел сумку. Он и так задержался у меня, и я на этот раз так и не узнал, кого обокрали вчера в столице, кого убили и кого переехало поездом или чем-нибудь еще.

На другое утро Пелле, завернув на нашу улицу, первым долгом постучался не ко мне, как обычно бывало, а к фру Агате. Не знаю, что подействовало на Пелле, — подарок ее или, может, мои слова нечаянно попали в точку. Так или иначе, когда я подошел к домику Агаты, чтобы забрать ее на лов, Пелле уже сидел там за палисадником и рассказывал что-то Минне — дочке Агаты. До меня донеслось:

— Да, и под водой есть люди, Минна. У них там деревни, поля. Бот дяди Рагнара часто проплывает над этими полями и приносит обрывок соломы на носу.

Невольно я остановился. Ту же самую сказку я слышал от дедушки Карла, когда был мальчиком, и сам передал ее Акселю и Эрику. И давно ли это было? Эрик спрашивал, помню, — разве к судну прилипает не та солома, что падает с крестьянских лодок и плавает у берегов? Нет, отвечал я, совсем не та. И он верил. Он допытывался — как попасть в подводную страну. И я отвечал: надо быть хорошим, честным человеком. Тогда прилетит к тебе птица с невиданным оперением и укажет путь. Она является обычно в самый отчаянный шторм, когда мачта трещит и, кажется, нет спасения. Да, в эту самую минуту и

взмывает над кораблем чудесная птица — ты узнаешь ее сразу по яркому оперению — и тут уж не зевай, не выпускай ее из виду, следуй за ней. И Эрик ждал эту птицу, как ждал когда-то я в мои юные годы. От отца к сыну передается у нас сказка о подводной стране, где колосятся золотые нивы, где нет войн, где господствует правда.

Да, было время, когда мальчишка во всем верил мне. Прошло это время и больше не вернется.

13

У острова Торн мы наловили не намного больше, чем у маяка. Вся флотилия Бибера промышляет на угодьях вокруг Торна; где поменьше, там торчат ловушки, а мористее шныряют траулеры, волочат за собой свои сетевые мешки и обшаривают ими дно во всех направлениях. Однако косяков салаки всё еще нет. Приемщикам Бибера мы сдаем камбалу, стремигу, мелкую селедку, треску, всего понемножку. И приемщики каждый раз заявляют, что товар мелкий, пойдет третьим сортом, — значит, за самую низкую цену.

— Плохо здесь стало, — сказал я приемщику. — Совсем плохо. Надо подаваться куда-нибудь.

Отпрошусь у Бибера на север, на Птичьи острова, например. Там всё попривольнее. Бабушку Марту оставляю на попечении Агаты, она не откажется присмотреть. Подберу команду, — настоящих матросов. В самом деле, что меня держит здесь? Свет клином сошелся, что ли, на этом городишке.

Размышляя об этом, я приводил в порядок бот. Агата сошла на берег навестить родственницу. Я собрался было плыть домой, когда на палубу вошел незнакомый человек, увешанный кожаными сумками.

— Я Джон Сомс. Здравствуйте, — выпалил он.

— Здравствуйте, — ответил я, с любопытством разглядывая его. Иностранец, а по-нашему говорит довольно сносно. В двух его сумках — фотографические аппараты, а в третьей — бинокль. Костюм просторный, даже мешковатый, как будто не надет, а брошен на него, крахмальный воротничок закреплен концами на затылке, отчего кажется, что господин Сомс вытягивает шею из фарфоровой миски. Он порылся в бумажнике, извлек карточку с золотыми уголками и протянул мне.

«Джон Арчибалд Марвин Сомс, Нью-Йорк», — вот что я прочел на карточке. Там было написано еще что-то, но я не понял.

— О кей, — сказал я. — Что же вы хотите?

По правда сказать, мне не очень-то понравились такие манеры, — вламываться без приглашения на чужое судно и тыкать в нос карточками. Не мог мистер Сомс подождать меня на берегу!

Начал он с восторгов по поводу моего корабля. Какой ход! Всё восхитило иностранца, даже окраска корпуса, — того же цвета, что море. Корабль буквально сливается с волнами, делается невидимым. Чудо!

Затем Сомс пожелал узнать, к какой церкви я принадлежу. Я сказал. Тогда он спросил, откуда я родом.

— Да зачем же вам всё это нужно? — удивился я.

— О, просто любопытно. Вы знаменитый шкипер Ларсен. Мне очень любопытно. Вас хвалил мистер Скобе.

Что ж, пусть спрашивает, если так. Должно быть, репортер.

— Я из Сельдяной бухты, мистер, — сказал я.

— Прощу вас, не имеете ли сведений, — бывали ли в Сельдяной бухте мормоны?

— Мормоны? Кто они такие?

— Это... это церковь.

— На эту тему лучше всего было бы побеседовать с бабушкой Мартой, с моей тещей. Послушайте, вот занятная история для вашей газеты.

И я рассказал ему, какую штуку выкинули у нас, когда нашу церковь построили и пригласили художника, чтобы расписать ее. Художник собирался изобразить двенадцать апостолов, как полагается. Так нет, женщины вмешались. Пускай будет одиннадцать. Не хотим Иуду-предателя! Пастор уговаривал их: всюду, мол, двенадцать. Нет, они стоят на своем, — нам, мол, до других дела нет, а мы Иуду всё равно замажем. Все прихожане поддержали. Так что наша церковь, мистер, единственная в стране. Без Иуды. Жаль, она разрушена, а то стоило бы съездить.

— О, она очень... много разрушена?

— Фото для газеты не получится. Одна звонница едва держится. Колокол, правда, уцелел.

Но оказалось, что он вовсе не репортер,

а секретарь знаменитого проповедника. И проповедник этот будет на днях здесь.

На прощанье мистер Сомс дал мне еще четвертушку картона, — на этот раз не визитную карточку, а билет на выступление преподобного Джемса Харта, назначенное в нашем городе на воскресенье. Он прибавил еще, что можно являться и без билетов, и сказал:

— Приходите обязательно. Вам будет интересно.

Странный какой-то. Разыскал меня только для того, чтобы вручить билет на проповедь. И почему он знает, будет мне интересно или нет?

14

День рождения Пелле, почтальона, прошел великолепно. Сам бургомистр прокатил его в своей машине.

Видели бы вы, что это за машина! Темно-синяя, сверкает вся, внутри чего только нет, даже зажигалка и пепельница, но Арвид сам читает газеты и получше меня знает, сколько развелось любителей чужих машин. Так вот Пелле, подавая бургомистру почту, не удержался похвастаться очками — подарком Агаты по случаю дня рождения. Арвид велел ему подождать, допил кофе, посадил в свою машину и провез целый квартал по дороге к ратуше. Мало того, Арвид останавливал машину раза три и ждал, пока Пелле отнесет в дом письма и газеты.

Понятно, тотчас весь город узнал, как бургомистр поздравил почтальона.

Но вскоре на беднягу Пелле свалилась

большая беда. Очки подвели его. А ведь я предупреждал, — не следовало носить их, не посоветовавшись с врачом. Сэкономил Пелле десяток крон, а потерять может очень много. Не подходят ему эти очки. Глаза от них разболелись и зрение стало еще хуже. И на другое утро после дня рождения Пелле напутал — вручил письмо не тому, кому оно было адресовано.

Как назло, чужое письмо досталось не кому иному, как Стигу Лаурису. Конечно, будь он прежним боцманом Лаурисом, он, самое большее, поворчал бы на Пелле, и уж во всяком случае не стал бы затевать скандала. Но теперешний Лаурис, хозяин «Веселого Лосося», не только прочел нотацию несчастному Пелле, но погрозился сообщить директору почты.

— Тогда конец, — сказал мне расстроенный Пелле. — Директор давно подозревает, что у меня неладно с глазами, хоть я и уверяю его, что вижу прекрасно. Как получит жалобу, — сразу устроит мне проверку. И вон со службы.

Напрасно я старался успокоить его. Пелле, чуть не плача, твердил:

— Выгонят меня. Непременно выгонят.

— Да брось ты стонать, — сказал я. — Стиг забыл про тебя, я уверен.

Однако я вовсе не был уверен. Очень просто, и нажалуется. Нарочно нанесет визит на почту, будет возмущаться и всячески разыгрывать из себя важную персону.

— Выкинут вон и даже обрадуются, — упрямо молвил Пелле. — Возьмут другого, помоложе.

— Обратишься к Скобе, — сказал я.

Пелле помолчал. Он, наверно, вспомнил мягкие бархатные подушки в машине бургомистра. Но через минуту белесые брови Пелле сдвинулись, и он проговорил:

— Улле, наш бывший сторож, ходил в ратушу.

— Ну и что же?

— Скобе не принял его. Советник муниципалитета, — знаешь, горбун...

— Надо было к самому Скобе, — перебил я.

— Не пускали к нему. А советник отказал. Очень, мол, сожалею, но государство не может держать на работе инвалидов. Мол, у государства и так нехватает на всё. Улле набрался смелости и заявил, что за двадцатидвухлетнюю службу казна могла бы помочь ему полегчить. Так нет, видите ли, в казне на это нет ни одного эре. Положение в мире очень напряженное, — начал объяснять горбун. Это значит, — Россия хочет на нас напасть. Так они всегда говорят, чуть рабочий человек попросит поддержки.

Что я мог ответить Пелле? Я начал было о том, какая сложная штука — политика и как трудно, не имея надлежащего образования, в ней разбираться. Но Пелле покачал своей лысой головой.

— Одно я скажу, Ларсен, — проговорил он, — в России человека не выбрасывают за ворота, как собаку. В России тебя лечат, если ты болен, и ничего не берут за это. Врач приходит к тебе и, если нужно, кладет тебя в больницу. И тебе дадут самые дорогие лекарства, чтобы тебя спасти.

— Самые дорогие? — удивился я. — Откуда ты знаешь, Пелле? Это Нильс рассказывает всякие чудеса про Россию, но на то он и красивый.

— Нет, Рагнар. Мне сказал сын пастора Визелиуса — Конрад, который кончает в этом году университет. Он был в России.

Никогда я не видел почтальона Пелле таким взволнованным. Я не мог успокоить его, как ни пытался.

15

Мистер Арчибалд... нет, вылетела у меня из головы вереница имен этого чудака, увешанного сумками, — выбрал для выступления преподобного Харта сквер против «Веселого Лосося». С вечера там застучали топоры. Не знаю, по какому праву, но Сомс довольно решительно хозяйничал в сквере. Скамейки на площадке, где гуляющие прежде кормили голубей, он передвинул, наставил еще скамеек, а на самом газоне воздвиг кафедру. Рядом с ней сколотили еще зачем-то арку с перекладиной, выкрасили белой краской и навешали разноцветных лампочек, хотя белые ночи еще не кончились. Видно, мормонам просто некуда девать деньги.

Арка тоже стояла на газоне. И как это Арвид Скобе, с его страстью к зеленым насаждениям, спокойно смотрит на такое разоренье в городском сквере!

Сомсу мало показалось флажков на кафедре, он прикрепил еще несколько дюжин к стволам деревьев, и под каждым флажком прибил плакат с духовными стихами или с ви-

дом города Солт Лейк в штате Юта. Из «Веселого Лосося» вынесли столы и разложили на них для продажи разный товар: книжки, зубочистки, жевательные резинки и прочее. Так что сквер наш запестрел, как ярмарка. Портили впечатление только черные дыры в окнах соседних домов — след дебоша, устроенного матросами с американского парохода.

Утром на перекладине под аркой повис колокол. Как вы думаете, что это был за колокол? Наш, из Сельдяной бухты, с нашей церкви! Ума не приложу, как Сомс достал его. Было шесть часов утра, когда он начал трезвонить и поднимать всех с постели, — это в воскресенье-то. Не дал людям поспать. Некоторые, говорят, спросонок выскочили в одном белье, решили — пожар.

Звонари, нанятые Сомсом, по очереди раскачивали язык колокола, — набат гремел непрерывно часа полтора, пока сквер не заполнился.

За кафедрой полукругом разместился хор. В толпе говорили, что хор не наш — столичный, прибыл сегодня поездом. Верно, и это обошлось мормонам недешево. Толпа напирала, чтобы получше разглядеть певчих и Сомса, и я очень скоро потерял бабушку Марту. Меня отнесло в сторону, к столику с молитвенниками, и я едва не опрокинул его. Сомс подал знак, хор затянул гимн. Слова гимна были наши, но звучал он не по-нашему и так странно, что и слова родного языка нельзя было как следует разобрать; ясно слышался лишь припев — «ух», «ух». Под это уханье и поднялся на кафедру преподобный

Харт — толстый, краснолицый. Он положил руки на край кафедры, пошевелил пальцами, разбрасывая искорки золота от своих колец, потом застыл и поднял глаза кверху. Я невольно сделал то же самое и увидел зеленый шпиль кирки, на котором сидела ворона. Преподобный постоял в таком положении минут пять; хор не пел, и колокол не звонил. Наконец в толпе не выдержали молчания и начали шептаться, и тогда преподобный, видимо, сообразил, что пора начинать.

Он произнес длинную фразу на английском языке, и тотчас визгливый голос перевел ее:

— Дорогие братья и сестры, святые последнего дня послали меня сюда сообщить истину, начертанную на серебряных скрижалях.

Я подтянулся на носках, чтобы выяснить — откуда же исходит голосок, и увидел горбуна из ратуши. Он стоял у самой кафедры и был такой важный, что, казалось, лопнет от важности.

Послушаем, что там начертано, на скрижалях. Всё у них либо серебряное, либо золотое.

Однако из следующей фразы я узнал очень немного. Выходило, что скрижали были найдены на какой-то горе в Америке. А затем выяснилось, что надпись на них удалось прочитать лишь с помощью двух ангелов. Стало быть, сейчас истина доходит к нам уже в третьем переводе.

Толпа колыхалась, задние нажимали на передних, и меня отодвинули к дереву с плакатом. На нем было нарисовано здание с башенками, а под ним чернел столбик цифр. Оказывается, это и есть храм мормонов в Солт Лейк

Сити, высотой в 118 футов и вмещающий 9000 человек. Да, дела у них идут не плохо, по всему видно. Что ж, истина на скрижалях, может, кой-чего и стоит, но я не большой охотник вникать в церковные вопросы, — тут уж я уступаю место бабушке Марте.

Один раз ее клетчатый платок мелькнул справа от меня, вокруг нее кучкой сгрудились старухи и шушукались о чем-то. А слева, у самого края сквера, стояли на скамейках члены нашего магистрата — Генри Бибер, начальник полиции и другие видные люди города. В этой группе, ближе всех к вытоптанному газону с кафедрой, был Арвид Скобе. Не ожидал я, что он заметит меня, но он — представьте — заметил, кивнул мне и, мало того, слез со своей скамейки, подошел и при всех поздоровался со мной за руку.

— Преподобный мистер Джемс Харт, — сказал Арвид, — и есть то лицо, о котором я говорил. Мормоны заботятся о жертвах войны.

— Это он — представитель? — воскликнул я.

— Тише, Ларсен. У него есть сведения. Он, вероятно, коснется в речи...

Хорошо, значит, надо будет отыскать его после проповеди. Вряд ли он коснется сейчас. Сомневаюсь, что он уделит время для этого, — он и до истины на скрижалях еще не дошел по-настоящему. Всё же я стал внимательнее прислушиваться к скрипучему, срывающемуся голосу горбуна. Но тут проповедник умолк, взялся за веревку колокола и ударил несколько раз, а потом опять застыл, поднял глаза и предложил помолиться за людей из Сельдяной бухты, погибших и лишившихся крова.

Хор запел заунывный гимн, и я начал было подтягивать, но не мог разобрать слова.

Затем мистер Харт сказал, что нужно помолиться за Аксея Ларсена. Я даже не сразу понял, о ком он говорит, до того это было неожиданно. Но горбун повторил имя громко. Действительно, называли моего Аксея, и снова пел хор, а потом преподобный назвал еще имена, незнакомые мне, и объявил, что все эти люди погибают в Сибири, у русских.

— На скрижалях сказано: печатью мрака отмечены все красные, — выкрикнул он. — Прокляты те, у кого красная кожа, но еще ужаснее те, у кого красная душа. Они сотрут ваши жилища с лица земли.

Хор пел теперь тихо, не заглушая Харта, а он приходил в ярость, сжимал свои кулаки и кричал всё громче. Он твердил, что наш город будет уничтожен, как Сельдяная бухта, если сюда придут красные, а они, по его мнению, непременно придут, если не вмешается Америка.

Но теперь я слушал не так внимательно. Одна мысль засела у меня в голове — откуда ему известно про Аксея? После проповеди мистер Харт будет отвечать на вопросы, — так сказано в пригласительном билете. Непременно спрошу его. И я начал складывать в уме подходящие слова. Господин Харт, — я так обращусь к нему. — Нет, лучше — господин проповедник. Еще лучше звучало бы — господин епископ, но кто их знает, есть ли у мормонов епископы. Во всяком случае, подойти нужно тонко, а то еще обидится за то, что я требую

объяснений. Господин проповедник, я отец Акселя Ларсена, — так я начну.

Пока я обдумывал, Харт кончил говорить. И я не успел выложить приготовленный вопрос, — меня опередил Нильс Эберггард. Я узнал его по голосу, повернулся вправо и увидел его — он стоял на скамейке не очень далеко от меня.

Без Нильса не обойдется, — подумал я с досадой. — Начнет заступаться за своих, схватится с Хартом насчет политики.

— Интересно, ваше преподобие, — начал Нильс, — ваша церковь, верно, не мало средств затрачивает на нас, а? Приехать из Америки стоит не дешево, правда? А кроме вас, я полагаю, еще ездят проповедники?

Лицо Нильса было серьезно. Куда он клонит? Зачем ему понадобилось знать всё это? Но мистер Харт не удивился. Он первый раз видел этого моряка в синей куртке и в фуражке с флажком и не усмотрел никакого подвоха. Напротив — мистер Харт даже обрадовался.

— Миллионы, — объявил он и потряс руками. — Миллионы отдает наша церковь.

Будет теперь хвастать, — подумал я. И действительно, преподобный довольно долго рассказывал, сколько миссионеров посылают мормоны в Европу. Они-де ничего не жалеют для спасения душ.

Но Нильс не унялся.

— Понятно, — сказал он. — И как же вы надеетесь вернуть эти деньги?

Тут мистер Харт произнес еще несколько фраз о спасении душ. В тоне его слышалось

нетерпение. Однако Нильс не отвязался. Что ему еще нужно, — не возьму в толк.

— Поясню вопрос, — сказал он громко. — Что вы от нас хотите получить за ваши проповеди, за ваши книжки, которые вы раздаете почти даром? За ваши бомбы? Какую прибыль, мистер Харт? Я знаю, какую.

Что же это! Выходит, мы пришли слушать Нильса! Арвид Скобе хочет остановить его, и правильно делает. Но я не мог разобрать, что крикнул Скобе, так как Нильс заговорил еще громче:

— Вам нужно, чтобы мы воевали за вас, вот что.

— Ловко, Нильс, — раздалось в толпе.

Но Харт тоже не остался в долгу. Обозлился он, видно, здорово, и я сказал себе, что теперь мне не скоро представится возможность обратиться с моим делом. Всё испортила политика! Люди от нее теряют рассудок и становятся бешеными. Мистер Харт сперва попытался было нас уверить, что он будет молиться за Нильса и упросит бога, чтобы он как-нибудь просветил заблудшего. Но про себя преподобный, небось, думает, как бы вцепиться Нильсу в волосы. Очень уж скоро мистер Харт оставил молитвы и начал сыпать угрозами.

— Красные ничему не верят. Они пожалеют об этом. Скрижали предписывают нам быть твердыми. Святые последнего дня благословляют нас на битву, на битву, — завопил Харт и часто-часто застучал пухлым кулаком по кафедре. — Красные должны погибнуть!

Толпа загудела, и кто-то рядом со мной бросил:

— Вот так проповедник!

— Постыдился бы он, — отозвался другой.

Я ничего не сказал. Я был слишком подавлен, сбит с толку, чтобы сказать что-нибудь. И вдруг над головами протянулась рука, жилистая, старческая рука, и, перекрывая вопли мистера Харта, ропот толпы, подвыванье хора, раздалось:

— Антихрист!

Крикнула одна из женщин, окружавших бабушку Марту. Это я успел заметить. Мистер Харт запнулся, народ зашумел и расступился, и женщины двинулись к кафедре. Они шли, придерживая длинные платья, и повторяли:

— Антихрист! Антихрист!

Бабушка Марта с ними. Не обойдется без нее! Надо увести ее, нельзя ей волноваться. Я стал проталкиваться, стараясь не потерять из виду клетчатый платок бабушки Марты. Но я скоро застрял. Прямо передо мной возвышался мистер Харт, на лице его выступили пущовые пятна. Мистер Харт смотрел на горбуна, и кулаки его были попрежнему сжаты. Арвид Скобе куда-то исчез. Горбун растерянно озирался, должно быть он искал бургомистра. К кафедре выдвинулись полицейские, но старухи уже выстроились перед кафедрой и запели.

Мистер Харт оправился и попытался было заговорить, но старухи пели дружно, и мормон осекся, а в толпе пробежал одобрителный смех. Полицейские переминались на месте, и вид у них был преглупый. Вскоре клетчатый платок бабушки Марты скрылся, потому что ее загородили десятки людей, вышедших из

рядов слушателей на газон, к кафедре. И теперь пели уже не церковный гимн, начатый старухами, а что-то совсем другое, светское, и мистер Харт напрасно старался прервать их.

Наконец мистер Харт повернулся к публике задом и пошел прочь из сквера, а горбун побежал следом. Публика смеялась, певцы, притопывая, выводили:

И в рай матроса не берут,
И в пекло не пускают.

С певцами был Нильс. Он улыбался, держа в руке свою губную гармошку. Он помахивал ею в такт песне, подбрасывал на ладони.

Через несколько минут я шагал к дому, держа под руку бабушку Марту. Кто-то подошел и поддержал ее с другой стороны, и я увидел Нильса. И откуда-то вынырнули братья Микель и Юхан.

— Спасибо, мальчики, — только и успел сказать я им, потому что в эту минуту бабушка Марта вдруг оступилась и стала падать.

16

Ноги у бабушки Марты подкашивались, вести ее было всё труднее.

— Давайте понесем ее, — предложил Нильс.

Мы перенесли ее через улицу и положили на траву под окнами адвоката Сильверсмида. Микель упрекал меня:

— Зачем пустили старуху?

Фру Сильверсמיד выбежала, поглядела на нас, но в дом не пригласила, а велела горничной последить, чтобы мы не помяли цветы.

Нильс попросил девчонку принести нашатырного спирта. Он дал понюхать бабушке Марте, она открыла глаза, приподнялась и сказала, что пойдет сама.

Но встать на ноги она не могла, и мы понесли ее. Временами она переставала узнавать нас и звала Хильду.

Мы уложили бабушку Марту в постель и молча постояли около нее, и Нильс сказал, что теперь самое главное — покой. Потом мы, стараясь не стучать каблуками, отошли от задремавшей бабушки Марты, и я сказал:

— Она сдала в последний месяц, очень сдала.

— Не надо было выпускать ее, — повторил Микель.

Он никак не может сократить свой голосище, упрятать его в шопот, и ему велят молчать. Всё это доносится до меня словно сквозь туман.

— Видите как, мальчики, — сказал я. — Я рассчитывал, что лучше будем жить, а оно вот как получается. Рассыпалась семья. Эрик ушел из дому... Сегодня ему следовало быть здесь. Сегодня, по крайней мере.

При этом я посмотрел на Нильса. Он шагнул ко мне и проговорил тихо:

— Эрик не у меня, Рагнар. Он на острове Торн. Тебе разве не передали?.. Бибер послал туда людей, хочет выловить всё напоследок, перед тем как сбыть остров с рук. Рыбаки там днюют и ночуют, Бибер с них пять потов согнал. Поверь мне, Рагнар, я-то меньше всего хотел отнимать у тебя сына.

— Я не обижаюсь, Нильс. Он не ребенок,

сам решает, как ему жить. Нечего нам ссориться из-за него.

И тут наши руки встретились. Встретились и соединились в крепком пожатии.

— А кто собирается отнять наших сыновей, ты видел, — продолжал Нильс.

— Здорово ты всыпал мистеру Харту, — сказал я. — Поделом ему.

— Когда старушка очнется, — вставил Юхан, — ты ей скажешь, что это всё вранье — насчет Аксея. Понял? Про Сибирь и прочее. Вранье.

— Не знаю, мальчики. У меня голова раскалывается, — признался я. — Скобе всё же считает...

— Скобе из того же гнезда птица, — проговорил Нильс жестко.

На этот раз я не защищаю Арвида. У меня просто нет сил для этого.

— Из России же ясно сообщили — Аксея у них нет. Не было его в лагере, когда пришли русские. Ты не веришь? Веришь бургомистру? Слушай, Рагнар, — что случилось с Акселем, в конце концов выяснится. Человек не может пропасть, как иголка. Не от Скобе и не от Харта ты дождешься правды. Но правда выйдет наружу. Она не только тебе нужна.

Они все протянули ко мне руки, и что-то сдавило мне горло, и я сказал:

— Спасибо, мальчики. Вы настоящие земляки. Спасибо, что не забыли в тяжелую минуту.

Вместе с ними я выхожу на улицу. Рассыпалась, рассыпалась семья, — стучит в голове.

— Значит, Эрик на Торне, — сказал я. — Стало быть, один грех долой. Я так и объяснял бабушке Марте: Эрик в отъезде, на дальнем промысле.

— Никак ты отпеваешь ее? Брось, — ответил Нильс. — Поживет еще старушка. Главное — покой для нее. Помни.

Мы остановились у шоссе, и Микель прогудел, что семья у меня еще наладится, только бы не было войны. И все согласились с ним.

— Представляете, друзья, какая будет радость, когда люди избавятся от войн, — молвил Нильс. — Какая великая радость! Я думаю, в каждой стране устроят праздник мира.

И Нильс рассказал нам, как видится ему это торжество. У нас отведут для этого широкую, красивую долину, хотя бы Роммендаль, где сейчас аэродром. На поездах, на машинах приедут гости из-за границы. Сойдутся финны и немцы, поляки и французы. Приедут русские. Когда все выйдут на поле и поднимут свои знамена, поле как бы покроется цветами. Праздник начнется, может быть, без всяких речей, а так, что все сто тысяч умолкнут на несколько минут и будут стоять молча, держа свои знамена. Это минуты молчания в честь тех, которые погибли, отстаивая мир. И каждый подумает о близких, которых он потерял, о тех морях огня, которые пришлось пройти, чтобы завоевать этот праздник.

— Войны сами не исчезнут, — закончил Нильс. — Надо связать руки тем, кто их затевает.

В могучем своем кулаке он сжимал трубку, ветер выдувал из нее искры, они вылетали и

чертили тоненькие огненные ниточки в спускающихся сумерках.

Нильс умеет говорить — этого у него не отнимешь. Один Арвид Скобе найдет, что возразить Нильсу.

Что же до меня, то я еще тверже скажу себе: заботься о своей семье, Ларсен, и не ссорься с земляками. Не так уж много нас уцелело, — рыбаков из Сельдяной бухты.

К вечеру бабушке Марте стало лучше.

— Никуда я не гожусь, Рагнар, — сказала она, приоткрыв глаза.

Я пообещал ей, что она скоро поправится, но она не обратила внимания на эти слова. Она думала о чем-то своем. Я поправил ей подушку и хотел уйти, но она удержала меня.

— Рагнар, — прошептала она. — Женись на Агате.

Что? Не ослышался ли я?

— Женись на Агате, — повторила она.

По правде сказать, я очень удивился. Я почему-то не ожидал, что бабушка Марта, мать Хильды, скажет такое. И тут я даже обиделся.

— Глупости, — ответил я.

Бабушка Марта произнесла несколько слов, но очень тихо, и я наклонился к ней.

— Агата будет работать, — проговорила она. — Агата здоровая.

— Да нет, что ты, — вырвалось у меня. — Ничего подобного! Какая от нее помощь. Видела бы ты, каких она грузил мне набрала, — вдруг вспомнил я вслух. — С голову! Здоровая, а что проку. Нет, с Хильдой ей никогда не сравняться. Нет, нет.

— Как хочешь, — вздохнула бабушка Марта.

После ужина она попыталась ходить, и я уложил ее чуть не силой. Я оставил около нее Агату и вышел из дому.

17

Первым, кого я увидел в «Веселом Лососе», был мистер Сомс — Арчибалд или как его там дальше. За широкими спинами матросни, плотно сомкнувшимися вокруг него, видна была только голова мистера Сомса и тарелочка, которую он держал в руке, а на тарелочке что-то каталось и дребезжало. За прилавком стоял, облокотившись, Стиг Лаурис. Он тоже, не шевелясь, следил за предметом на тарелке.

— Каково? А? — шепнул мне Стиг. — Уже две минуты лишних. Пари было на десять минут...

Прыщеватый, совсем еще зеленый паренек сидел среди матросов, окружавших Сомса. Раскрыв рот, паренек глазел то на Сомса, то на моряков с американского парохода, занявших соседний столик. По их примеру этот сосунок расположился, вытянув ноги, на двух стульях.

— А ну-ка! — одернул я его, вынул стул из-под его ног и сел. Тут тарелка в руке Сомса дрогнула, монета съехала с ободка и упала.

Сомс повернулся в мою сторону, но не узнал меня. Янки с парохода затопали и засвистели, прыщеватый юнга тоже вложил два пальца в рот, чтобы свистнуть, но не сумел и выдавил короткий мышинный писк. Сомс потряс тарелкой и сказал:

— Теперь деньги.

Янки вынули бумажники. Собрав деньги, Сомс пересчитал их вслух. К нему уже подскокил Стиг. Сомс остановил на мне свой взгляд.

— А, шкипер, — проговорил он.

— У меня к вам дело, мистер, — начал я.

— И у меня тоже, шкипер, — ответил он. — Я хотел вас видеть. Счастливо, ребята, — обратился он к матросне, поднимаясь из-за стола. — Ко мне пришли.

Какое же у него-то ко мне дело? — думал я, следуя за ним по скрипучей деревянной лестнице во второй этаж, где Стиг устроил номера для приезжающих. Скорее всего, он просто рал отделаться от компании. Матросня, небось, рассчитывала на совместную выпивку с выигрыша.

Но он, оказывается, не пьет. Ему нельзя. Сообщив мне об этом, Сомс прибавил, что городшко у нас мерзкий, тоскливый, и виски был бы утешением.

Конечно, я сам не очень высокого мнения о нашем городе, но поддакивать мистеру Сомсу не стал. Кто его просил к нам? Сидел бы себе в Нью-Йорке или в Солт Лейк Сити.

В номере пахло кислым. На тумбочке, у кровати, зеленели пузырьки с лекарствами. Сомс поглядел на часы, накапал на ложку какого-то снадобья и проглотил.

— У меня язва желудка, шкипер, — объяснил он. — Так что я трезвенник. Сода без виски.

— Где ваш Харт? — спросил я.

— Он уехал. А что случилось, шкипер? Почему ты сегодня такой колючий?

— Я должен знать, откуда у вас сведения о моем сыне, мистер Сомс, — сказал я прямо.

Он усадил меня, поставил бутылку с содовой водой и начал уверять, что Харт не ошибся, и вообще — если мормоны возьмутся за поиски, то уж добьются. Потом Сомс вдруг помрачнел и выпалил:

— У вас полно красных, шкипер.

— Я не красный, — произнес я довольно громко. — Я не хочу, чтобы имя моего Акселя трепали зря, вот что.

— Понятно, шкипер, — согласился он. — Я считаю, мы договоримся. Самое главное, — ты не красный. Ты прав, зря болтать не следует. Я тоже так смотрю на это. Надо иметь документ.

— Верно, мистер Сомс, — сказал я. — Харт надолго уехал?

Он не ответил. Он продолжал твердить, как важно иметь документ на руках, а затем вильнул в сторону и поинтересовался, много ли я зарабатываю.

— Неважно, я слышал? С таким кораблем, как у тебя? Досадно, шкипер. Корабль замечательный.

— Так Харт...

— С Хартом я берусь всё устроить, — объявил он и понизил голос.

— Спасибо, мистер Сомс, — сказал я. — Но...

Я хотел спросить прямо, что он намерен устроить, но вот чорт! Он перебил меня и ни с того ни с сего похвалил меня за то, что я не красный.

— Ты не давайся красным, шкипер. А прижать Харта нужно. Но мы это сами сделаем.

Он достал из шкафа еще бутылку, но на этот раз не с водой. Налил мне и себе.

— Одну рюмочку можно, шкипер. Ради знакомства.

— На вашем месте я не стал бы, — сказал я. — Раз нельзя, так нельзя. Хуже будет.

— Бросим через забор, — ухмыльнулся он и выпил.

Я зажал стопку в кулаке и поднес ко рту, но оттуда так потянуло аптекой, что тотчас отставил. Не раз я пробовал виски, а тут почему-то восстала душа против этого иностранного зелья, приправленного бог знает чем. Однако я не разжал руки, и Сомс ничего не заметил. Он еще пуще принялся хвалить меня и ругать красных. По всему видать, крепко поддел их Нильс.

Арчибалд говорил всё быстрее, изо рта его стали выскакивать и английские слова вперемишку с нашими. Ему стало жарко, он отцепил воротничок и бросил его на кровать, расстегнул рубашку, обнажив тонкую шею с острым кадыком. Мистер Арчибалд Сомс обмяк с одной стопки, как бывает только с горчайшими пропойцами. Он облизал губы, тихо рассмеялся и отодвинул бутылку.

— Больше нельзя, шкипер.

— Ни в коем случае, — сказал я и унес питье на подоконник. — Мы должны говорить о деле, мистер Сомс.

Знал бы я, что его так быстро разберет! Какой теперь толк от него. Но я не спешил уходить, я вслушивался в его речь с некоторой

надеждой, — авось не совсем перестанет сообщать, вдруг удастся узнать что-нибудь.

— У Харта есть деньги, — сказал он. — Если ты будешь доказывать своим, что Харт врет, тебе от этого легче не станет. Только красным поможешь.

Я ждал, что будет дальше.

— Ты упрямый парень, капитан. Эта история с пленными из двести шестого лагеря — главный его козырь. Он не отвертится, если его как следует прижать. Будь спокоен. Повершит, конечно, но ускользнуть не удастся. Пятисот легко можно взять, а то и тысячу. Разумеется, он попросит у тебя гарантию, — ну, что ты, дескать, благодаришь преподобного Харта за трогательную проповедь о твоём сыне и проклинаешь красных. Несколько строк. Что с тобой, шкипер?

Не знаю, как я не ударил его. Не помню, как я сумел удержаться, чтобы не разбить эту подлую рожу. Я только схватил его повыше локтя и крепко сжал.

— Не смейте трогать моего Акселя, — сказал я. — Не смейте трогать! Слышите!

Жаль, что Харт уехал, — думал я, спускаясь с лестницы. — Я бы поговорил с ним. Проклятые проходимцы! И зачем власти пускают таких сюда. Я бы и на пушечный выстрел не дал подойти к нашей земле.

В зале горланили янки. Стиг стоял у их столика с полотенцем и подносом.

Я вышел на улицу, сделал несколько глотков прохладного воздуха и вдруг понял — нет у Харта никаких сведений об Акселе. Им нечем доказать, рещительно нечем — вот в чем

дело. Поэтому-то они суют мне свои деньги. И Аксель, может быть, жив. Они выдумали насчет Сибири, насчет русских, — это ведь для них козырь. Козырь для них, и больше ничего. Непременно надо рассказать Арвиду. Пусть знает, кого он принял в своем городе.

Но где же правда об Акселе? Неужели я никогда не найду ее! Ей-богу, все точно сговорились, чтобы спрятать от меня правду.

18

В сквере ветер шевелил мормонские плакаты, сыпал песок на скамейки. Я сорвал один плакат, скомкал и сунул в мусорный ящик. Я собирался проделать то же с остальными, как услышал:

— Дядя Рагнар!

— Остренькая! — вырвалось у меня. — Ты почему здесь?

Христина зябко ёжилась, на ней была легкая кофточка с рукавами до локтей.

— Там пьяные, дядя Рагнар. Я боюсь.

— Ты что? К себе в дом боишься? — удивился я. — Сама хозяйка — и боится.

— Я не буду жить там, дядя Рагнар.

— Ты с ума сошла, девочка!

Но нет, она, оказывается, решила твердо. Она больше ни за что не вернется к Стигу.

— Стиг нехороший, дядя Рагнар.

Ей трудно было говорить. Дрожа от холода, она стояла передо мной и никак не могла выговорить, что же у них там произошло. Но в конце концов я понял.

В дополнение к виски и закускам, к своему

ячменному кофе, он и ее хотел пустить в продажу. Свою троюродную сестру! Каков негодяй! Ну и дела творятся в городе! Когда буду у Арвида, обязательно скажу ему обо всем. Девчонка выбежала из «Веселого Лосося» в чем была и теперь хочет взять свои вещи. Но она боится войти, пока там галдят яшки.

— Что ж, так и будешь сидеть, девочка? — сказал я. — Замерзнешь ведь.

Не думал я, что придется еще раз навестить заведение Стига Лауриса. Но не оставлять же девочку на улице. Я ввел ее туда и прямо предложил Стигу выдать вещи.

Он заартачился, но я пригрозил полицией. Так как он и после этого еще пытался спорить, я пообещал ославить его на весь город. Тогда Стиг, ворча, пропустил ее за прилавок, она шмыгнула в свою каморку и через несколько минут вышла в тоненьком пальтишке, с чемоданом и свертком, из которого торчали щипцы для завивки.

— Это всё, что у тебя есть? — спросил я. — Плоховато. Но ты не огорчайся.

— Я в суд подам. Стиг выделит мне мою часть.

Мы стояли теперь на панели. Ветер поднимал песок, невидимый в темноте, он лез в глаза и за воротник.

Какой же негодяй этот Стиг Лаурис! Еще нос задирает перед порядочными людьми. Что выдумал! Будто он доверенное лицо у самого бургомистра, у доктора Скобе!

И я спросил Христину, правда ли, что Стиг выполняет поручения бургомистра.

Нет, этого она не знает. Стиг ездил куда-то

в моторке бургомистра, — это верно. И потом ходил очень довольный. Купил сахар у спекулянта и принимал этот товар, добытый на черном рынке, не в задней комнате, как бывало обычно прежде, а у прилавка. Христина заметила ему, что так поступать неосторожно. На это Стиг заявил: «Всё равно, в случае чего есть кому выручить».

— Ладно, — сказал я. — Рано или поздно Скобе поймет, с кем имеет дело. Ну, где же ты устроилась, девочка?

— Пока нигде.

— Вот так раз! Куда же ты пойдешь?

— У меня есть подруги, дядя Рагнар. Я сейчас к Инге Бергваль. А если у нее не найдется места, то к Эльзе... Вы не беспокойтесь, дядя Рагнар. Большое вам спасибо.

Мы прошли квартал, и у меня вдруг появилась мысль. Сперва эта мысль показалась мне очень странной, и я тотчас отбросил ее, но она вернулась. Я опять отогнал ее, но назойливая мысль снова начала донимать меня. Поэтому я прошагал с Христиной еще квартал по направлению к Инге Бергваль. И лишь у дома пастора, немного не доходя до угла, я сказал:

— Вот что, остренькая, давай-ка чемодан. Идем к нам.

Она даже перепугалась.

— Что вы, дядя Рагнар. Зачем...

Чемодан я отнял и сказал:

— Комната Эрика свободна. Нечего тебе искать пристанище, на ночь глядя.

Я всё время смотрел ей в лицо и увидел, как она густо покраснела.

— Переночуешь у нас, а там видно будет, — продолжал я. — Не спорь, девочка. Пошли.

Конечно, я выговорил не всё, о чем думал. Но зачем же выкладывать всё сразу, если есть возможность повременить и тщательно взвесить всё.

— В комнате Эрика, — сказал я, — тебе будет удобно. Правда, это скорее загородка, а не комната в полном значении, но ты спокойно выспишься. Поняла?

Красная от смущения, она шла за мной. Я привел ее в загородку Эрика, показал его койку.

— Располагайся здесь, девочка.

Я покормил ее. Потом она вымыла посуду и стала прибираться на кухне: сменила бумагу на полке и вычистила ножи, хотя никто не указывал ей, что нужно делать.

Я зашел к ней, когда она вынимала вещи из чемодана. Бывают женщины, у которых аккуратности хватает только на кухню. Нет, ты покажи мне, как ты обращаешься со своими вещами! Христина бережно расправляла каждую тряпку, и, что больше всего понравилось мне, она и второпях не забыла захватить вешалки, складные фанерные вешалки для платья. И через несколько минут загородку Эрика нельзя было узнать — там и сям голубели, розовели, синели, желтели юбочки и блузки.

— Надо, чтобы всё отвиселось, дядя Рагнар, — сказала она. — Я конечно, завтра разыщу Ингу Бергваль, а пока пусть повисит.

На это я ничего не ответил. В ее быстрых руках появилась вдруг коробочка, а из нес

брызнуло искрами — там лежало ожерелье из крупных янтарей. Какова остренькая! Сумела прихватить и это!

Тут я почувствовал досаду. В моем доме, во всяком случае, не место для добра старой Энгберг, пусть для самой малой частицы ее добра. Между тем Христина расправила ожерелье и поднесла к лампочке.

— Смотрите, дядя Рагнар, там муравей внутри. Ах, да, ведь вы видели уже... Я готова целый час рассматривать. Ведь он жил тысячи лет назад, этот муравей. Смотрите, он весь целый — и лапки, и головка.

«Ветер у тебя в голове, девочка, — подумал я. — Игрушки на уме».

Я ушел — мне не хотелось любоваться янтарем. Муравей! Подумаешь, диковинка — муравей! Чорт с ним, когда бы он ни жил. Муравей как муравей.

Наутро Христина еще раз и решительно заявила, что она отправится к Инге Бергваль, так как не хочет нас больше стеснять. Ничего не поделаешь, придется ей сказать всё. Конечно, следовало бы еще обмозговать, присмотреться к человеку, чтобы потом не каяться. Но Христина уже стояла в пыльничке, с чемоданом, и прощалась. «Нет, откладывать, пожалуйста, не стоит», — решил я.

Однако я не начал с главного.

— Постой, девочка, — сказал я. — Приедет Эрик, где он будет тебя искать?

— Эрик найдет меня, — выпалила она и смутилась. — Если меня пустит Инга, то я у Инги... Инга живет на Горной улице, за лесом.

пилкой. А если у Эльзы, тогда, значит, я возле бойни.

— Значит, Эрик везде найдет тебя?

— Мне кажется, найдет, дядя Рагнар, — сказала она, осмелев и подняв на меня глаза.

— Он может задержаться. Бибер загонит его куда-нибудь к чорту на рога, понимаешь? В общем, всяко бывает. А ты, девочка, — ты будешь его ждать?

— Я буду, дядя Рагнар, — ответила она уже без всякого смущения, а скорее с вызовом, и замолчала, ожидая, что дальше последует от дяди Рагнара, который, как ей должно быть известно, не очень-то радовался ее знакомству с Эриком.

И вот сейчас дядя Рагнар скажет ей такое, чего она никак не ожидает.

— Вот что, остренькая, — слышу я свой голос, — раз так, то нечего тебе уходить. Оставайся у нас.

Она, действительно, удивилась, — так удивилась, что даже не поняла меня.

— Оставайся у нас, — повторил я. — Невесте сам бог разрешает жить в доме жениха. Или ты не хочешь?

Она ничего не могла ответить. Вернее, она ответила, только не словами. По тому, как загорелись ее глаза, по румянцу, проступившему на щеках, по всему видно было, — она, конечно, хочет остаться. Еще бы! Но через секунду глаза ее потухли, и она проговорила:

— Вы... серьезно, дядя Рагнар?

Она еще не верит. Да мне и самому кажется необычайным, как это я сосватал Эрика... Разумеется, не так это всё делается. Спешить

не следовало бы. Но одно я знаю: теперь-то Эрик не минует отцовского дома. И, возможно, снова наладится семья. Конечно, они не сразу поженятся, молоды еще. Христине только восемнадцать. Но ведь бывает, невеста несколько лет до брака находится под одной кровлей с женихом и работает в хозяйстве, как свой человек. Теперь Эрик не променяет свой дом на походную койку у Нильса, станет заботиться о своем гнезде.

Бабушка Марта отнеслась к появлению Христины спокойно. Агата сделала вид, что это ее несколько не касается, но не выдержала и шепнула мне:

— Привели молодую хозяйку?

Да, привел. И что же, фру Агата? Вы хотите сказать — вы больше не нужны? Ошибаетесь.

— Христина поступает на работу, — сказал я, — в швейную мастерскую к Блисссу, так что без вашей помощи мы не обойдемся, фру Агата.

Что я могу вам еще сказать, фру Агата? — продолжаю я про себя. — Не надеетесь же вы закрепить за собой место в моем доме. Я вам не давал повода, фру Агата, а если и дал какой-нибудь ничтожный повод — прошу извинить. Настанет время, вероятно, когда нам не потребуется посторонний человек в доме. Что еще вам сказать? Если мне тогда случится проходить мимо вашего дома и до меня донесется ваш голос, похожий временами на голос Хильды, я постою и послушаю, фру Агата, но только так, чтобы вы меня не замесили. Вот и всё.

— Не слышно, мистера Харта еще не выгнали из нашей страны? — спросил я почтальона Пелле.

— Напротив, — сообщил он, — в газетах пишут, — он в столице выступает. Даже кто-то из министров присутствовал на проповеди. Кто его выгонит, коли он сам чувствует себя хозяином.

Пелле уже не носит очков, на переносице — след от дужки, но в облике скромного, тихого, незлобивого Пелле есть что-то новое.

— Ты уж слишком, Пелле, — остановил его я. — Какой он хозяин! Он не в Америке.

Я ожидал, что Пелле, как обычно, согласится со мной. Но он усмехнулся и спросил, знаю ли я, как вел себя Харт с Арвидом Скобе.

— Харт орал на бургомистра, словно на своего слугу-негра, — сообщил он.

— Не может быть, — сказал я. — Кто выпускает такие слухи, Пелле? Скобе не позволит с собой так обращаться.

— Не позволит? Секретарь в ратуше может подтвердить, какой шум поднял американец.

— Ты ничего не говорил тогда, Пелле, — заметил я.

И тут Пелле разошелся. Прежний тихий Пелле исчез окончательно.

— Да, не рассказывал. Вы всё думаете, я разносил по дворам все, решительно все городские новости? Как бы не так! Прежде чем пустить в ход язык, я соображал — о чем можно болтать, а что лучше оставить при себе. Я боялся потерять службу. Ну, а теперь я ее уже

потерял. Вчера директор предупредил... Последние дни таскаю сумку. Значит, бояться больше некого. Свободно могу выложить всё, что знаю.

А знает Пелле-почтальон много. Недаром он столько лет ходил по городу, стучал в каждую дверь. Да, Харт пришел к Скобе и устроил скандал. В городе слишком много красных — вот что вывело Харта из себя. Что именно американец требовал предпринять, — секретарь не расслышал, потому что Скобе закрыл плотнее дверь в кабинет, но, во всяком случае, скандалил Харт долго. И Скобе не осадил его. Ничуть. Скобе проводил его из ратуши с поклоном, как будто не он — Скобе, а мистер Харт — бургомистр в городе. Но это не всё, что может рассказать Пелле-почтальон, — хотя бы про того же Скобе. Почему Скобе утвердил Стига Лауриса в наследстве, хоть это имущество военной преступницы? Бургомистр получил пай в «Веселом Лососе» — вот в чем дело. За деньги поступился законом. А известен ли такой факт: голландец Гейнц Янзе исчез. Да, голландец — нацист, бежавший с советской территории, когда русские войска громили гитлеровцев. Предположим, шкипер уже слышал, что этого проходимца нет в городе. Но — истинная подоплека? Скобе на людях хватается за голову — проглядел, мол, нациста. Надо было, дескать, давно проверить личность подозрительного голландца. Правильно сделали рабочие, обратили внимание, — но слишком поздно, к сожалению. А ведь на самом-то деле не кто иной, как Скобе, взял Гейнца Янзе под покровительство. Да, снабдил

деньгами и отправил куда-то. Теперь Скобе может сколько угодно бить себя в грудь — проглядел, дескать, проглядел. Впрочем, Скобе спрятал голландца не только для того, чтобы вольготно было изображать из себя антифашиста. Есть и другая причина. Кто объяснил ее Пелле-почтальону? Оказывается, Нильс Эберггард...

В этом месте я прервал Пелле.

— Выходит, ты занимаешься политикой, — сказал я. — Понятия не имел.

Представьте, что ответил на это Пелле. Он сказал, что политика бывает разная, что ему по душе политика Нильса. До сих пор Пелле никому не признавался в этом и опасался подолгу задерживаться у Нильса. Почтальон со-вал письмо, газету, козырял и спешил дальше, чтобы директор почты, упаси бог, не обвинил Пелле в сочувствии к красным. Директор не терпит у себя красных.

— А теперь мне всё равно, — упрямо твердил Пелле. — Мне нет дела до директора. Вчера я зашел к Нильсу, отдал газету и спросил — зачем нашему бургомистру нужны такие, как Стиг Лаурис или гитлеровец Янзе. Нильс растолковал мне, очень ясно всё растолковал.

— Бог с ней, с политикой, — прервал я его. — Какая бы она ни была, не увлекайся ею, Пелле. Хватит нам с тобою своих дел.

Но Пелле покачал своей седой головой и продолжал, а я всё-таки слушал его:

— Кто доверяет Скобе, тот в руках у Харта, — с этим поневоле согласишься, шкипер.

— И это слова Нильса? — спросил я.

— Да.

— Повтори-ка. Что-то я не понял.

Хотя Пелле и повторил, я всё-таки не мог уразуметь, к чему Нильс так выразился. И Пелле не сумел мне объяснить. Кончилось тем, что я рассердился и сказал:

— Чушь какая, Пелле! Я в руках у Харта? Да с чего он взял — Нильс. Нет, Харт не станет трогать меня своими грязными лапами. Я кое-что расскажу бургомистру про Харта и про Сомса. Наш Арвид Скобе перестанет церемониться с ними, будь уверен. А тебе, Пелле, незачем передавать всякую глупость.

Когда он ушел, я пожалел, что так обрезал его. Пускай бы выговорился. Он потерял работу, бедняга Пелле. И когда! В тот самый момент, когда собирался пристроиться к Агате. Теперь-то, конечно, ей мало проку от него. Вот Пелле и зол на весь свет, да еще стакнулся с Нильсом, а тот рад подлить масла в огонь. Нет, Пелле сейчас в таком состоянии, что верить его новостям никак нельзя. Всё, что я услышал от него насчет Скобе, насчет Гейнца Янзе, либо преувеличение, либо выдумка. Так я убеждал себя; но всё же новости Пелле не выходили из головы, и особенно цепко держалась одна фраза: «кто доверяет Скобе, тот в руках у Харта». Глупость, явная глупость! А всё-таки интересно — что Нильс хотел этим сказать?

Пелле, между тем, двигается широким шагом по мосткам. Из-под фуражки, сдвинутой на затылок, выбиваются серебряные кустики

волос, голова Пелле покачивается, левая рука обнимает сумку, правая взлетает кверху, — видно, Пелле еще не кончил свою речь.

К Скобе я так и не собрался. По горло было работы. Раз Бибер продает остров Торн, надо хоть напоследок попользоваться тамошними угодьями. Бибер нагнал туда, считай, всех своих рыбаков, принял обратно Нильса и других, уволенных после забастовки в порту, и велел брать подряд всю рыбу — пускай самую мелкую, выскрести всё дно, не упустить ни камбалы, которая лежит там, подкарауливая добычу своими выпуклыми глазами, ни скользкого, увертливого угря. У острова Торн и для Пелле нашлась бы работа, но человек он к рыбацкому делу непривычный, да и нельзя ему оторваться от города — хлопочет о месте ночного сторожа на лесном складе.

Салака пошла густо, и мы с Агатой едва успевали поворачиваться. Эх, кабы Бибер отложил продажу хотя бы до декабря. Салаки одной сколько можно было бы взять! А там, может быть, и селедка пожалует.

Однажды я, оставив «Ориноко» у пристани, направлялся домой и на шоссе, огибавшем бухту, увидел машину. Она была большая, блестящей темносиней окраски, с громадными фарами, с толстыми, глубоко вызубренными покрышками, еще не обтершимися на наших камнях. Та самая, что купил Скобе! Только

я подумал это, как дверца открылась, и из машины вышел сам бургомистр.

На нем был желтый дорожный плащ. Скобе, должно быть, куда-то спешил, потому что не выключил мотор.

— Иди сюда, шкипер! — кричал Арвид. — Иди.

Взяв за руку, он без разговоров втащил меня в машину и усадил на пружинящие подушки.

— Какова вещица? — спросил он. — Я два года откладывал деньги, шкипер. Мудрая поговорка есть у англичан: «Я не так богат, чтобы покупать дешевые вещи».

Он тронулся с места, меня, как мяч, откинуло на задние подушки. Со всех сторон ко мне тянулись сверкающие серебром ручки, держатель спичек, радиоприемник и разные другие устройства, и я, очутившись в такой роскоши, подумал: всё-таки богат ты стал, Арвид!

— Сколько же вы дали, господин доктор? — спросил я.

— За машину? А как ты думаешь?

— Право, не знаю, почем они. Насчет цен на салаку или, например, на селедку, на камбалу, — это мы соображаем, господин доктор, — сказал я.

— Ну, прикинь, прикинь, — дразнил он меня.

— Тысяч десять, не меньше.

— Побольше, — сказал доктор Скобе и усмехнулся. — Двенадцать тысяч.

Ого, порядочный куш! Я даже тронуть боюсь своими грубыми, грязными рыбацкими руками обивку твоей машины, доктор Скобе! Как бы

не испачкать. И лучше уж не приbedняйся, не доказывай, что у тебя нехватает богатства на дешевые вещи.

— Конечно, не легко было, ты сам понимаешь, — продолжал он. — Я урезывал во всем. Я отложил ремонт дома. Все свои сбережения вбил в эту игрушку, Рагнар.

Он еще долго разглагольствовал в таком духе, — то словно оправдывался передо мной, то принимался хвалить покупку. Ему, наверное, хотелось, чтобы я похвалил ее. Изредка он поворачивался ко мне, но большей частью я видел только его спину и затылок, розовый затылок и волосы, уже отсвечивавшие сединой. Игрушки ему нужны — бургомистру Скобе! Вот мы сидим с ним в одной машине — и, странное дело, расстояние между нами как будто увеличивается. Дорогой ли автомобиль причина этому или то, что я слышал про бургомистра от Пелле-почтальона, а может быть, то и другое вместе, но я не спешу выкладывать ему свои заботы. Что если Арвиду Скобе уже не интересны они? Что если он, как и многие другие господа, сулившие нам всякие блага перед выборами, отвернулся от нас, простых людей, и якшается с жуликами вроде Стига Лауриса, Харта, Сомса?

Но нет, не должно этого быть. Надо предостеречь его. Надо открыть ему глаза.

И я начал рассказывать, как навестил Сомса в «Веселом Лососе», и почему у меня нет доверия к Харту.

— Да, Сомс нечестный субъект, — согласился Арвид, выслушав меня. — Возмутительно! Ты прав, таким у нас не место.

— Конечно, господин доктор. Разные проходимцы получают кров и пищу в нашем городе. Надо принять меры. Надо вывести их на свежую воду.

— Однако ты рассуждаешь нелогично, шкипер, — произнес он вдруг. — Допустим, у Харта нет на руках письменных доказательств. Значит ли это, что их вообще нет?

Что я мог возразить? Пожалуй, ничего. Я не ответил, а Скобе говорил:

— Эх, Рагнар, Рагнар. Я понимаю, в сознании плохо укладывается: как случилось, что русские, наши недавние союзники... Но ведь ты сам их даже не видел, не правда ли?

И опять мне нечего было спорить — действительно, в нашей стороне русских войск не было.

— Я видел, — сказал Скобе и помолчал.

— И что же, господин доктор?

— Впрочем, это не имеет значения, — произнес он глубокомысленным тоном.

Не довольно ли о политике? Но он стал меня убеждать, что наше государство не зря-де закупает снаряды в Америке. Что мы-де маленькая страна и русские-де грозят нам, а вот Америка берется нас защищать. Всё это я уже слышал.

— Насколько мне кажется, — вставил я, — янки сами непрочь повоевать.

— Ты судишь по Харту, — улыбнулся Скобе и, придерживая одной рукой руль, другой протянул мне портсигар. — Не все такие, как Харт. В правительстве Америки наши друзья, они помогают нам.

Нильс сумел бы ответить, — подумал я. —

Ну, а я не желаю знать никакой политики. Правду об Акселе — вот что я хочу знать.

Между тем Скобе не умолкал. Он обещал мне еще раз запросить об Акселе американские власти в Германии, а затем снова накинулся на русских.

— О политике я не берусь толковать с вами, господин доктор, — остановил я его. — Материя сложная и не для моей старой головы.

Но он не унимался.

— Будем надеяться, что Аксель жив, — продолжал он. — Но что может вернуть его нам, Рагнар? Пока что я не вижу... Русские добром не отдадут его, Рагнар. Да, ты прав, сложная штука политика. У нас с тобой будет разговор не о политике, Рагнар, а о практическом деле.

Что ж, посмотрим. Но Скобе не спешил объяснить мне, что у него за дело ко мне.

Мы поднялись в гору. Под нами был не только город, с его красными крышами, но и каменоломня была тоже далеко внизу, бухта стала небольшим язычком воды, и цвет ее, чем выше мы поднимались, делался светлее. Машина Арвида неслась вперед, со свистом разрезая воздух, Арвид нагнулся над рулем и то и дело давал гудки. То были особые гудки, не такие, как у других машин. Должно быть, так гудят очень дорогие машины. И Арвиду, верно, нравился звук рожка, и он нажимал его даже тогда, когда на дороге не было ни прохожего, ни коровы. Настойчиво и долго гудел Арвид на поворотах, гудел на перевалах, где дорога словно упирается в небо и ты готовишься слететь во весь опор по крутому скату в долину. Но Скобе жалеет свою машину, он спускает ее

осторожно, на тормозах, — и я упираюсь руками и коленями в переднее кресло.

Временами, где дорога полегче, он возобновлял разговор. Его интересовали мои семейные дела и успехи на промысле. Что Христина перебралась к нам, он, оказывается, уже знает. Ладит ли она с бабушкой Мартой? Помогает ли по хозяйству? Показывался ли Эрик?

— Нет, он не был, — сказал я. — Бибер, видимо, не отпускает его с лова. А там, на промысле, он мне не попадался.

Мой ответ понравился Арвиду.

— Правильно, Рагнар, — похвалился он. — Эрик сам прибежит к отцу, прощения будет просить.

— Не знаю, — сказал я.

И этот мой ответ понравился Скобе, он ободряюще улыбнулся мне.

Город уже скрылся за перевалом, а Скобе мчал меня всё дальше. Поднялся каменный хребет и волной двинулся нам навстречу. Приближаясь, он вырастал и всё яснее показывал нам свои расщелины и осыпи. Вот мы въехали в его тень. Солнце ушло за гребень хребта, и весь он был черен, только на вершинах его играло дневное сияние. Дорога вонзилась в хребет и рассекла его, а за ним открылась широкая-широкая долина. Справа ее подковой охватывали горы, а слева лежало море — очень светлое, спокойное и пустынное. Ни парохода, ни кошеля бревен, ни лодки — ничего не видно на поверхности. Точки рифов, выступающие кое-где, иной мог бы принять издали за лодки, но только не я. Я-то знаю эти камни наперечет.

Я скажу вам, что за скалами, на берегу

реки, отсюда невидимой: там звонница полуразрушенной церкви, и вон торчит острие шпиля. И темные, обгорелые квадраты фундаментов, трубы — остатки домов.

Это Сельдяная бухта. А долина называется Роммендаль. В числе тех слов, которые нельзя произнести без отвращения, — таких, как «фашист», «свастика», — есть и «Роммендаль». Немецкий аэродром Роммендаль. Конечно, до войны это название означало совсем другое. Оно вызывало часто веселую улыбку, — да, улыбку, потому что трудно было отыскать во всей провинции более красивую долину. Недаром молодежь стекалась сюда в праздничные дни — жечь костры и плясать в белые летние ночи, в теплые ночи, когда серебряное зеркальце озера Роммен до утра остается чистым, свободным от малейшего пятнышка тумана. У самого озера стояла деревня Роммен, и жители ее считались счастливыми: ведь горы поблизости невысокие, и поэтому солнце туда входило раньше, чем в другие долины, и уходило позже. Немцы снесли дома, а землю разровняли, утрамбовали для своих самолетов. Никогда я не забуду, как выли немецкие самолеты. Они разлетались каждое утро, как коршуны из гнезда, и носились над горами, высматривая партизан. Эрик, помню, допытывался у взрослых: можно ли подбить бомбардировщик из охотничьего ружья, спрятанного у нас под амбаром, и в какое место надо угодить зарядом крупной дроби. Нередко до нашей Сельдяной бухты доносился грохот фашистских бомб, рвавших в горах.

Плуг до сих пор не переворачивает землю

в Роммендале. На аэродром везут бомбы. Нет деревни Роммен, нет и нашей Сельдяной бухты. Долина мертва, безлюдна. Жизнь не вернулась сюда. Или, действительно, дело идет к новой войне?

В памяти возникла обрюзгшая физиономия мистера Харта. Мне стало не по себе. И, странное дело, — я вдруг почувствовал досаду на Арвида Скобе, припавшего к рулю. Зачем он завез меня сюда? Что ему от меня нужно?

Он повернул назад, и каменистая волна снова загородила долину.

Вблизи города он убавил скорость и сказал, что у острова Торн лов на днях прекращается, — там будет запретная зона. Я ответил, что мне это известно. Скобе пожал плечами.

— Суровая необходимость заставляет, Рагнар. Жестокая, суровая необходимость.

Я молчал. Я не знал, что он приступает к самой сути.

— Бибер намерен наладить дальние промыслы. Отказаться от Торна и не получить ничего взамен — это же катастрофа. Катастрофа для тысячи людей.

— Что верно, то верно, — отозвался я. — Я, откровенно говоря, подумывал — не связать ли мне пожитки и не поискать ли удачи в другом месте.

— Подожди. Для тебя есть одна работа.

— Серьезно, господин доктор? Кому же понадобился старик Ларсен, интересно!

Скобе повел машину еще медленнее. Значит, мы доехали до самого главного, — решил я.

— Ты ведь плавал однажды с научной экспедицией, Рагнар. В каком это было году?

— В тридцать пятом, — сказал я.

Мы избороздили тогда всё море — я, профессор Бамберг и два его помощника. Мой «Оринок» они превратили в лабораторию, заставили разной стеклянной посудой, микроскопами. Я был капитаном экспедиции и еще тралмейстером, — мы приладили небольшой трал, чтобы доставать нужные профессору образцы рыб и прочих тварей. Жаль, ему мало выдали денег на экспедицию и он не успел изучить все места нереста и нагула. Если теперь решено продолжить то, что тогда начали, — что ж, в добрый час, я готов. Наш Генри Бибер, верно, побогаче того столичного института, где служил профессор Бамберг. Захочет, так доведет экспедицию до конца.

— Бибер ассигнует крупные средства, — сказал Арвид. — Дело будет поставлено солидно. Рыбакам тесно, Рагнар, необходимы новые угодья.

Мы двигались по городской улице, прохожие останавливались, завидев машину бургомистра, и провожали ее глазами.

— Коли действовать, так сейчас же. Осень на носу, — сказал я. — Пока дни не слишком укоротились, море не очень злое, и начали бы. Какие планы у Бибера? Ему ведь не всегда можно верить, господин доктор, сколько лет он собирается поставить новые машины на своем консервном заводе.

Но Арвид заверил меня, что на этот раз Бибер не намерен бросать слова на ветер.

— Экспедиция состоится. Мы с Бибером обдумали этот вопрос и пришли к одному:

лучшего корабля, чем твой, для нее нет.
И лучшего шкипера нет.

Вот что сказал Арвид Скобе! Однако я решил еще раз прощупать почву и возразил:

— Неужели нет у Бибера моряка помоложе? Будто он без меня не обойдется!

И еще раз Арвид сказал то, что мне хотелось. Нет, Бибер рассчитывает только на меня. Кому же еще можно доверить «Ориноко»! На днях Бибер пригласит меня заключать контракт и, вероятно, познакомит с главой экспедиции. Бибер не станет откладывать.

Вот что я услышал от Арвида Скобе! Выходит, он не забыл еще своих земляков. Чего же он тянул, почему не выложил сразу, как только взял меня к себе в машину! Каково! Я раскачивался на подушках и улыбался прохожим, и день стал как будто яснее, и улицы чище, и всё в городе словно прибрали к празднику.

— Ну, спасибо вам, господин Скобе. И не только от меня, от всех рыбаков спасибо. Я догадываюсь, что это вы подали мысль Биберу, а? Сам-то он не любит расставаться с деньгами. Признайтесь! Угадал?

Скобе только опустил глаза.

— Я считал своим долгом, Рагнар...

Он довез меня до своего дома и предложил зайти выпить кофе, но я отказался. И так достаточно он потратил времени со мной. На прощанье я сказал:

— Бибера вы всё-таки поторопите, господин доктор.

Через два дня — вот как скоро — Бибер прислал за мной конторщика Борга, да, именно.

конторщика, а не какого-нибудь мальчишку-рассыльного. Принял меня Генри Бибер в той самой задней комнате, за кабинетом, где я уже был однажды, и всё произошло в точности так, как предупредил Скобе.

Бибер тут же представил меня ученому, с которым мне предстояло плавать. Звали его Карлсоном — фамилия самая обыкновенная, да и наружность в том же роде. Решительно ничего ученого не было на вид в Карлсоне. «Бьюсь об заклад, что он не профессор, а чиновом пониже», — подумал я. Возрастом не дотянул еще до профессора. Лицо моложавое, помятое, словно ученый Карлсон только что встал с постели и не умылся. Фигура крупная, но не сильная, рыхлая. Похоже, синий костюм Карлсона подбит толстым слоем ваты и скрывает куда более шуплого господина.

Говорил, главным образом, Бибер. Карлсон погрузился в глубокое кресло, вяло чистил ногти на толстых, коротких пальцах и изредка вставлял пару слов. Хотел я спросить его, жив ли профессор Бамберг, но не решился сразу: уж очень необщительным показался мне мой будущий начальник.

Бибер между тем говорил за двоих, вертясь на стуле и поскрипывая своей кожаной курточкой:

— Идея экспедиции? Она не нова, шкипер. Еще когда мы ремонтировали ваш «Ориноко», план был, в общих чертах, ясен. Из предосторожности я не изложил вам... Теперь необходимые суммы имеются, надо действовать.

«Болтун, — подумал я. — Еще станешь уверять, что это твоя собственная идея! Давай-ка

лучше, покажи, сколько тебе не жалко отпустить из того несгораемого шкафа, что стоит в углу».

Не прошло пяти минут, как выяснилось и это. Контракт составлен на год, мне Генри дает тысячу крон в месяц, в виде аванса я могу получить две тысячи, а то и три. Сегодня же, сразу! Я не верил своим ушам. Два раза я перечитал контракт, — сличал слова Бибера с тем, что написано на бумаге.

Никаких расхождений я не обнаружил. На всякий случай я заявил, что для начала хватит и двух тысяч.

— Воля ваша, шкипер. Повторяю, можете взять три. Я знаком с вами не первый год, шкипер.

Он открыл дверцу сейфа, вынул три тысячи банкнотами и выжидательно смотрел на меня.

Почему я отказался? Три, так три. Тем лучше! Но шкипер Ларсен — хозяин своему слову.

— Нет, господин Бибер, — сказал я. — Довольно двух. Одну кладите обратно.

Я отвел глаза от денег и услышал, как щелкнул замок сейфа. А через минуту я ощутил тяжесть двух плотных пачек во внутреннем кармане моего воскресного пиджака и уже не жалел, что не взял больше. Был бы больше обязан Биберу, только и всего.

Никогда, никогда у меня не было таких средств. Профессор Бамберг — тот заплатил мне всего восемьсот при окончательном расчете. На месяц приходилось триста. Нынешнее предприятие, как видно, покрепче. Деньги прибавили мне решимости, и я спросил-таки Карлсона, что ему известно про Бамберга.

— Бамберг? — переспросил он.

— Ну да, профессор Бамберг.

— Есть такой, — кивнул он. — В последние годы я потерял его из виду.

— Я полагал, вы в одном институте.

— Нет, в разных.

Ему явно не доставляло удовольствия отвечать мне. Но я не смутился, однако.

— А вы из какого, позвольте узнать?

— Из института ихтиологии, — сказал он. — У вас больше нет вопросов, шкипер?

«Эге, характер не из легких», — подумал я. Только я успел расписаться под договором, как Карлсон уже повысил тон. Но я не испугался. Ничуть!

— Имею еще несколько вопросов, — проговорил я твердо. — Задержу вас немного. Но раз вы меня наняли не в матросы, а капитанствовать...

И я стал выяснять подробности маршрута и распорядка работ на корабле; и Карлсон вынужден был на всё дать мне ответ.

Немного спустя я вышел из ворот рыбной гавани. Вот ты и дождался, шкипер Ларсен! Вот и привалила удача! Помнишь, Нильс Эберггард, помните, братья Микель и Юхан и старик Эркко, не говорил ли я вам — будет же когда-нибудь хорошо! Не может же быть всё время плохо!

21

— Входи, — сказал я, впуская Эрика. — Вспомнил, слава богу, что у тебя есть дом.

Больше я ничего не сказал ему. Я дал ему

дорогу, он прошел в комнату и увидел Христину, накрывавшую на стол.

Не знаю, как они встретились. Во всяком случае, до меня ни звука не донеслось оттуда. Там было тихо, совсем тихо, и я решил заглянуть туда, выяснить, что же такое происходит. Я приоткрыл дверь. Эрик и Христина стояли друг против друга, она держала его руку в своих руках. Я тихо прикрыл дверь и сказал себе, что всё как будто в порядке.

Затем я пошел на кухню, где хлопотали бабушка Марта и Агата, и сказал:

— Явился наш пропащий.

Через несколько минут мы все сели обедать. Эрика и Христину я поместил рядом. Оба они были розовые от смущения, в особенности Эрик. Высокий, плечистый рыбак, который только что прибыл с промысла и проговорил по-взрослому: «Здравствуй, отец», — он теперь снова стал подростком. Щеки его горят, он украдкой бросает взгляды на Христину, а на меня и вовсе не решается поднять глаза. Зато остренькая не теряется: она уже осваивается со своим положением члена семьи и, я слышу, шепчет Эрику: «Не кроши хлеб». Правильно, остренькая! Что до меня, то я держусь так, словно ничего между нами не случилось, а если и было что, то заслонилось другими событиями. И не желая замечать румянца на его лице и даже на руках, я спрашиваю Эрика:

— Ты знал, что она здесь?

Кивком я показываю на Христину. Агата улыбается и тоже смотрит на нее, а бабушка Марта — та, как мы сели, умиленно переводит взгляд с Эрика на Христину, потом опять на

Эрика. Пока он собирался ответить, остренькая подала голос:

— Знал. Передал кто-то.

Еще бы. Обежав город, слух прыгнул в какую-нибудь посудину, отправляющуюся на промысел, и живо отыскал Эрика. Что ж, только дурной человек откажется сообщить добрую весть. И вот ты опять дома, Эрик. И вряд ли ты теперь захочешь поменять свой дом на кухню Нильса. Нет, этого не будет. Я уверен, что этого не будет, и потому, как ты, верно, догадался, готов простить тебе всё прежнее. Теперь-то я, кажется, могу быть спокоен за семью. Остренькая сумеет удержать жениха, а кроме того, есть новости, которые еще не дошли до тебя. Но я поберегу их, послушаю сперва тебя.

— Похвастайся заработком, — предлагаю я Эрику.

И тут он впервые вскинул на меня глаза. Лицо его вдруг помрачнело.

— Выдали последнюю получку, — промолвил он зло, и Эрик-подросток снова исчез.

— Вот как, — отозвался я. — По-моему, ты ошибаешься, это не последняя твоя получка у Бибера.

Я и сам когда-то считал — туго будет нам, если Бибер продаст остров Торн. Конечно, Эрику и всем другим невесело было поворачивать домой в самый разгар лова. А ведь на самом деле Бибер вовсе не собирается сокращать производство. Наступит временная заминка, а потом отыщутся новые уголья, ближние и дальние. Но всё это я скажу потом. Интересно, что еще привез Эрик.

— Конторщик Борг, который выдавал нам деньги, сказал, что я больше не потребуюсь.

— Мало ли что говорит Борг.

— И то милость,—хмуро усмехнулся Эрик.— Со мной могли поступить, как с Нильсом, как с Микелем и Юханом.

— Как же поступили с ними?

Теперь Эрик глядел на меня в упор, и его лицо выражало удивление.

— Я думал, тебе известно. Их арестовали.

— Что? — крикнул я и со стуком положил ложку. — Что вы там наделали? А?

Оказывается, когда прибыли военные и объявили, что район отныне запретный, Нильс и его друзья стали протестовать. Они вывесили красные флаги на мачтах, и то же самое сделали рыбаки на многих других ботах. На острове Ялмарен, у маяка, устроили митинг. С флагами пошли в гавань Бибера и хотели маршировать в город, но вмешалась полиция.

И Эрик участвовал в этом деле, оказывается. Пожалели юнца, а то бы и он сидел в тюрьме.

— Чего вы надеялись добиться? — спросил я. — Головы у вас есть? Соображаете вы или нет?

С каждым вопросом я повышал голос. Еще немного, и я, может быть, разрушил бы то, что строил. Хорошо, что я всё время не выпускал из виду Эрика. Лицо его словно твердело. И когда я остановился, чтобы перевести дыхание, мне вдруг показалось: Аксель сидит передо мной, Аксель!

Не знаю, как это случилось. Никогда у Эрика не было большого сходства со стар-

шим братом. Лишь иногда появлялось что-то, напоминавшее Акселя. И вот сейчас...

Это помогло мне прийти в себя. Зачем кричать? Ничего, кроме плохого, это не даст. Не для того мы встретились, чтобы поссориться еще раз. Без крика, спокойно я докажу ему, кто из нас прав.

— Чего достиг твой Нильс со своей пропагандой? — спросил я гораздо тише. — Пока вы устраивали демонстрации, твой отец добывал удачу и для семьи, и для всех рыбаков.

Словом, то, что я откладывал до послеобеденного кофе, пришлось выложить немедленно. И тут я почувствовал себя еще увереннее.

— В сущности, Нильс такой же мальчишка, как ты, — сказал я. — Вы ломитесь в открытые ворота. Вчера я подписал контракт у Бибера.

Я хотел сперва рассказать об экспедиции, о пользе, которую она принесет, а потом, в подтверждение, упомянуть и об авансе. Но иначе рассудила бабушка Марта.

— У Рагнара две тысячи, — выпалила она. — Рагнар, кто тебе дал столько денег?

Из всего, о чем я говорил, она уразумела, должно быть, только «контракт» и вспомнила две тысячи. Еще вчера вечером я пересчитывал при ней бумажки и напугал ее до полусмерти. «Рагнар, — спросила она, — что ты сделал, откуда у тебя такие деньги?» Я пытался растолковать ей, но толстая, невиданная пачка кредиток потрясла бабушку Марту, — она не могла успокоиться. И то правда, легко ли поверить, что две тысячи достались честно! Не следовало показывать ей. И сейчас она перебила меня совсем некстати. В голосе ее звучал

тот же испуг, и Эрик, Христина, Агата — все встревожились и воззрились на меня. На них эти две тысячи упали неожиданно. Они и не подозревали до сих пор, что у меня есть солидная сумма денег. Я ведь почти ничего не потратил из них. На столе у нас та же салака с картошкой, потому что не в моих правилах разбазаривать задаток, не принявшись за работу.

— Больно щедрый Бибер, — сказала Агата.

Я хотел было намекнуть Агате, что ей следовало бы выслушать всё до конца, а потом уже выражать свое мнение, да и то в последнюю очередь, но в это время Эрик протянул:

— Да-а, странно.

— Ничуть не странно, — отрезал я. — Известно, что у Бибера каждый медяк гвоздем прибит. Так уж если он так раскошелился на экспедицию, стало быть, нацелился на большие барыши.

Но хотя я постарался растолковать им так, чтобы всё, решительно всё, стало ясно, Эрик сидел, попрежнему уставившись в тарелку, и брови его были сдвинуты. Когда я кончил, он проговорил:

— Обещать они мастера.

Христина подалась к Эрику, погладила его руку, лежащую на скатерти.

— Помолчи, — шепнула она.

Но рука Эрика упрямо сжалась в кулак.

— Смотри, чтобы не обманули тебя, отец.

Несколько мгновений я заставлял себя молчать, чтобы избежать скандала.

— Повторяешь вслед за Нильсом, — сказал я, наконец, отодвинул ложку, и она со звоном

ударилась о солонку. — Хватит! Довольно политики вашей. Никакой политики, чья бы она ни была — Нильса, или Скобе, или Бибера. Один чорт! Тут не политика, а выгодное дело — выгодное дело и для Бибера, и для всего города. А что отец выкупит бот в собственность, что своя снасть у нас будет, — тебе наплевать!?

— Ты не в курсе, отец, — сказал Эрик. — Предприятие Бибера на три четверти американское. Он, по сути, приказчик у янки. А им не рыба нужна здесь.

Нет, не так прошел обед, как я рисовал себе. Настроение у всех упало, как ни старались Христина и Агата поднять его своей болтовней. Христина, — та принялась рассказывать про своего хозяина, толстяка Блисса, владельца швейной мастерской. Когда поднимаешься к нему на второй этаж, то прежде всего попадаешь в переднюю. Из нее ведут две двери — одна в кабинет самого Блисса, где он принимает заказчиков, другая в помещение, где работают девушки. Эта дверь отчаянно скрипит. Христина взяла да и смазала ее машинным маслом. Входит Блисс к мастерицам и спрашивает — кто это сделал? Христина ему откровенно, не чуя беды, — я! Толстяк чуть не уволил ее. Дверь-то у него скрипит со дня основания предприятия. Она всем режет слух, и даже некоторые клиенты жаловались; Блисс ни за что не позволяет смазывать. Скрипит, — зато ни одна работница не выйдет из мастерской неслышно, не прогуляет, не обманет хозяина. Толстый, красноносый Блисс, с очками,

сдвинутыми на мягкий, постоянно потный лоб, следит неотступно.

Мы посмеялись над хитростью Бласса и опять умолкли. И стали с нетерпением поглядывать на бабушку Марту.

Бабушка Марта пила кофе. Все уже кончили и перевернули чашки, а бабушка Марта всё еще пила. Она делала это так же истово, как молилась. Вот она положила в рот маленький кусочек сахара и степенно поднесла к губам свою чашку из толстого фаянса, расписанную синими цветами. Чуть приоткрыв губы, бабушка Марта отпивает кофе редкими глотками. Сахар она удерживает при этом кончиком языка, кофе проходит через сахар и становится сладким. Эта манера пить кофе давно вышла из моды и многим кажется смешной — во всяком случае, в городе. В городе у человека никогда не бывает времени, чтобы посидеть за столом лишних пять или десять минут. Однако из уважения к бабушке Марте никто не встает с места.

«Вечером мы все соберемся к ужину, и тогда авось будет повеселее, — подумал я. — Спорить с Эриком я больше не буду — он убедится и сам. И вообще ни звука о политике! Теперь вся семья собралась под одной крышей, — сказал я себе, — надо ее беречь. Это самое главное».

Но не так-то легко отделаться от политики. Вот уже, кажется, выбросил ее из головы, — она снова тут как тут. Как только бабушка Марта перевернула чашку и мы поднялись, я прошел за перегородку к Эрику и спросил:

— Вы соображали или нет, прежде чем

лезть на рожон? Чего вы хотели добиться? Нильс сидит, Аста одна с ребенком. Достукались!

— Не все еще с нами, отец, — ответил Эрик. — Некоторые еще верят Скобе. Нильс пошел за нас в тюрьму, а Скобе раскатывает на машине да стрижет купоны со своих акций.

Мальчишка целит в меня. Острый у него язычок! Мне представилась редкостная машина Скобе, за которую он заплатил двенадцать тысяч. Первый раз в жизни я не нашелся, что возразить Эрику.

— Много ты понимаешь! — сказал я. — Вот что, пользы мало чесать языком, для тебя есть работа.

И я сказал, что надо поставить трал на «Ориноко». И это еще не всё. Надо вытащить из сарайчика нашу старую ручную лебедку. Конечно, она пришла в ветхость. Попробуй, запусти ее, — она заскрипит, как дверь у толстяка Блисса, а затем развалится к чорту. Надо починить. И начать надо не мешкая, — каждую минуту можно ждать сигнала от Карлсона.

— Папа, ты не знаешь!..

— Ну, что?

— Я не хотел сразу!.. Мне утром надо было быть на сборном пункте. Начинаются маневры и, видишь ли, допризывников тоже под ружье на это время.

Как громом, ошеломила меня эта новость. Мальчишку под ружье! Наденут военную форму! Господи, вот еще беда! Наш Эрик — в казарме. Никогда не было в нашей семье военных. Избавил бог от военной службы и отца, и деда.

Первые минуты я ничего не мог выговорить. Сумерки, клубившиеся в комнате, словно стали сразу гуще. В них маячил Эрик, — высокий, взрослый парень, похожий на Акселя.

— Утром? — сказал я, наконец. — Господи, не обойдутся без тебя! Не говори бабушке Марте — она умрет, если узнает.

22

Вот и попробуй удержать семью под одной крышей. Нет, никак не выходит. Теперь вмешались маневры. До сих пор в нашей местности никто и понятия не имел о них. Если их где-нибудь и устраивали, то сгоняли одних солдат. А теперь, видите ли, мало оказалось солдат, вызвали и зеленых юнцов вроде Эрика и, можете представить, даже девчонок. Да, я собственными глазами видел их: в юбках защитного цвета и в шапочках пирожком.

Говорят, к маневрам войск решили приурочить сборы допризывников и женских команд, чтобы получше их обучить. Маневры, говорят, будут похожи на настоящее сражение.

Кое-кому это нравится. Сын адвоката, сын владельца бойни Сандеберга и еще несколько лоботрясов промаршировали на сборный пункт по улице Лютера и горланили фашистскую песню. Полицейский не утихомирил их. Молодчики безобразничают уже не первый раз; еще в то воскресенье, когда Харт мучил горожанам головы в сквере, молодой Улоф Сандеберг швырнул камень в окно Нильса.

Вот что делается у нас в городе! Неужели и в других местах то же самое? Если так, то, значит, нигде нет спокойной жизни.

Так размышлял я, орудуя молотком и клещами во дворе. Я приводил в порядок лебедку трала. Иногда над головой с гулом проносились самолеты.

С тех пор как опять начал действовать аэродром Роммендаль, их шум нередко слышится в небе, а в дни маневров они стали летать еще назойливей.

Однажды ночью я проснулся от ужасающего грохота. За окном полыхало зарево, где-то рвались бомбы. Первая мысль, вошедшая в мозг, была: война! Сон слетел мгновенно, я подбежал к окну. Пристань, вода залива, темные горы, всё — то возникало, облитое кроваво-красным светом, то проглатывалось темнотой. Грохот шел со стороны острова Торн, шел медленно, далеко отставая от вспышек огня, и, проложив себе путь под морским дном, с силой ударял в берег, отчего наш дом вздрагивал.

Я погнался спать Христину и бабушку Марту, которая уже связала в узелок вещи и собиралась бежать в укрытие, но сам долго стоял у окна.

Давно уже ходили слухи, что остров Торн превратят в площадку для бомбежек. Летчики будут тренироваться, сбрасывая бомбы на остров Торн, кормивший сотни рыбаков. Но кто мог предположить, что начнут именно ночью. Кому пришло в голову будоражить народ! Почему непременно ночью?

Когда же они угомонятся? Но вспышки над Торном следовали одна за другой с неутраченной яростью, американские бомбы терзали и терзали нашу землю. Те самые бомбы

которые доставили к нам в начале лета, бомбы, которые у нас не хотели выгружать.

Проклятые бомбы! Они еще лежали в трюме парохода, бросившего якорь в порту, — и уже поссорили меня с Нильсом, разлучили с Эриком. Теперь эти бомбы рвутся на острове Торн.

Они падают далеко от меня, на пустую землю, и это не война, а только маневры — пусть так. Всё равно каждый удар болью отдается в сердце. Я вижу Акселя, Хильду, вижу гибель Сельдяной бухты, вижу с небывалой отчетливостью, — их словно освещают сполохи огня, бушующего на острове Торн. Неужели после всего, что вытерпели люди, после такой крови, таких мучений, — снова война? А ведь мы уже поверили в то, что тишина будет долгой. Проклятые бомбы! Они бьют и бьют по острову, и всё, что занимало меня в последние дни — контракт с Бибером, деньги, — вдруг показалось мне неверным и хрупким. В одну ночь всё это может быть сметено. Все наши заботы и мы сами, весь наш городишко.

Кому же это нужно, боже мой! Скобе говорит — виноваты русские; Нильс — что затевают войну американцы. В самом деле, у американцев, видно, немало охотников воевать. Но как разобраться в этом до конца? Как и прежде, я твержу себе: не ломай голову, Рагнар Ларсен, политика — не твоего ума дело, представь ее другим. Но это не приносит мне спокойствия сейчас, когда языки огня с острова Торн, кажется, охватывают дом, в котором я живу.

Не раз мои мысли обращались к Эрику. Где-то он теперь? Тоже, верно, не спит. Гово-

рят, они должны устроить высадку десанта на остров.

Это еще всего-навсего игра, но и то страшно за Эрика. Не перестреляли бы мальчишки друг друга в темноте. Господи, неужели мне придется провожать его на войну! Прошлая война отняла жену и старшего сына, а теперь хотят забрать у меня младшего.

Чем больше думал я об этом, тем страшнее становилось. Мысли начали путаться, и я словно попал в водоворот. Человек выбивается из сил, разгребает воду, старается выплыть, а в воде будто сотни невидимых рук хватают его и тянут, тянут в пучину. Беспомощно барахтается человек, ищет опоры. Скверное положение! Вот и мне теперь нужна опора. Еще недавно я бы, пожалуй, пошел к Скобе и спросил его: что же это делается на свете, будет ли у нас спокойная жизнь? Но нет, послушаешь Арвида Скобе и станет еще тревожнее на душе. Опять примется бранить русских. К кому же тогда? К Нильсу? Нильс воображает, что можно что-то сделать. Но что? Он пробовал, — чего достиг? Сидит в тюрьме.

Словом, я так много думал в ту ночь, что голова у меня разболелась и я почти не спал. Голова раскалывалась, как после попойки, когда утром я принялся за работу.

А как назло, дела еще было немало. Карлсон прислал распоряжение с посыльным: подать бот под погрузку к старой лесопилке, километров за двенадцать от города; срок — послезавтра.

Трал и лебедка почти готовы. Я установил их до обеда, а затем стал прибирать судно.

Когда я спустился в кубрик, то мне подумалось, что на стенке, над койкой Эрика, чего-то нехватает. Одно время здесь висели открытки Эрика. Он снял их перед тем как бот отошел к Биберу, и теперь стенка над койкой голая. Правда, чем меньше на судне лишних предметов, тем лучше, но теперь я почему-то не мог отделаться от ощущения пустоты в кубрике.

Если бы Эрик был со мной, он отыскал бы свои открытки и прикрепил бы их на прежнее место. Непременно!

На открытках, на фотографиях, вырезанных из журналов и наклеенных на картон, изображены страны, в которых Эрик мечтал побывать, когда станет взрослым моряком. Есть тут и тропические пальмы, и египетские пирамиды. Но главное место в уголке Эрика было отведено Советскому Союзу. Юсси Коринк, знакомый матрос с торгового парохода, ходивший в позапрошлом году в Ленинград, привез Эрику пять русских открыток.

«Почему бы не восстановить уголок Эрика», — подумал я. Только вот вопрос — куда засунул Эрик свои сокровища? Скорее всего, в тумбочку. Если там нет, значит, в отведенном ему ящике комода.

Искать пришлось недолго. Хуже обстояло дело с кнопками — их я должен был пойти купить в лавочку в четырех кварталах от нас. Но надо же привести кубрик в божеский вид. Сперва я поместил было в центре египетские пирамиды, но они оказались явно не к месту. Нет уж, чем мудрить, лучше сделать так, как было у Эрика. А как было — я помню прекрасно. В центре — Москва. Чем плох этот

вид на Кремль, снятый с большой высоты, должно быть, с воздуха. Справа от Кремля я приколот вид московской площади с Мавзолеем Ленина, слева — улицу Ленинграда. Внизу поместил еще две русские открытки: на одной — собор в Ленинграде, а на другой — цветы. Да, обыкновенные полевые цветы. Не знаю, чем привлекла Юсси эта открытка. Должно быть, его поразило, что в России те же самые цветы, что у нас, есть даже иван-дамарья, который, говорят, бережет от дурного глаза. По бокам я прикрепил остальное: пирамиды, рощу финиковых пальм, набережную в Шанхае.

Я вдавливал кнопки, выравнивал открытки, и всё время у меня было такое чувство, словно Эрик стоит рядом и помогает мне.

23

В дни маневров что-тостряслось с диким Петером — смотрителем маяка Ялмарен.

Правда, люди и раньше стали замечать за ним некоторые странности. Когда на остров Торн и прилегающие к нему угодья явилась военная охрана и многие рыбаки, вытесненные оттуда, сделали остановку у маяка, дикий Петер обнаружил необычный интерес к ним. Говорят, он ходил от одной группы моряков к другой и слушал. Давно он не видел на своем острове такой массы народа, и ему, верно, хотелось выяснить, — что же привело их и почему они все так взбудоражены. Вот дикий Петер и вышагивал неторопливо по берегу, где разом заполнились все хижины и

заполыхали костры, не здороваясь, задерживал свой взгляд на рыбаке, который разговаривал громче других. Внимание дикого Петера было мало кому приятно, нередко рыбаки умолкали при нем и к тому же иной раз грубовато спрашивали, что ему нужно. Всё это Петер, однако, сносил терпеливо. Передают, что под конец кто-то сжалился над ним, пригласил в хижину и даже попотчевал ухой.

Так или иначе, дикого Петера ввели в курс событий. А катерá с солдатами, шнырявшие мимо маяка, полеты разведчиков и, наконец, ночное нападение бомбардировщиков на остров Торн дополнили рассказы рыбаков.

Если оно в городе всех всполошило, то легко представить, что почувствовал дикий Петер в своей башне. Ведь он-то находился почти у самой мишени! Маяк, верно, покачивало, как дерево от порывов ветра, осыпалась штукатурка со старых, прокоптевших сводов. Если бы дикий Петер не был уже в какой-то мере подготовлен к происходящему, он, наверно, умер бы от страха.

Однако дикий Петер не умер, а, напротив, двигался в тот день с небывалой живостью. Чуть ли не у каждого рыбака, причалившего к маяку, Петер спрашивал: где шкипер Рагнар Ларсен, когда можно ждать его на Ялмарене.

Одним из этих рыбаков был старый Эркко. Только я улегся в постель, как он предстал передо мною, словно привидение, — скрюченный, в сером плаще с очень короткими рукавами, из которых вылезали худые, костлявые руки.

— Непременно побывай у дикого Петера, —

сказал он. — Он очень хочет с тобой встретиться.

— Дикий Петер? — удивился я. — Никогда у меня с ним не было дел.

— Это ничего не значит, Рагнар, — умоляюще проговорил Эркко и оперся о спинку кровати.

Он тяжело дышал. «Должно быть, он спешил», — подумал я. И тут я понял, почему он спешил ко мне.

— Неужели насчет Аксея? — спросил я и спустил ноги с кровати.

— Кто его ведает. Мне сдается вот что: совесть у него пробудилась. Мы это заметили еще знаешь когда? У нас митинг был на Ялмаре...

— Слыхал, — вставил я. — Подвели Нильса под арест, вместо того, чтобы поспокойнее...

— Ты бы слышал, как Нильс говорил там, — продолжал Эркко, не обращая внимания на мои слова. — Эх, как он замечательно говорил! Как Скобе, заодно с американцами, обманывает народ, как настраивает против русских, в войну тянет нас. И смотрим — Петер стоит поодаль, глядит в сторону, как будто ему безразлично, но уши наострил всё же. Стоял до самого конца, пока все не разошлись.

— Ну и что с этого? — спросил я.

— Он очень встревожился тогда, как узнал, что опять пахнет войной. А тут еще бомбы! Я так понимаю — заговорила совесть, решил человек облегчить ее, хочет открыться тебе в чем-то. Он ведь при немцах еще служил на маяке. Рыбаки сразу так и решили: верно,

знает что-нибудь про Акселя. Воля твоя, Рагнар, а я бы съездил к Петеру.

— Поеду, не уговаривай, — согласился я. — Слушай, Нильса навещать можно?

— Нет, пока не разрешают.

— Когда увидишь его, передай привет от меня. И скажи, нечего было шуметь, народ без работы не останется. Скажи, Ларсен уехал в экспедицию, добывать новые места для промыслов.

Я решил заехать на Ялмарен по дороге к старой лесопилке, и потому вышел в путь пораньше.

Дикий Петер ждал меня на берегу. Очевидно, он заметил «Ориноко» издали и вышел встречать. Высокая фигура дикого Петера неподвижно торчала среди зеленых, окутанных водорослями валунов. Рыжая куртка дикого Петера была на этот раз застегнута на все пуговицы и туго перетянута пояском. Сигаретка, зажатая в зубах, не дымилась. Он вынул ее изо рта и, против обыкновения, первый поздоровался со мной.

Потом он сунул сигаретку обратно в рот и с вызовом посмотрел на меня.

— Здравствуйте, господин смотритель, — ответил я.

Молча он повернул ко мне свою, широкую спину и начал подниматься по откосу, усыпанному валунами. Я шел за ним и ждал, что он скажет. Но я слышал только хруст ракушек под нашими подошвами да шорох задетого сапогом можжевелевого куста.

— Господин шкипер, — сказал он, наконец. — У вас был сын по имени Аксель?

Ему что-то известно про Акселя! Да, это ясно. Я подумал, что в свое время дикий Петер услужил немцам тем, что отказался помочь нашим партизанам. Не от немцев ли дошло что-нибудь до Петера? Что могли гитлеровцы, контролировавшие маяк, рассказать Петеру, кроме того, что Аксель арестован и отправлен в концлагерь? Все эти мысли в один миг пронеслись в мозгу и, конечно, не породили доверия к дикому Петеру. Я ответил сухо и коротко:

— Совершенно верно.

— Я не из простого любопытства, господин шкипер, — сказал он.

— Хорошо. Что же вы хотите?

— Вашего сына держали в Штеттине? — спросил он. — Это верно, господин шкипер?

«А ты что делал в это время? — подумал я. — Подмигивал немцам своим фонарем?»

— В Штеттине, — кивнул я. — Но пока я, признаться, не понимаю, смотритель, почему вас это интересует?..

— А бежал он из Киля, — произнес дикий Петер тихо, как бы про себя.

— Что? Не понимаю. Как — бежал? Куда? Аксель бежал из лагеря? Понятия не имею. Стойте, объясните мне, что всё это значит, — сказал я и вытянул руку так, что он натолкнулся на нее, как на шлагбаум. — Когда Аксель бежал? Вы это всё — серьезно? Какого же чорта вы молчали!

И тут я допустил неосторожность. Я забылся и вслух назвал его диким Петером.

Он отступил от меня на шаг и не сказал ни слова. Но в его глазах, красных от бессонницы,

не было злости. Я не прочел в них решительно ничего. Он как будто весь ушел в себя, и я испугался: как теперь заставить его говорить?

— Я и теперь мог бы молчать, — проговорил он. — Бургомистр велел мне молчать.

Его лицо вдруг искривилось, и он выругался. Меня или бургомистра бранил дикий Петер — было неясно.

— Молчать о чем?

— Бургомистр прислал ко мне боцмана Лауриса, — сказал Петер, не обратив внимания на мой вопрос. — Бургомистр требует, чтобы я молчал.

Я вспомнил странную поездку Стига на маяк. Еще секунду назад мне казалось, что дикий Петер, может быть, просто-напросто не в своем уме и плетет что попало. Но Лаурис в самом деле хвастался какими-то поручениями доктора Скобе. При чем же тут Аксель? Ну, ладно, держись теперь, Петер. От меня не отделаешься. Я всё из тебя выжму, — решил я. Если уж начал, — договаривай, дикий Петер.

Я еще не домыслил до конца, каким способом буду выжимать правду из Петера, как услышал:

— Всё равно меня здесь не будет. Пусть другие хоронят утопленников. С меня хватит.

Дикий Петер смотрел куда-то мимо меня. Он разговаривал теперь сам с собой, по привычке, укоренившейся за долгие годы одинокой жизни на маяке. Затем он двинулся дальше, и я последовал за ним, пытаюсь уловить смысл отрывочных фраз, которые он бросал.

Перевалив через пригорок с чахлыми кустиками, прибитыми ветром к земле, мы спусти-

лись к берегу и шли по песчаной полосе, размытой приливами. Остров заканчивался здесь длинной косой, уходившей в открытое море. На ней лежали, распластав свои лапы, водоросли, принесенные волной, одни еще свежие, темно-зеленые, издававшие сырой сладковатый запах, другие пожелтевшие, обсохшие на солнце, рассыпавшиеся в труху. Но не только морская зелень скапливалась на косе — сюда устремлялись сильные течения из водных пространств, и поэтому нет на острове лучшего места для сбора плавника. Остатки разбитых штормом кошелей леса, бочонок, скатившийся с палубы, поплавков от сети — всё это собиралось здесь, годное либо для костра, либо для постройки хижины. Иногда сюда заносило и утопленников, и Петеру приходилось рыть для них могилы. Коса постепенно погружалась в море, и острее ее указывало на остров Торн, видневшийся на горизонте.

Дикий Петер подвел меня к камню, лежавшему шагах в десяти от границы прилива, на возвышенности. Я думал, что Петер собирается сесть на эту глыбу синеватого гранита, усадить меня и выговориться. Но он остановился и сказал:

— Я должен был давно дать вам знать, шкипер. Я виноват перед вами.

В тоне дикого Петера было что-то совсем необычное, и я насторожился.

— Он здесь, — сказал Петер.

— Кто?

— Аксель Ларсен, — промолвил он.

Не помню, что я ответил. Кажется, я крикнул ему, что он лжет. Ноги мои вдруг

ослабели, я, шатаясь, подступил к нему, схватил его за плечи, а он сжал мои руки. Он сжимал их всё сильнее и сильнее — хватка у дикого Петера медвежья. Но я не выпускал его.

Если бы я мог привести в порядок то, что мелькало у меня в сознании в эти минуты, получилось бы вот что: Аксель, быть может, в самом деле бежал из лагеря, немцы его поймали на пути и убили тут, на острове. И дикий Петер был здесь в то время. И, возможно, не без участия дикого Петера гитлеровцы расправились с Акселем.

Физиономия Петера с глубоко запавшими, красными глазами стала мне ненавистной, и это чувство росло по мере того как пальцы его впивались в кисти моих рук. Потом мы оба оттолкнулись друг от друга.

Холодный ветер обдавал меня, но дышать было нечем, совершенно нечем.

— Вы спятили, чорт вас возьми, — проворчал он, и я понял, что мысли свои я в волнении произносил вслух. — Это было после оккупации.

Не сразу пришел я в себя. Не сразу вернулась ко мне способность трезво, хладнокровно воспринимать человеческую речь. Мы долго стояли у камня, мы долго шагали по песку, по звенящей гальке, по скрипучей жесткой траве, долго сидели на ржавом якоре, вросшем в берег, потом на груде плавника, — ибо невозможно было покорно и скоро взять на веру то, что говорил дикий Петер.

Если верить дикому Петеру, в самом конце войны, в апреле, к острову Ялмарен принесло изуродованную ладью и полумертвого чело-

века, цеплявшегося за нее. Он назвал себя Акселем Ларсеном, сыном шкипера Рагнара из Сельдяной бухты. Несколько часов спустя Аксель умер. Петеру он успел сказать всего несколько слов. Из них можно было понять, что когда русские подошли к Штеттину, гитлеровцы перегнали заключенных на запад, и они попали к американцам. Вместо того чтобы отпустить Акселя сейчас же на родину, они заперли его в свой лагерь для перемещенных. Оттуда Аксель бежал, в него стреляли... Больше ничего он не смог сказать. У него было заражение крови от раны, и спасти его не было никакой возможности, — по крайней мере, так уверяет Петер.

Петер похоронил его, положил на том месте камень и никому ничего не сказал. Гитлеровцев на острове уже не было, они удрали с нашей земли, и не они помешали Петеру подать мне весть.

Однако он боялся. Не так-то легко взрослому мужчине сознаться в своей трусости, но он сознался, и от этого я почувствовал доверие к нему.

Он жил под проклятием страха. Он трепетал перед немцами — и оттого не решился выполнить задание партизан. Обманув их, он стал бояться не только оккупантов, но и своих соотечественников. Его презирали, — он забился в свою нору, озлобился.

Пока Аксель еще дышал, Петер не мог его оставить. А потом он побоялся сказать. Он решил, что ему могут не поверить и, мало того, заподозрят дурное.

Недавно ему еще прибавили страха. Прибыл

Стиг Лаурис — посланец бургомистра, велел ни в коем случае не разглашать, как погиб Аксель, и ссылался на государственные соображения. Дескать, случай этот — если он получит широкую огласку — подорвет симпатии к союзникам. Как дознался бургомистр, — дикий Петер может только догадываться. Не иначе, через пастора Визелиуса, которому Петер открылся на исповеди.

— Хотят воевать с русскими, — сказал Петер. — Вот к чему всё идет. Как разделали остров Торн! Я думал, наш Ялмарен расколется и пойдет ко дну. Опять будут утопленники, — он дернулся и с ужасом посмотрел на меня. — Их негде больше закапывать, шкипер! И так везде... Под каждым камнем. Тут кладбище, — он стукнул каблуком в сухую землю. — Крестов нет только. На камнях ничего не написано. Лежат так. Я уйду отсюда, шкипер. Я сказал вам всё...

“ С усилием произнося слова, дикий Петер шевелил пальцами, точно развязывал невидимые узлы — тугие, намокшие узлы — жилистыми, заскоружеными пальцами.

— Я сказал вам всё, — повторил он, — чтобы не считали меня... — он запнулся, с напряжением развязывая новый узел, самый непослушный. — У Петера есть еще совесть. Пусть от вас это пойдет дальше, пусть выгонят меня отсюда... Что еще сделает со мной бургомистр? — выкрикнул он и рванул ворот рубашки. — Что?

— Не беспокойся, — сказал я, не чувствуя к дикому Петеру ни ненависти, ни недоверия. — Больше ничего не сделает.

Так вот она — правда об Акселе. Она должна была выйти наружу, и я знал, что она будет суровой: к тому, что его нет в живых, я приготовился давно. Но как неожиданно она открылась — правда об Акселе! И как страшна она, как грозна для тех, кому я еще недавно верил!

Как в тумане, двигались передо мной люди с ящиками и тюками, складывали их на палубе, распаковывали, раскуривали потухавшие на ветру сигареты. Меня то и дело звали в кубрик, на мостик или на пристань, я что-то объяснял им, показывал. Размахивая руками, носился Карлсон и покрикивал на рабочих. Он был чем-то очень обеспокоен, и до меня не сразу дошло, что в багаже есть стеклянная посуда и Карлсон боится, как бы ее не переколотили.

Всё, всё было словно в тумане.

Не могу сказать, как долго шла погрузка. Час, а может быть два, три. Иногда мне казалось, что я всё еще иду вслед за диким Петером по песчаной косе острова Ялмарен или сижу у могилы Аксея.

Вдруг наступила тишина. Прекратился грохот ящиков, стук каблуков. Рабочие схлынули куда-то. Карлсон жал мою руку своей мягкой, потной рукой и говорил:

— Отлично, шкипер! Как вы догадались? Отлично! На исследовательском судне должен быть трал. Я позабыл вас предупредить, а вы сами... Всё в порядке, шкипер. А выставка внизу, очевидно, забава вашего мальчика?

— Так точно, господин Карлсон, — ответил я.

— Вообще, на таком судне не должно быть ничего лишнего, шкипер.

В другой раз я, может быть, спросил бы Карлсона, откуда ему известно про Эрика. Но я ничего не сказал и не удивился.

Карлсон заявил, что он отлучится часа на два по делам, и повернулся, чтобы уйти. Я удержал его, мне нужно было знать, когда мы выходим и куда. Однако он торопился и ничего не объяснил мне, только бросил:

— Ждите меня, шкипер. На судно никого не пускайте.

Но я опять остановил его.

— Извините меня, господин Карлсон, — сказал я. — Но если придет ваш лаборант? Как его зовут? Не было бы каких недоразумений.

— Ничего, не беспокойся, шкипер, — проговорил Карлсон и дернулся от нетерпения.

Он запахнул плащ и рысцой сбежал со сходен. Со мной на «Ориноко» остался только моторист — низенький человечек в кепке, надвинутой на лоб.

— Эй, шкипер, — крикнул он, высунувшись из люка, — подсоби-ка мне.

Теперь я мог разглядеть его получше. Очень бледная, нездоровая кожа на лице, резкие складки на лбу делали его старше своих лет. На самом деле ему не больше тридцати. И никто не дал ему права обращаться ко мне, как к равному.

— Прежде всего напомните мне, как вас зовут, — сказал я с ударением на «вы». — По-

знакомили нас в такой суматохе... Ханс, если не ошибаюсь?

— Да, Ханс Тинг, — ответил человек угрюмо, не поднимая глаз.

— Откуда вы родом?

— Из Сулидена.

Так я и думал. Неотесанный, грубый народ в Сулидене. До сих пор не научились произносить простое слово — «вы». Тычут всех подряд. Ну, поблажки не дам. Пусть попробует еще раз.

Я нагнулся. Возле мотора лежали запасные части, доставленные Карлсоном, в том числе даже ходовой винт. Я поднял винт, ощутил его тяжесть, и снова возник передо мною камень на пустынной косе, у маяка. Камень на том месте, где похоронен Аксель.

Ханс из Сулидена заставил меня очнуться. Молча он взял у меня винт, приставил к стенке, и я закрепил его. С полчаса мы закрепляли крупные детали, и моторист всё это время не издал ни звука. Затем он сказал:

— С остальными я сам управлюсь.

Но я не ушел. Руки требовали работы. Они не хотели отдыхать, ни за что не хотели. Однако какой запас деталей мы берем в плавание! Карлсон позаботился обо всем. Такого набора хватит на целый год. Похоже — Карлсон неплохой хозяин, только уж больно суетлив, убежал и не сказал ничего. А я спрашивал у него то, что шкипер обязан знать наперед. Если переход предстоит дальний, значит, надо иметь побольше пресной воды. И задрать надо везде поплотнее.

Последние соображения я выговорил вслух, и моторист тихо, как бы про себя отозвался:

— Вопросов он не любит.

— Да, верно. Всякие бывают люди, — сказал я. — Всякие люди, всякие.

Конец фразы я почти выкрикнул. Мне представились Арвид Скобе, Стиг Лаурис, Харт. Кулаки у меня сжались. И тут я увидел глаза Ханса из Сулидена, — темносерые, глубоко запавшие. В них светился испуг.

— Карлсон не любит вопросов? — переспросил я. — Вы давно с ним?

— Нет, недавно.

Глаза Ханса из Сулидена исчезли под опущенными веками, лицо его приняло прежнее замкнутое, равнодушное, сонное выражение.

— Кто он такой? Лицензиат или профессор? Вряд ли дорос до профессора.

Моторист вместо ответа усмехнулся и начал вытирать руки. Вытирал он долго, с усилием, словно пытался открутить себе пальцы. Улыбка застыла на его губах.

— Что смеетесь? — сказал я. — Конечно, я сам не очень-то сведущ в науке. Может, он написал уйму книг. Не спорю.

— Вы что, первый раз у него?

— С ним не приходилось. А вообще я плавал с экспедициями.

— Значит, имеете понятие.

— Да.

— Не меньше, чем я, разбираетесь, — сказал моторист с непонятым укором, точно я расспрашиваю его о том, что мне самому великолепно должно быть известно.

Попробуй выжать из него что-нибудь! Про-

должать этот никчемный разговор у меня не было никакой охоты, и я поднялся в рубку покурить.

Не знаю, сколько я просидел там, наедине со своими мыслями. Стемнело, когда явился Карлсон.

Он позвал меня в кубрик и развернул карту. Пятерня его задержалась у Хагена — километрах в пятидесяти от нас, к югу. Там мы примем на борт лаборанта. Оттуда наш маршрут протянется еще дальше к юго-востоку.

Подвинув мне карту, Карлсон скинул пиджак и велел подать стакан воды.

Он мог отлично сам налить себе воды, для этого нужно было встать и сделать шаг к баку, стоящему в углу. Или Карлсон считает, что шкипер будет и лакеем для него? Но я решил простить ему бестактность для первого раза.

Он сунул в рот пальцы, вынул челюсть и спустил ее в стакан. Лицо Карлсона обмякло, щеки провалились. Пробормотав что-то, он повернулся к стенке и скоро захрапел.

Там, где он провел своей пятерней, я должен теперь проложить курс, — мимо зубчатых берегов, вдоль узких проливов, среди множества островов и банок, где, бывало, профессор Бамберг ночь не спал, разбирая живность, захваченную тралом, и разглядывая в микроскоп крохотных рачков. На тех банках — на пути к Хагену — всегда кормится сельдь, и странно, что с нами не будет лаборанта в это время.

Однако я недолго раздумывал, что за человек лежит около меня в кубрике «Ориноко», выставив из-под одеяла ногу в синем носке. Способность ясно воспринимать окружающее

не вернулась ко мне. Я не покидал Ялмарена, песчаной, исхлестанной приливами косы с могильным камнем.

Вышли мы в море на рассвете. Часов в девять мы были на тех самых рыбных местах, которые так интересовали профессора Бамберга. Карлсон еще спал, ящик с приборами, корзина со стеклянной посудой оставались нераспакованными. Я спрашивал себя, — не разбудить ли Карлсона, но вскоре он появился на палубе. Он стоял, запрятав руки в карманы, и зевал. Бот слегка качнуло, и Карлсон уцепился за такелаж и выругался, да, выругался, и не по-нашему, а точно так, как выражаются пьяные американские матросы в заведении Стига Лауриса.

Я решил всё же напомнить ему, какие золотые места мы проезжаем, и в ответ услышал:

— Да, да, Ларсен. Ты хочешь, чтобы всё было так, как при твоём профессоре, как его... Не беспокойся, успеем расставить банки и склянки.

Не понял я его. О себе я пекусь, что ли? Но по всему видно было, что за разъяснениями к Карлсону нет смысла обращаться. Морская поездка плохо повлияла на него. Вчера он держал себя более солидно.

Улучив удобную минуту, я вызвал в рубку моториста Ханса из Сулидена.

— Слушайте, Ханс, — начал я. — Вы плавали с ним однажды, с Карлсоном. Сдается мне — не очень он похож на ученого. Как вы находите, а?

— Как тебе сказать, шкипер, — промолвил он нехотя. — Ты тоже имел дело с такими...

экспедициями. Что же тебя удивляет, в таком случае?

Он опять тыкал меня, но теперь, после ругани Карлсона, «ты» в устах Ханса показалось мне уже не столь обидным.

— Вот что, Ханс, нечего играть со мной в прятки, — отозвался я. — Я плавал с профессором, с умнейшим человеком. Не чета этому Карлсону.

— Я не спорю. Может, профессор по-настоящему занимался наукой.

— Чудак, спорить нечего. Разумеется, по-настоящему. Да вот, на тех отмелях...

И я стал вспоминать вслух, как мы ходили с тралом, измеряли температуру воды на разных глубинах, как Бамберг определял возраст рыб по кольцам на чешуе — словно по срезу дерева, и вообще, как много интересного я узнавал каждый день.

— Нет, тут совсем другое, — сказал Ханс, помедлив. — Во-первых, он вовсе не занимается рыбой.

— Как так?

— Он из фирмы «Атлантик компани». Американская фирма. И сам он ихний подданный, только в прошлом году приехал к нам.

— Ханс, так что же это! — крикнул я и схватил его за плечи. — И тут янки!

— Тише, тише, шкипер, — проговорил он, пятясь. — Что с тобой?

— Американская фирма? Не рыбная? Не наша? Так какая же, Ханс? Чем они занимаются?

— Мое дело маленькое, шкипер, — ответил Ханс, помедлив. — Мотористу ведь не докла-

дывают — куда и зачем. Они глубины меряют, поднимают со дна ил и прочее, — это я видел. Но рыба им ни к чему. Разве к завтраку...

Я не спрашивал Ханса больше. Ясно одно — и тут обман. Раз им понадобилось врать на счет разведки рыбных мест, стало быть, прячут недоброе дело.

Сказав себе это, я не почувствовал удивления. Напротив, я как будто ожидал чего-нибудь в таком роде. Всё шло к этому. Теперь мне странно, как я не догадался раньше, когда получал бот из ремонта или когда сидел в машине Скобе, или когда ставил свою подпись под контрактом. Две тысячи! Да, прав Эрик — такие деньги не достались бы честным путем. Смотри теперь, Рагнар Ларсен, к кому ты нанялся, куда завела тебя твоя дурацкая доверчивость.

Длинный гвоздь торчал из стенки, вбитый для того, чтобы вешать плащ. Я протянул руку, крепко, со злостью схватил гвоздь и вытащил его. Затем я согнул его пополам. Острый край шляпки больно впился в ладонь, но я всё-таки согнул его, а затем стал разгибать. Приложив его к стенке, я стал бить кулаком, пока толстый железный гвоздь не выпрямился. Тогда я вогнал его в дерево ударами кулака.

После этого я вынул платок и вытер кровь, выступившую на руке. Ханс смотрел на меня и молчал.

— Чорт их ведает, — заговорил он тихо. — Я понятия не имею. Тебе Карлсон сплел про научную экспедицию, а мне он ровно ничего не сообщил. Конечно, мое дело маленькое. Аванс получил, и помалкивай.

Последние фразы он произнес с некоторой обидой. С обидой на то, что его, моториста, держат в неведении.

— Хорошее дело незачем скрывать, Ханс из Сулидена, — сказал я. — А они скрывают. По-нял? Друзья наши! — вспомнил я вслух слова Скобе. — Избави бог от таких друзей.

Я выразился бы покрепче, да не знал — можно ли вполне довериться Хансу. Нет, лучше сперва размыслить про себя. Что же ты намерен делать, Рагнар Ларсен?

Служить американцам ты не станешь — это ясно, как дважды два четыре. Ты не позволишь Карлсону командовать собой — мистери Карлсону, прибывшему ловить рыбку в мутной воде. Нет, ты бросишь ему в физиономию деньги и уйдешь. Вот уже чернеет вдали мыс Хаген с полосатым маяком, за мысом через полчаса откроется город Хаген. Там ты и распрощаешься с проклятым янки. Но тут во мне заговорил другой голос.

Не слишком ли просто получается у тебя, Рагнар Ларсен, — сказал этот голос. — Вернуть деньги не штука, тем более, что они у тебя почти все целы. Но этого, пожалуй, мало. Карлсон наймет другого шкипера, только и всего. И будет командовать на твоём корабле, поганить его. И будет творить свои темные дела. Можешь ли ты расстаться с ним так мирно? Подумай над этим вопросом, — он ведь касается не одного тебя.

И тут первый голос — прежнего Ларсена — умолк во мне. И я сказал себе, что прежде всего выясню, с какой целью пожаловал в наше море мистер Карлсон — непрошенный гость.

Разберусь до конца, в какую паутину меня запутали. А там будет виднее, как поступить.

Пытливо, настороженно поглядывает на меня Ханс из Сулидена. Но подожди, Ханс, я еще слишком мало знаком с тобой. Ты хочешь, чтобы я открыл тебе, что бродит в моей голове? Нет, рановато, пожалуй. И я сказал нарочно:

— Ничего не попишешь, Ханс. Авансы мы с тобой взяли, значит, Карлсон над нами хозяин.

Около полудня мы встали на якорь в Хагене. На судно вошел долговязый мужчина в сером плаще, доходившем до колен. Я сразу же узнал этого человека. Передо мной был Гейнц Янзе, бывший боцман с биберовского траулера, нацист Гейнц Янзе.

25

Смотри, Ларсен! Вот до какого позора ты дожил. Они расположились на твоём корабле, как у себя дома. Куда ни глянешь в кубрике, всюду их бутылки, банки из-под консервов, набитые вонючими окурками. Раскидали свои лезвия для бритвы, кисточки с запекшимся мылом, пропотевшие воротнички. Янзе лежит в одном белье, свесив с койки босые ноги, — он выпил, и ему жарко. Как они пакостят всё, к чему прикасаются. Ждут, верно, что я буду убирать за ними.

Карлсон сидит в расстегнутой рубашке и покрывает листок тетрадки столбиками цифр.

— Я потревожу вас, господин Карлсон, — начал я. — Прошу вас ответить мне. Не при-

вык я работать впотемках. Если я взялся за какую-нибудь работу, господин Карлсон, то я должен знать, в чем ее смысл.

— Ах, вот как, шкипер, — говорит Карлсон, отрываясь от тетрадки. — Тебе не терпится, чтобы всё было, как у твоего профессора... как его... Не беспокойся, шкипер. Завтра же расставим приборы.

Дряблые губы Карлсона изображают что-то похожее на усмешку. Он издевается надо мной.

Руки назад, Ларсен, — приказываю я себе. Немедленно назад, за спину, чтобы не видно было, как хочется тебе двинуть в морду того и другого. Господи, как трудно сдержаться! Но это необходимо.

— Прошу вас разъяснить мне характер работы, — говорю я отдельно. — Иначе, господин Карлсон, я не смогу вам быть полезен.

Карлсон опешил. Правда, он пытался скрыть это, выпрямился и даже застегнул рубашку на все пуговицы, — но я отлично заметил, что он смутился и обдумывает, как быть со мной. Прогнать шкипера Ларсена на берег он, как видно, не склонен. Янзе, приподнявшись на койке, пробормотал:

— Ему не нравится наша компания.

— Помолчи, — бросил ему Карлсон и ударил носком ботинка в голую ступню. — Мы с вами, господин Ларсен, — сказал он, поворачиваясь ко мне, — не будем ссориться.

«Эге, да он сбавил тон», — подумал я. Ладно, посмотрим, что дальше.

— Согласен с вами, — сказал Карлсон еще тверже. — Не будем играть в прятки. Вы ведь не красный, — так меня уверяли. Если так, то

вы должны понять. Да, Ларсен, вы поймете, что наша работа поважнее, чем рыскать за следкой. Америка выступит, наконец, против большевиков. У вас, как будто, нет оснований симпатизировать русским, не так ли, Ларсен? Меня уверяли, что вы надежный человек. Вот некоторым вашим знакомым я бы не доверял, — например, бывшему почтальону Пелле. Я потому вам и не сказал всего тогда, — в кабинете у Бибера. Одно слово, оброненное при Пелле или при вашем мальчике, может сделать кучу неприятностей. Суть в том, Ларсен, что наша работа — запомните это хорошенько — совершенно секретная. Специальность нашей фирмы — морские сооружения: портовые устройства, доки, укрытия для кораблей. У вас тут в бухтах, среди островов, замечательные места имеются. Подводную лодку, торпедный катер можно держать наготове так, что пройдете мимо и ничего не заподозрите. Надобно обследовать эти места, прощупать удобные фарватеры. Понятно вам?

— Еще бы не понятно, — сказал я как можно хладнокровней. — Все говорят, что будет война. Ничего секретного, по моему разумению, тут нет.

Пусть они думают, что перед ними прежний Ларсен. Прежний растяпа Ларсен. Буду держаться этой роли до поры до времени, чтобы выведать побольше.

— Конечно, для нас с вами это не секрет, — согласился Карлсон. — Но для людей недалёковидных... Могут пойти кривотолки среди рыбаков. Тем более, что работать мы будем как раз в промысловых районах.

«И это понятно, — подумал я. — Понятно, зачем мы должны выдавать себя за научную экспедицию. Честным рыбакам вы боитесь сказать, господин Карлсон, чем вы заняты. Мало вам острова Торн. Вам нужны еще острова. Вы отнимаете наш хлеб, мистер Карлсон. И что вы даете взамен? Войну».

— Повторяю, — продолжал между тем Карлсон, — язык держать за зубами! Вы не прогадаете, если зарекомендуете себя у нас соответствующим образом, шкипер. На оплату вы пожаловаться не можете. А нам нужен такой человек, как вы. И судно такого типа: мелкосидящее, устойчивое судно, да еще опытный моряк за штурвалом... В здешних фарватерах сам дьявол хвост потеряет.

«А мы разве просили вас лезть сюда, господин Карлсон?» — подумал я. Но сказал так:

— Передо мной теперь всё раскрылось, благодарю вас. Я вижу теперь, что представляет собой ваша фирма.

— Вопросов нет больше?

— Никак нет, господин Карлсон.

Некоторое время он смотрел на меня своими водянистыми глазами, а затем кивнул:

— Ступай.

Господи, сколько надо сил, чтобы сдержать себя!

Я возвращаюсь в рубку. Здесь мне легче дышать. Легче, потому что моя рука на штурвале.

Я не боюсь вас, Карлсон. Я сильнее вас — я веду корабль. Вы воображаете, что я в вашей шайке. Не стану разубеждать вас пока. А откровенность ваша мне как нельзя болес

кстати, — сейчас уже более отчетливо рисуется в голове, как надо действовать.

Мы выходим из Хагена. Из воды торчат скалы, изъеденные дождями и ветром, похожие на гнилые зубы. Ветер налетает короткими порывами, сбивает пену с острых, злых волн, не дает им донести ее, швырнуть в борт судна.

Линия горизонта еще резкая, небо над ней почти везде чистое; только в одном месте выползают маленькие облачка и мчатся навстречу. Плотные, с рваными краями, они несут весть о перемене погоды. Что ж, не беда. Штормы в августе хоть свирепы, но коротки. Они не расстроят моих намерений.

— Шкипер, — шепчет моторист Ханс, втиснувшийся ко мне. — Слушай, какая история: Карлсон вызвал меня...

Оказывается, Карлсон велел мотористу наблюдать за мной, доносить о моих настроениях.

— Не удивляюсь, — сказал я. — Им каждый честный человек страшен. О чем еще с тобой толковали?

— Больше ни о чем. Да, когда я вошел, они спорили, и Карлсон здорово наседал на длинного. «Вы, говорит, будете кричать «хайль» президенту Трумэну». Кто этот длинный? Немец, что ли?

— Голландец, как будто. Значения не имеет. Думаешь, он Голландию свою не продаст Трумэну? Продаст в любой момент.

Я рассказал мотористу всё, что знал о Янзе. О его похождениях в качестве штрейкбрехера, о том, как он, сидя в «Веселом Лососе», грозился, что еще побывает в России и отомстит

русским. И как он удрал из города, когда люди разобрались, что он за птица.

— А теперь его наняли американцы, — сказал я. — И выходит, как ни поверни, с какой стороны ни посмотри, — кто русским враг, тот и нам враг.

Нелегко далась мне эта истина. Но теперь я уразумел ее. Чем больше я размышляю о том, что произошло со мной, тем глубже она вбивается в голову. Да, у нас, простых людей, и у русских враги одни и те же. Я не попал бы в ловушку к Карлсону, если бы знал это раньше. Но уж теперь я чувствую, как эта истина впитывается в самую кровь мою, бежит по жилам, входит в мускулы, становится как бы частью моего существа.

Однако для Ханса из Сулидена вывод мой оказался не таким ясным. Он пожал плечами.

— Я плохо разбираюсь в политике, шкипер.

— И я тоже, — ответил я. — Но политика бывает разная, хорошая и плохая.

Так произнес я, сам того не ожидая, слова Нильса. Ну да, слова Нильса, дошедшие ко мне через Пелле, почтальона.

Однако не слишком ли я разоткровенничался с Хансом из Сулидена.

— Задранть как следует люк, — говорю я ему, — закрепить жестянки с горячим, а то море начнет нас бросать, они слетят и покатыся тебе под ноги.

И вот я опять один в рубке. Темнеет быстро. В последних отблесках солнца, потонувшего на западе, летят и летят облачка. Они несутся по чистому, холодеющему небу, как стайка буревестников. Их становится всё больше,

и, наверное, они затянут до рассвета весь небосвод. Проплыл мимо, перерезав мне путь, торговый пароход — глыба с редкими светляками. Видно, как ветер рвет его флаг, на котором уже нельзя различить цвета. Дым плотной, тяжелой гущей выливается из трубы, спадает со спардека, с кормы и стелется над самой водой. Это — верный признак шторма: отяжелевший, придавленный к воде дым. В сыром воздухе тускнеет блеск маяков, они тоже предупреждают меня о наступающей буре.

Бот движется в небольшом пространстве света, отбрасываемого фонарем. Смутно видно, как нос раскалывает вал, выбегающий из тьмы, гонит перед собой волну, как она сталкивается с новым валом, — и тогда две волны, налетев друг на друга, в ярости лезут кверху и кончают свою борьбу на палубе «Ориноко», в обвале кипящей, сплетающейся пены.

Черна ночь, но вдали мерцает крохотный огонек. Я веду бот на него, он делается больше, ярче. Я приближаюсь к нему до тех пор, пока справа, из-за острова, не вынырнет другой маяк, — и тут не зевай, немедля переключай руль, бери вправо. Наперекор ночи, бесконечной чередой развертываются путеводные огни. Они словно висят в густой мгле. Вот маяк Слите, загорающийся лениво, медленно — два раза в минуту. Вот деловитый Йоран, отсчитывающий короткие вспышки каждые десять секунд, а там резвая Уктуна, которая сыплет своими искорками почти без передышки. Выходите, показывайте мне дорогу! Ваш язык давно понятен мне, я заучил его наизусть. «Не подходи ко мне, — тревожится Уктуна, — здесь

Кошачьи рифы, погубившие не одно судно». Но я вижу ясно. Я иду к маяку Онгеруд, выросшему слева, на лесистом мысу, и Кошачьи рифы — острые каменные когти — остались позади.

Пролив расширяется, острова с огнями маяков отодвигаются в сторону, и курс теперь прямой. Но зато еще крепче ветер на просторе. Всё сильнее колотит он в стекло рубки, гнет мачту, натягивает такелаж. Всю ночь «Ориноко» пробивается сквозь жестокий шторм.

Янзе, зеленый от качки и от выпитого виски, окликает меня сзади. Ноги плохо держат его, он обеими руками вцепился в дверь.

— Шкипер, ч-чорт тебя подери, — мямлит он. — Куда нас несет? Нельзя встать где-нибудь, переждать? Слышишь ты, шкипер?

— Никак нет, господин Янзе, — отвечаю я, сдерживая злость, поднявшуюся во мне при виде этой рожи. — Негде бросить якорь. Ни одной удобной гавани. Надо потерпеть.

Вслед за ним показывается Карлсон. Он пытается повысить голос, но только шипенье вырывается из его помятых губ. И для него ответ у меня тот же. Нет, «Ориноко» не сойдет с курса.

Скрипя всеми своими суставами, взбирается бот на хребты моря, — то нос вздыблен к небу, и вода каскадами бежит по палубе к корме, то взлетает корма, и винт начинает вдруг вертеться вхолостую. Кто увидит с берега топовый огонь рыболовного бота, тот, верно, подумает: с ума сошел рыбак, что он болтается в море в такую непогодь, давно пора ему быть дома. Тревожно перемигиваясь, провожают меня

далекие маяки. Пусть как следует потреплет шторм непрощенных гостей, расположившихся на моем корабле, пусть вытрясет из них душу, — попеняют на себя, что сунулись к нам. А для «Ориноко» не опасен короткий августовский шторм. Утром он утихомирится. Мы тогда будем опять в крае островов. Карлсон отметил их кружком на карте, он намерен начать там свои промеры, — но не всё сложится по его желанию. Именно там, в рыбацком крае, где идет промысел селедки и трески, поговорю я с мистером Карлсоном начистоту. И при свидетелях.

Задувай же, ветер, громозди волны — всё равно ты не заставишь меня сойти с курса, спрятаться под защиту бухты. Не будет для меня покоя, пока я не сделаю того, что велит моя совесть.

26

— Тихий ход, Ханс!

Отдав команду, я переложил руль. Бот качнуло на невысокой, голубой волне, и переговорная трубка вдавилась мне в подбородок. Я увидел вдали косогор, покрытый пятнами зелени, и между ними в одном месте — деревянный домик с оцинкованной крышей. С косогора волнами сползал утренний туман. Всё это я увидел, потому что зрение у меня в эту минуту обострилось до крайности.

Косогор только что был по левому борту, но теперь суша стеной выросла впереди.

Передо мной, метров трехсот не доходя до берега, беснуются буруны. Здесь каменная

банка. Взгляд едва прощупывает ее сквозь пену. Вон рыбацкий бот обходит камни. Но я не поворачиваю штурвал. Прямо на камни веду я «Ориноко».

Ветер встречный, с суши, как я и ожидал. Ветер — союзник мой: он не толкает меня в корму, чтобы с силой бросить на камни, а, напротив, дует в лицо, и, значит, я могу всецело положиться на руль и мотор.

— Самый тихий ход, Ханс, самый тихий!

Прямо на камни, на гряды гранита, исхлестанные бурунами, веду я свой бот. Ну, держись, «Ориноко»! Не подведи меня. Ты молодецом выдержал ночное испытание — должен вынести и это. Я верю в тебя, мой корабль.

Вот уже близко! Можно пересчитать, сколько блестящих, округленных прибоем вершин высовывает из воды каменная банка. Раскачивается бревно, измочаленное прошедшим штормом. Держись, «Ориноко»! Покажи, сколько у тебя осталось сил. Не выпуская штурвала, я одной рукой хватаю переговорную трубку, подтягиваюсь к ней и кричу:

— Самый тихий ход, Ханс! Самый тихий, и всё будет в порядке. Слушай меня, Ханс!

Еще миг — и «Ориноко» коснулся дна. Киль, скрежеща, проехал по камням, но не остановился: мутная волна подхватила его, пронесла немного дальше. Она несла его, как мне показалось, очень медленно. Я успел заметить, что из расщепленного бревна торчит загнутый гвоздь, а рядом, на той же волне, лежит обруч от бочонка. И тут раздался второй удар о днище.

Корпус «Ориноко» трещит, как скорлупа, —

так стиснули его каменные клещи. Он еще сопротивляется, бедняга «Ориноко», рвется вперед, но клещи сжимаются, и весь корпус корабля стонет от боли. Сзади накатываются валы, молотят в корму. Но вот корабль затих, перестал стонать, и волны, плещущие в корму, не колеблют его больше. Всё в порядке, старина! Кажется, я рассчитал удачно. Теперь стой, спокойно стой на месте, верный мой «Ориноко». Ты увидишь, как сойдутся сюда со всех сторон рыбацкие суда, — к нам на помощь. У меня лежит на полке, над штурвалом, сигнальный флаг бедствия, но разворачивать его, верно, не придется, рыбаки и так увидят, что мы попали на камни, и соберутся все, сколько их есть в этой бухте: ведь каждому лестно подать руку помощи Рагнару Ларсену и его славному «Ориноко».

Вот уже один — тот, что при мне обходил банку, — направляется сюда. Идут, идут сюда! Нужды нет, что я встречаюсь с ними впервые в жизни, — они такие же рыбаки, как и я, и мы пойдем друг друга.

Смертельно бледный Карлсон вылез из кубрика. Не сразу сообразил я, что он надевает на себя спасательные пояса, — все четыре сразу. Пояса, запасенные на весь экипаж. Карлсон с бранью отталкивал нациста, цеплявшегося сзади. Янзе отшатнулся — Карлсон двинул его ногой в живот.

— Тихо! — заорал я. — Эй, вы — Атлантик компани! Тихо! Расшумелись тут!

Это отрезвило их.

— Бросьте их, — приказал я Карлсону, указывая на пояса. — Не валяйте дурака.

Неплохо, если бы он прыгнул с борта на камни. Туда и дорога. Но, значит, не догорела ваша свеча, мистер Карлсон, ваша паршивая сальная свечка.

Пояса падали на палубу. Он отвязывал их с трудом, а последний так и не мог отвязать. Пальцы его дрожали, как у вора, пойманного с поличным. А Янзе визгливо засмеялся и сел на палубу, поджав длинные ноги.

Идут рыбаки, идут на выручку. На первом боте уже разматывают трос и хотят кинуть мне конец. А вот еще бот и еще. Знаками я даю понять бородатому шкиперу с концом троса в руке, чтобы он подошел еще ближе, — пока позволяет глубина. Сложив ладони рупором, я зову их всех:

— Ближе ко мне, братцы! Ближе!

Сейчас я скажу им. Конечно, если бы здесь был Нильс Эбергард, он сумел бы куда лучше произнести речь. Не мастер я говорить и многого еще не понимаю в том, что происходит вокруг, но главное, кажется, понял. Не нужно только спешить, — вон еще три судна подплывают сюда. Мачта за мачтой вырастают передо мной. Небось, диву даются рыбаки, как могло случиться, что Рагнар Ларсен угодил на банку среди бела дня. Сейчас я скажу вам. Вы поймете, друзья, что у меня не было другого способа собрать вас, собрать без помех со стороны моих пассажиров, и начать с вами беседу. Вы поймете и другое: уж если Рагнар Ларсен не пожалел свой знаменитый бот, чтобы созвать людей, значит, причина очень серьезная. Вы узнаете, кто эти два дрожащие, жалкие

существа у меня на палубе, узнаете, что им
нужно здесь и кто их послал. Вы узнаете всё.

Слушайте меня, друзья! Выходите из кубри-
ков, из моторных отсеков! Нас много, и если
мы все будем действовать дружно, то сможем
постоять за себя, защитить свою родную стра-
ну, свой хлеб насущный, своих сыновей.

1954	ГБ УзССР
	3071

Редактор Т. Д. Зубкова

Переплет и титул Б. Ф. Семенова

Технический редактор Л. Г. Левоневская

Корректор Е. Н. Куренкова

М-37804. Подписано к печати 4/IX 1953 г.
Форм. бум. 70 X 92^{1/2}. Бум. л. 2,75. Печ. л. 6,44

Уч.-изд. л. 6,16. Тираж 30 000.

Изд. № ХС-2/143. Заказ № 972.

Цена 2 р. 85 к. (по прейскуранту 1952 г.)

Типография имени Влодарского,
Ленинград, Фонтанка, 57

40145

2 р. 85 к.